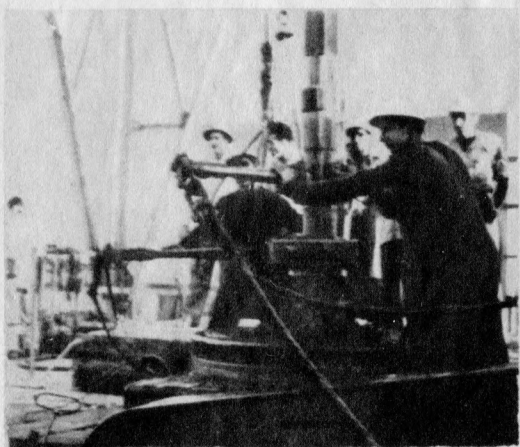
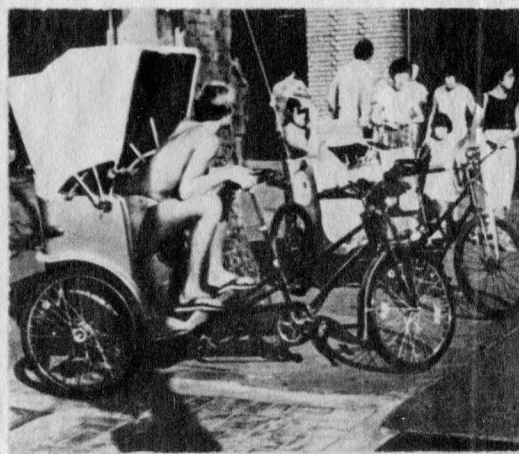
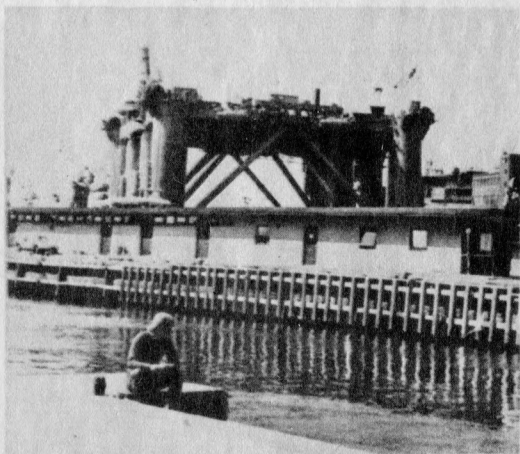
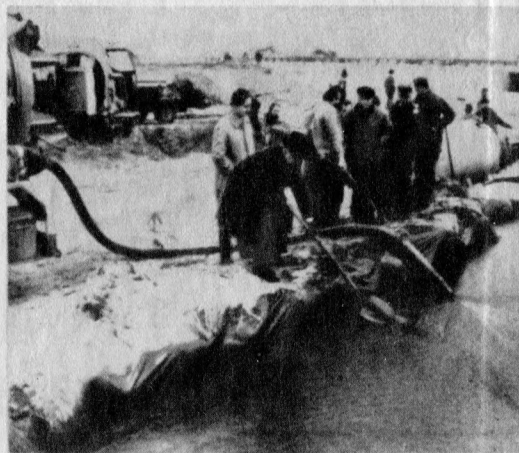
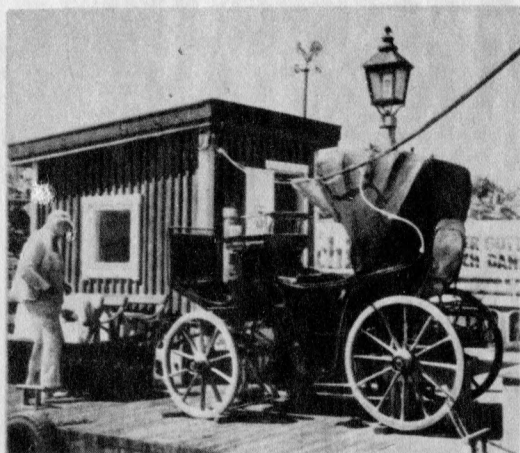

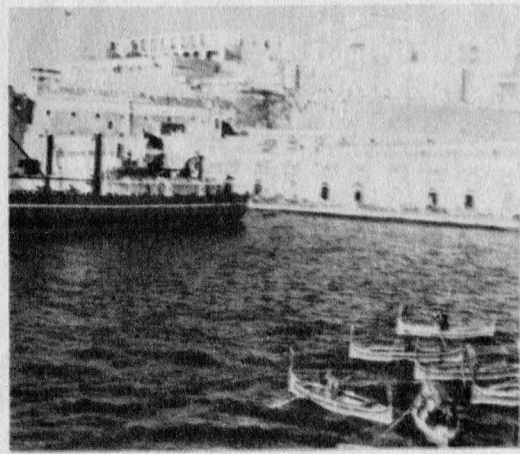
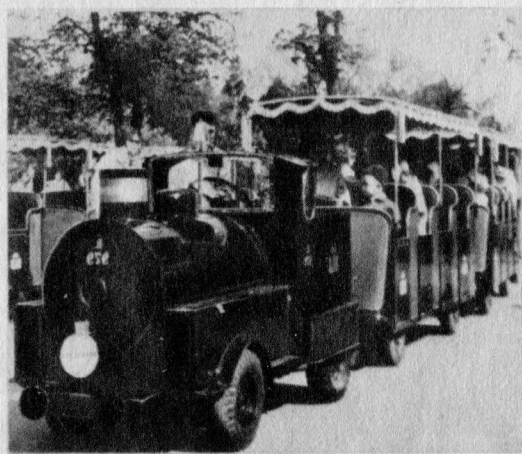
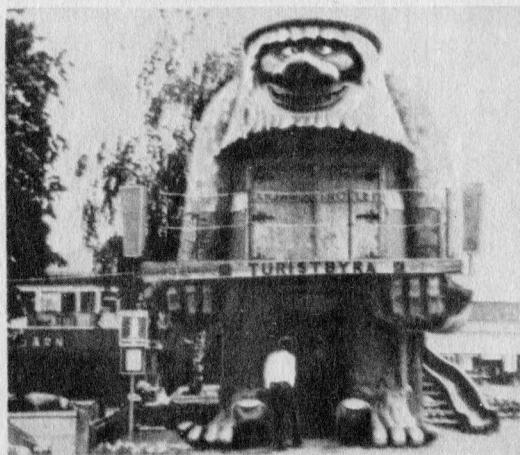
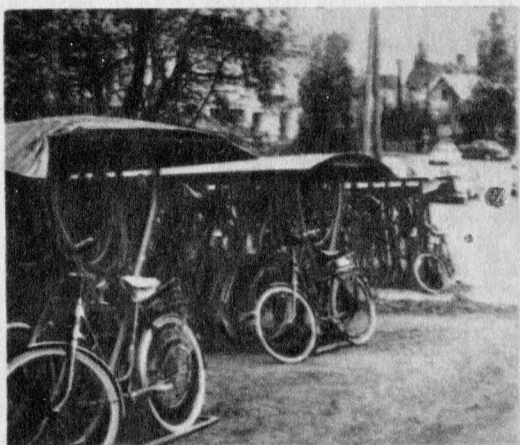
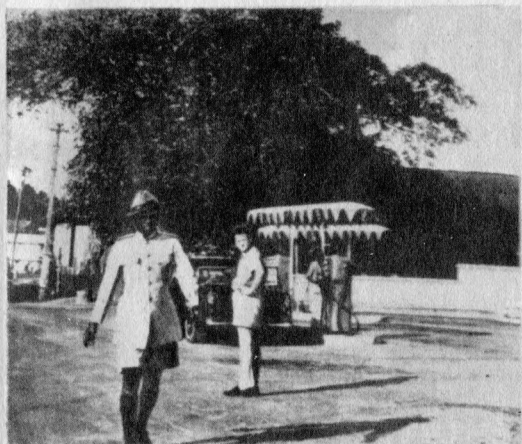

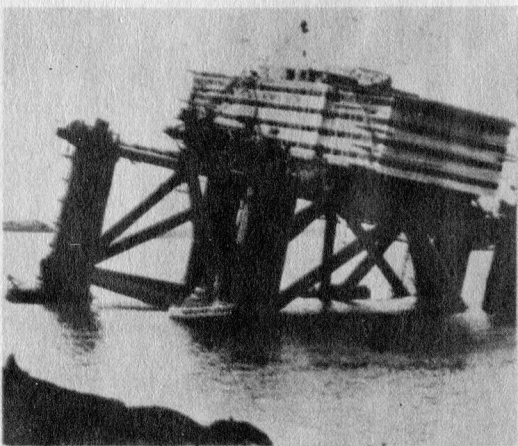
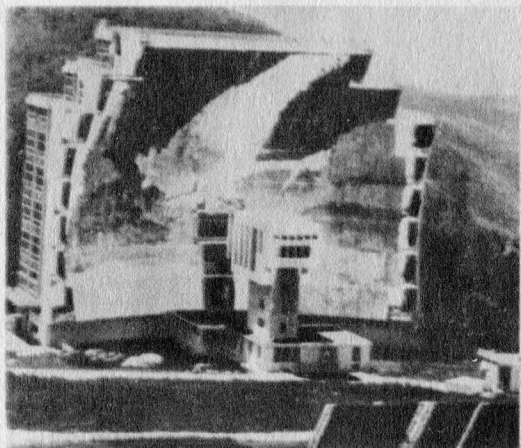
ВАДИМ КАССИС

ТАЙНА ДРЕВНЕГО КОЛОДЦА

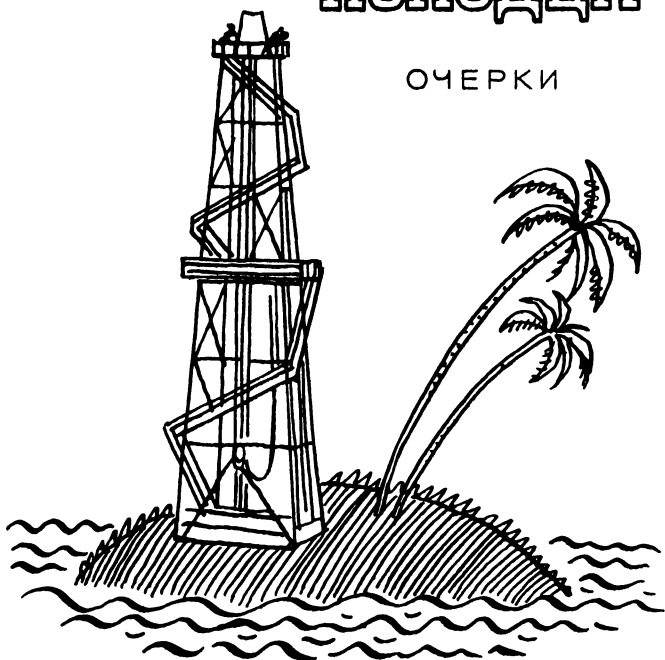

ВАДИМ КАССИС

ТАЙНА ДРЕВНЕГО КОЛОДЦА

ОЧЕРКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1985

65.9

К28

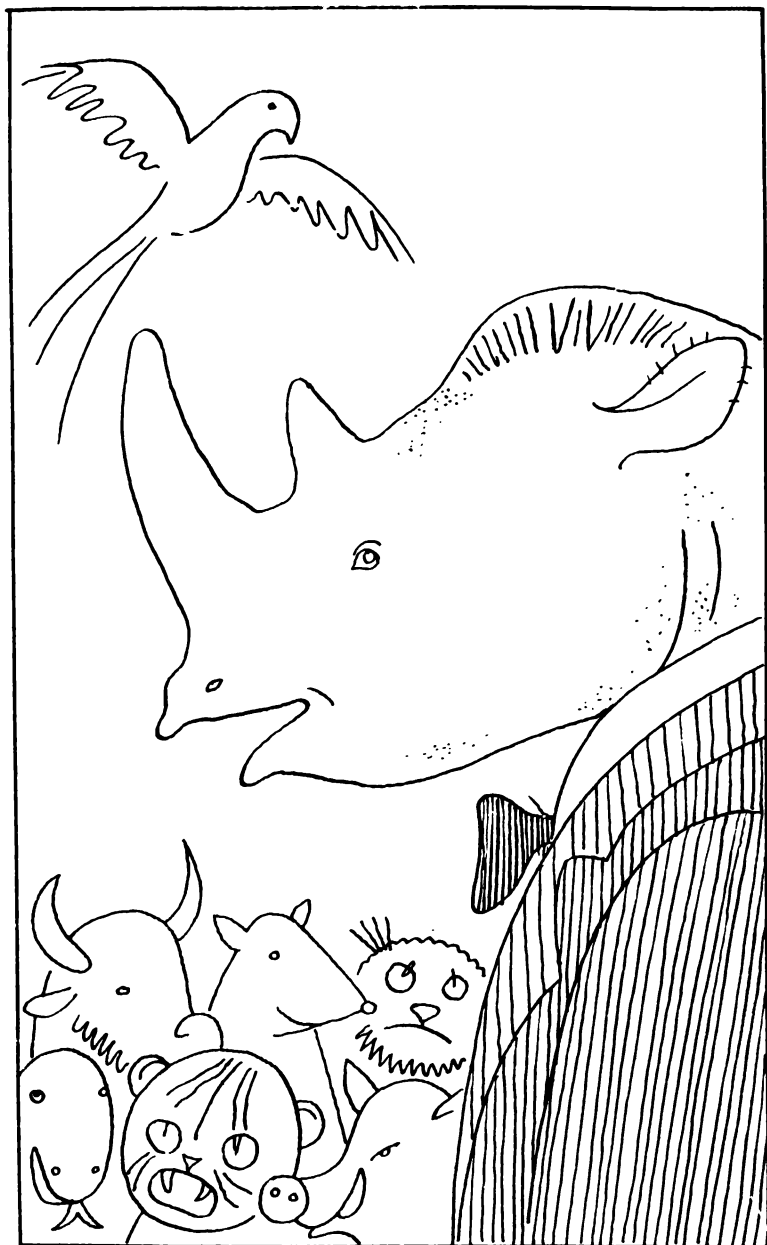
НА ФОРЗАЦЕ ФОТОГРАФИИ АВТОРА
ХУДОЖНИК А. БОБРУСОВ

К 4802010000—539 86—84
М101(03)85

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

ЛИЦА И МАСКИ

БЕСПРЕДЕЛЬНЫ ЛИ ЗАПАСЫ ГОРЮЧЕГО?

Поздний летний вечер. В маленьком курортном городке на Атлантическом побережье Соединенных Штатов Америки стихли улицы, редкие прохожие торопятся к домашним очагам. И только в отеле «Ротшильд» за ярко освещенными окнами царит оживление. Женщины в вечерних туалетах, спущенные с подносами в белых перчатках бармены, фраки мужчин, улыбки, меткие фразы, лица и маски... Карнавал по случаю юбилея нефтяного туза средней руки Раскинда подходит к концу. Хозяин уже наговорился, гости устали. Ждали последний тост. И не пожалели, что не разошлись раньше.

— Кризис, господа, кризис! — басил Раскинд, размахивая указательным пальцем перед самым носом помощника мэра города. — Мы все, конечно, начеку! Мы задушим его в собственной постели! Так поднимем же бокалы за преодоление энергетического кризиса!

Раскинд не успел завершить тост, как к нему подбежал старший сын:

— Отец, пришла радиограмма! «Бристоль» наскочил на мель. Про боину заделать не удалось. Нефть вылилась в море...

Раскинд непонимающе взглянул на сына:

— Нефть, команда, море... Дьявол с ними. На мель тоже наплевать. Капитан вез мне говорящего попугая. Он-то жив, попугай, не знаешь?

— Целый танкер нефти в море, ты понимаешь, отец? При чем тут твой дурацкий попугай!

— Да сгни она, вся эта нефть! Я должен был подарить попугая самому...

Эту несколько гротескную историю в США с некоторых пор рассказывают вместо анекдота, когда хотят показать безрассудство, сумасбродство иных людей, доведенные до абсурда. А между тем история заслуживает внимания. Она даже типична для общества, где постоянно мелькают лица и маски...

...Великий русский ученый Д. И. Менделеев в свое время говорил: сжигать нефть в топках — это все равно что топить их ассигнациями. В самом деле, нефть — сырье уникальное. Из нее путем переработки на заводах получают бензин, осветительный керосин, реактивное топливо, смазочные масла, без которых не может работать даже самый примитивный механизм. Даже оси примитивных колесных колымов, фургонов, конков, армейских тачанок смазывали дегтем.

Нефть — это неисчерпаемый ассортимент химических соединений: искусственные волокна и синтетический каучук, растворители и органические кислоты, моющие средства, строительные и бытовые пластмассы, удобрения. В наши дни сырье, которое используется в химической промышленности, на 80 процентов нефть и газ. Но, несмотря на поистине безграничные возможности этого полезного ископаемого, для химических

целей используется всего лишь семь процентов добываемой нефти. Основная часть расходуется на топливо. Образно говоря, над нашей планетой день и ночь подыхает гигантский факел. Возникает вопрос: как долго он может гореть? Кто не знает, что любой автомобиль требует регулярного пополнения его бензобака, а домашняя газовая плита предполагает бесперебойную подачу топлива в квартиры домов. Утоления топливной жажды с наименьшей настойчивостью требуют электростанции, котельные, дизельэлектровозы и так далее.

Нобелевский лауреат Джордж Томсон в книге «Предвидимое будущее» вспоминает: «Когда я был еще ребенком, в популярных научных трудах с ужасом говорили о том дне, когда исчерпаются все запасы угля и нефти (тогда этот день казался почему-то ближе, чем ныне)». И что же? Полвека назад разведанные запасы (8 миллиардов тонн) при тогдашнем уровне ее потребления должны были истощиться к 50-м годам. Ничего подобного не произошло, всеобщий мрак не наступил. Сейчас установленные запасы нефти равны 77 миллиардам тонн. Иные ученые на Западе склонны считать, что если потребление нефти будет расти на три процента в год, то этого количества хватит всего лишь на тридцать лет.

Однако предсказать скорый «конец нефти» и расписаться в безысходности — это лучшее средство ускорить его приход. Парадокс? Совсем нет. Ведь если беспечно продолжать расходовать нефть, но не заниматься поисками новых месторождений, не совершенствовать развитие ядерной, солнечной, ветровой и гидроэнергетики, списать со счета другие горючие ископаемые, например уголь, которого хватит на гораздо большее время, чем нефти, то любой ресурс будущего может перестать быть таковым.

В Советском Союзе ученые не намерены драматизировать обстановку, хотя никто не отрицает, что запасы топлива ни в СССР, ни во всем мире не беспредельны. Это реальность, которая и ведет к увеличению цен на бензин, масла и т. д. В нашей стране — мы это честно признаем — добыча жидкого топлива, геологоразведка на нефть и газ тоже постепенно дорожают. Ведь буровые вышки шагают все дальше на восток, в Приполярье, в зону вечной мерзлоты, суровых зим и короткого северного лета. Разве можно сравнивать труднодоступные районы с теплым Кавказом! И тем не менее плановый подход к энергетической проблеме в СССР позволил не только не сократить за последние годы добычу «черного золота», но существенно расширить его географию. Судите сами: к ранее действующим кавказским прибавились вновь открытые месторождения Тимано-Печорское в Коми АССР и Поволжье, Средней Азии и Западном Казахстане, Украине и Западной Сибири, других районах.

В нашей стране продолжает расти добыча других горючих ископаемых. Советские специалисты никогда не соглашались с недооценкой твердого топлива, которая получила распространение в капиталистическом мире.

СССР не зависит от зарубежных поставщиков, от капризов конъюнктуры на внешних топливных рынках. Более того, Советский Союз в до-

вольно короткий исторический срок сумел создать отечественное нефтяное машиностроение, признанные во всем мире турбобуры, оказал помощь в становлении нефтяной промышленности десяткам развивающихся стран. Наше государство успешно сотрудничает в рамках стран социалистического содружества, где никакие трудности не могут вызвать острой кризисной ситуации. Это подтверждается событиями 70-х годов: в то время когда энергетический кризис на Западе повлек за собой закрытие многих предприятий, увольнение сотен тысяч рабочих, в странах СЭВ¹ на улицу не был выброшен ни один рабочий, не остановился ни один цех.

Упомянутая нами вспышка кризиса возникла в буржуазных странах в конце 1973 года. Нехватка топлива была вызвана в первую очередь характером отношений, сложившихся на мировом рынке нефти. Развитые капиталистические государства десятилетиями обеспечивали себя дешевой, точнее, награбленной нефтью развивающихся стран. Непосредственным грабителем стал так называемый Международный нефтяной картель, в который вошли «семь сестер» — семь ведущих монополий США и Англии². Даже некоторые западные политики оказались вынужденными признать: главная причина энергетического кризиса и роста цен — бесконтрольность, произвол всемогущих нефтяных корпораций, постоянно увеличивающих свои прибыли. Нефтяной бизнес умышленно организует нехватку горючего, чтобы взвинтить цены, вызвать на рынке спекулятивный ажиотаж.

Автор книги, с которой вам предстоит познакомиться, не преследовал цель дать всесторонний научный анализ как самого кризиса, так и его пагубных последствий. Не намеревался он и разбирать во всех деталях природу нефтяных корпораций Запада. Это особая тема. Да к тому же о некоронованных королях нефти написано немало. Правда, в иных иностранных книгах предпочитается повышенное внимание к светской хронике сильных мира, нежели объективное освещение их хищнических приемов и алчных интересов. Их изображают людьми исключительными, стоящими над «безликой чернью», отчего портреты «королей» больше похожи на карнавальные маски.

Лица и маски. В характере одного из родоначальников «Ройял датч шелл», М. Самуэля, всегда, например, подмечается его исключительная деловитость и кротость. А его компаньона по картелю Г. Детердинга рисуют человеком необычайно общительным, эмоциональным. О бывшем хозяине «Ирак петролеум» К. С. Гюльбекяне рассказывают, что он обладал аппетитом, достойным самого Гаргантюа, а щедростью «царя небесного».

Итак, деловитость, общительность, кротость, щедрость... Ни слова по делу, ни звука о необузданной жажде наживы, жестокости, неразборчивости в средствах. А между тем тот же Гюльбекян, определяя характер

¹ СЭВ — Совет Экономической Взаимопомощи стран социалистического содружества.

² В составе картеля: «Экссон», «Тексако», «Галф ойл», «Мобил», «Стандарт ойл компани» (все они из США), «Ройял датч шелл» (англо-голландская компания) и «Бритиш петролеум» (Англия).

взаимоотношений между нефтяными конкурентами, любил повторять: «В нашем деле, как у бродячих котов: с улицы доносятся их дикие вопли, но понять, дерутся они или вместе ловят мышей, невозможно». Образное откровение, ничего не скажешь!

Правда, среди характеристик, данных самому Гюльбекиану западными авторами, есть одна отдающая злорадным ехидством, но весьма правдивая: «Единственное место, где он физически соприкасался с нефтью, — это сиденье его автомашины, за которым был упрятан бензобак».

А Детердинг был среди вдохновителей английской военной интервенции в Закавказье с прицелом на бакинскую нефть. Зверская расправа с двадцатью шестью бакинскими комиссарами окровавила и его руки.

Итак, Детердинг и Гюльбекиан — это не единственные лица под масками, которых так любят превозносить в своих сочинениях буржуазные авторитеты. Нефтяных королей наберется три-четыре десятка. Этих мы выбрали, чтобы подойти к очень важному этапу в истории создания Международного нефтяного картеля. Именно этот тандем выступил инициатором создания первого нефтяного альянса с магнатами Соединенных Штатов Америки. На встрече в бельгийском городе Остенде был заключен договор о так называемой «красной черте». Он поделил сферы влияния участников сделки от берегов Турции до Аравийского полуострова. Затем последовал новый этап переговоров, в расширенном составе, в Шотландии, в местечке Ачнакарри. Там гостей принимал голландец Детердинг, которому кто-то из политических деятелей Запада с загадочной улыбкой шепнул:

— Вы умно сделали, что связали свою судьбу с судьбой Великобритании, поставив нефть под защиту английских пушек.

Детердинг в Ачнакарри представлял «Ройял датч шелл», У. Тигл — «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и Дж. Кадмен — «Англо-Персиан».

Лица и маски. В жаркой дискуссии и сигарном дыму на террасе охотничьего домика Детердинга родился «Ачнакаррийский пул», который в наши дни уже обрел знакомую нам форму «семи сестер».

Но несмотря на всю изобретательность в раздувании вражды между богатыми «черным золотом» странами, монополисты из «семи сестер» оказались не в силах помешать объединению этих государств. С целью защиты своих интересов развивающиеся страны в октябре 1960 года создали Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК). Она сыграла большую роль в пересмотре поистине кабальных соглашений с капиталистическими корпорациями. Однако не все шло гладко на пути становления ОПЕК...

ВЫСТРЕЛЫ В ВЕНЕ

В конце 1975 года в венской штаб-квартире ОПЕК открылась очередная, 46-я конференция министров нефтедобывающих стран. Одно из заседаний было решено провести при закрытых дверях. Так требовали обстоятельства, так позволял устав. Этого оказалось достаточно для того,

чтобы возле входа в здание ОПЕК собралась толпа журналистов из западных стран. Они ждали сенсаций и сами их создавали. Поползли беспочвенные слухи о кризисе этой организации, о каких-то неладах в руководстве. А в конференц-зале продолжалась интенсивная работа.

И вдруг раздались истошные крики по-английски:

— Руки вверх! Руки вверх и не шевелиться!

Вслед за этим тишину разорвали автоматные очереди. Те, кто стоял на улице, на всякий случай кинулись бежать, не зная, что в зал заседаний ворвались неизвестные. Их было трое. Самый маленький со сверкающими от возбуждения глазками беспрерывно палил в потолок. Другие обезоруживали сбитого на пол австрийского полицейского. Телефонистка ОПЕК бросилась к телефонному пульта, надеясь сообщить о бандитском нападении. Но налетчики тут же вывели пульт из строя, прошив его несколькими очередями из автоматов. С этой секунды здание оказалось совершенно отрезанным от внешнего мира. Усыпанный битым стеклом и стреляными гильзами пол, перевернутые столы, расшвыренные бумаги, справочники, кругом раздаются истошные выкрики террористов, вооруженных автоматами и гранатами. Все произошло в считанные минуты. А над входом в зал все еще светило чудом уцелевшее табло: «Идет заседание. Просьба соблюдать тишину...»

Выстрелы в здании, естественно, тут же привлекли внимание местной полиции. Завыли сирены, и несколько машин с блюстителями порядка подкатили к месту происшествия. Тогда террористы бросили в вестибюль гранату, давая тем самым понять, что они просто так не сдадутся, и стали поспешно обыскивать министров и членов делегации. Всего в зале находилось около семидесяти человек.

Как стало известно потом, в воскресенье утром австрийское правительство собралось на экстренное заседание. Канцлер Бруно Крайский прервал свой отпуск и прибыл в столицу. Нападение террористов повлекло за собой гибель двух австрийских полицейских, служащего ОПЕК и члена иракской делегации.

Австрийскую печать заполняли противоречивые данные. Кто эти люди? Почему они ворвались не в банк, а в конференц-зал, где нет ни сейфов, ни бронированных подвалов с золотыми слитками? В чем дело? А террористы тем временем от имени организации «Рука арабской революции» предупредили, что, если полиция предпримет штурм здания, они взорвут помещение вместе с заложниками. Дело принимало совсем скверный оборот.

Первое, что было сделано, проверили, существует ли где-нибудь организация под таким названием. Нет, никакой «Руки арабской революции» не было в природе. Организация освобождения Палестины (ООП) тут же обнародовала официальное заявление. В нем говорилось, что ООП рассматривает подобные вылазки бандитов как один из способов дискредитировать борьбу народов развивающихся государств за свои права, что вдохновители этой провокации — империалисты США и израильские сионисты — ставят целью подорвать единство ОПЕК.

Одновременно появились заявления ряда палестинских организаций,

которые также сообщали, что не располагают сведениями о существовании организации «Рука арабской революции».

Лишь к пяти часам вечера стало известно, что австрийские власти, чтобы избежать ненужных жертв, решили удовлетворить все требования террористов. Главарь банды потребовал самолет, на котором он решил вывезти заложников в Алжир. После кошмарной ночи наступило утро. Самолет ДС-9 уже стоял в аэропорту. На нем террористы переправили всех заложников в Алжир...

Бандитское нападение на штаб-квартиру ОПЕК — это акт открытого бандитизма. Террористами руководил гангстер Илий Раминес Санчес по кличке Карлос, он же Салем, разыскиваемый полицией многих стран...

Санчес, Карлос, Салем... И в этом преступном мире хладнокровных убийц тоже существуют лица и маски. Свои лица и маски...

В группу Санчеса входили преступники, которые неоднократно участвовали в налетах и состояли в картотеке Интерпола¹. А кто стоит за этими бандитами, чей возраст не превышает тридцати лет? Кто направляет их руку? Какая среда их породила? На все вопросы ответ однозначный — капитализм. Терроризм, экстремизм, разбой — эти язвы современного капиталистического общества играют на руку реакции, монополистов. Преступники работают, служат, нужны высшим слоям буржуазии.

МАФИЯ: ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

Шел ветренный декабрь. Италия готовилась к рождественским каникулам. Светило солнце, толпы туристов дружно осаждали город и с жаром обсуждали только что совершенное террористами очередное убийство прогрессивного деятеля. Газеты многообещающе писали, что гангстер скрылся, но полиция «прилагает усилия» и наказание «неотвратимо». А по телевидению комментаторы с завидным жаром состязались в «раскручивании» деталей предыдущих преступлений, неизменно подчеркивая, что, начиная с осуществленного неофашистами взрыва в помещении сельскохозяйственного банка на миланской площади Фонтана, Италия превратилась в настоящую арену кровавых преступлений «красных бригад», «анархистов», «фронтов», «ячеек». Говорили о «стратегии напряженности» 70-х годов, к которой прибегают определенные слои буржуазии, стремящейся спасти свое общество без будущего.

На фоне этого мрачного, безрадостного потока информации сообщение о взяточниках в итальянском государственном нефтегазовом тресте «Эни» выглядело невинной детской шалостью. Суть его состояла в том, что руководство «Эни» всучило сто миллиардов лир² некоторым нефтяным дельцам в Саудовской Аравии, а также (но тут слухи сразу становились менее четкими, обретали расплывчатые формы) некоторым итальянским деятелям... Одним словом, «Эни» позолотила ручку...

¹ Интерпол — международная организация уголовной полиции.

² 10 000 лир — 4,38 рубля (на август 1985 года).

«Подождите, подождите,— заговорили вдруг разом газеты, журналы, радио, телевидение Италии,— разве нынешняя бесконечная череда политических убийств началась в стране в шестьдесят девятом? Ерунда! Значительно раньше!» Вспомнили и стали цитировать попавшую в руки полиции «Тетрадь неонацистов». Она принадлежала перу главы подпольной организации чернорубашечников К. Грациани, который давно скрывается за пределами Италии. «Чтобы победить,— писал этот фашист,— необходимо вызвать среди масс чувство бессилия, отчаяния и полной покорности. Главным средством достижения этой цели является террор, причем самый безжалостный. Мы должны отказаться от всяких моральных и гуманных принципов и убивать. Убивать стариков, женщин, детей».

Цветок терроризма расцвел в Италии не в конце, а в начале 60-х годов. А вырос он на почве, обильно удобренной нефтью, еще раньше...

В середине прошлого века Карл Маркс, рассуждая об агрессивности капитала, замороженного жаждой наживы, приводит суждение одного британского экономиста: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты... Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Обратите внимание на эту цитату. Она поможет лучше понять многое в этой книге.

...В конце октября 1962 года неподалеку от деревни Баскапе потерпел катастрофу самолет. Он совершал полет с острова Сицилия в Милан. Среди других пассажиров на борту находился незаурядный человек, крупный предприниматель и политический деятель Италии президент «Эни» Энрико Маттеи. Все погибли.

Преступление или авария? Диверсия или несчастный случай? Вот первые вопросы, которые переположили, взволновали Италию и поставили в тупик следственную комиссию, которая прибыла 28 октября к месту происшествия. «У тезиса о преступлении имелись немалые основания. Враги Маттеи действительно были не только многочисленны и свирепы, но и могущественны»,— напишет почти через полтора десятилетия биографический справочник «Герои итальянской истории».

Имя Энрико Маттеи не случайно заняло место рядом с другими героями Италии. Он возглавлял компанию, которая проводила в вопросах нефти политику, не угодную магнатам США, Англии, Франции. Сам Маттеи считал непозволительной так называемую «благотворительную» миссию монополий этих стран, которые, занимаясь откровенным, беззастенчивым грабежом нефтяных богатств развивающихся государств, умышленно тормозили в них развитие национальной нефтяной промышленности, спекулировали чужим добром в международном масштабе. Маттеи прослыл заклятым врагом нефтяных концернов и особенно противником европейской и средиземноморской политики США.

В черных списках монополий США соседствовали имя Энрико Маттеи и название организации — ОПЕК. Одного человека и мощную группу стран числили реальными врагами в энергетической войне, которую ведут нефтепромышленники на фронтах своей экспансии.

За истекшие годы выдвигалось немало версий о причинах гибели самолета, в котором летел Маттеи. Кто-то старался и все еще старается пустить следствие по ложному следу. Но есть логика и есть факты, которые свидетельствуют о безусловном: следы ведут к нефтяным монополиям. А самые добрые отношения у нефтяных концернов давно сложились с Центральным разведывательным управлением США (ЦРУ). Если же повнимательней приглядеться к недавней истории, то можно выявить более сложный конгломерат: нефтяные монополии — ЦРУ — американский гангстеризм — сицилийская мафия. Эта четырехступенчатая «ракета» и сработала в октябре 1962 года. А началось все в 1943 году.

Тогда в Соединенных Штатах еще не существовало ЦРУ, имелось Управление стратегических служб (УСС). Но дело не в вывеске: и первую и вторую организацию называли и называют департаментом грязных дел. Перед вторжением американских войск в Сицилию в 1943 году король уголовного подполья Америки уроженец этого острова Лаки Лючано и босс мафии Вито Дженовезе предложили УСС свои услуги. Идея была с восторгом принята. Оба гангстера в те дни пребывали в США, причем, один находился на свободе и успел даже вырядиться в американский военный мундир, другой — Лаки Лючано — отсиживался в тюрьме. Ему предстояло пробыть в заключении за совершенные преступления в общей сложности пятьдесят лет. Однако клятва «бескорыстно» работать на американскую спецслужбу мгновенно открыла перед матерым уголовником двери одиночной камеры, а его судебное дело бесследно исчезло. Бандиты помогали высадке американских войск, уже не нуждаясь в масках. Они стали «свои».

Связи «Коза ностры»¹ с секретными службами и уголовным подпольем США тех лет оказались настолько прочными, что, когда в ЦРУ созрел замысел организовать заговор против Фиделя Кастро, за помощью прежде всего обратились к преступному синдикату. Еще с середины 30-х годов гангстеры превратили Кубу в свою вотчину. Филиал «Коза ностры» владел на острове игорными домами, ночными заведениями подозрительного толка, торговал наркотиками. Бандиты буквально гребли деньги лопатами. И вдруг к 1959 году золотая жила перестала существовать: Куба стала свободной, независимой страной. Вся нечисть мутным потоком хлынула с острова на материк, в США. И вот как раз в те годы — особенно в 1961—1962-м — ЦРУ приступает к усиленной вербовке на службу членов мафии для «работы» прежде всего в странах Карибского бассейна. Связь с верхушкой уголовного подполья США осуществлялась через нью-орлеанский клан, боссом которого был активный продолжа-

¹ «Коза ностра» — название мафии в США (от итальянского «наше дело»).

тель линии ревностных слуг мафии Вито Дженовезе — Лаки Лючано некий Карлос Марчелло. О нем были хорошо осведомлены как американские власти, так и хозяева нефтяного концерна «Эссо» — Рокфеллеры. Мафия и нефтяные магнаты, понимая друг друга с полуслова, объединяются и переходят в наступление на революционную Кубу.

После того как в июле 1962 года Куба национализировала нефтеперерабатывающие заводы, принадлежащие «Эссо», «Тексако» и «Шелл», Нельсон Рокфеллер первым выступил с призывом срочно высадить на острове морскую пехоту и «наказать» кубинский народ. Заодно он обратился ко всем судовладельцам с предложением не давать танкеры для перевозки нефти на Кубу. Оба наглых плана провалились. Не смогли в ЦРУ осуществить и замысел физического уничтожения Фиделя Кастро. В интервью итальянскому журналу «Эуропо» бывший директор ЦРУ Уильям Колби значительно позже с циничной откровенностью расскажет о том, как его ведомство использовало для попыток свержения революционной власти на Кубе мафию: «После того как Кастро пришел к власти, мы сочли целесообразным установить сотрудничество с некоторыми людьми, друзья которых оставались на Кубе. Друзья мафии, я имею в виду. Люди, состоящие в мафии, одним словом. Мы вступили с ними в контакт, и, по нашему проекту, они должны были попытаться убить Кастро. Но операция не получилась...»

Первый раунд явно проигран. Но первый — еще далеко не последний. Не дает им покоя и Энрико Маттеи, которому импонировали перемены на Кубе и который уже сделал шаг в сторону независимости от США.

Итак, некий Карлос Марчелло. Выкормыш мафии и вассал ЦРУ. Есть такое понятие — приручить. Чаще его относят к зверю. Обычно к хищному, особо опасному для человека. Так вот американской спецслужбе удалось приручить Марчелло. Прием дрессировки был избран безошибочный, не прибегая к защитной маске, — деньги.

Буквально за несколько дней до гибели Энрико Маттеи Марчелло видели на Сицилии. На том самом месте, откуда должен был стартовать личный самолет президента «Эни». Это дает веское основание предполагать, что самолет взорвался в результате диверсии, совершенной по поручению ЦРУ руками мафии. Такую версию выдвинул смелый человек, находившийся долгое время в тесных отношениях с Маттеи, хорошо информированный политический деятель Италии Дзуллино.

Англо-американские нефтяные магнаты не могли простить Маттеи стремления развивать взаимовыгодные деловые связи с Советским Союзом. Маттеи был первым, кто нарушил негласный запрет «семи сестер» на западные закупки советской нефти.

После трагической смерти Маттеи в итальянской штаб-квартире рокфеллеровской «Экссон» — головная компания «Эссо» — начинают происходить странные метаморфозы. Сперва выставляют за дверь постоянно-го представителя компании в Италии Винченцо Кадзингу. Этот прожженный мошенник постоянно уличался в «нефтяных скандалах», но выходил сухим из воды. Люди, желающие честно разобраться в причинах гибели президента «Эни», связывают неожиданное изгнание Кадзинги с

существовавшим тайным заговором «Эссо» против Маттеи. Имелись данные полагать, что Кадзингу срочно убрали не за его патологическую страсть к деньгам, а в связи с тем, что фанатик слишком много знал, был участником постоянной борьбы хозяев «Эссо» с «Эни». Ситуация, достойная иронии? Нет, атмосфера преступности.

Попутно «Эссо» старается всячески заигрывать с новым руководством «Эни», включая нелегальную передачу некоторым итальянским деятелям из «особого бюджета» 60 миллионов долларов — частично из рук в руки, частично через «Эни». В 1970 году издательство «Нуова Италия», чтобы подсластить еще больше пилюлю, выпускает в переводе с английского вышедшую в США книгу, в которой превозносится политика преемников Маттеи. Стиль сочинения — безупречный, канцелярский, в котором сквозит богатое умение автора сказать нечто, не сказав ничего. На всякий случай. Чтобы и овцы были целы и волки сыты.

А в сентябре того же года бесследно исчезает сицилийский журналист Де Мауро, собиравший материалы о последнем периоде жизни Энрико Маттеи.

Проходит некоторое время, и страну облетает другая страшная весть — о злодейском убийстве генерального прокурора Палермо Пьетро Скальоне, который начал вести дело против мафии, связанное с исчезновением журналиста Де Мауро. Расследовать это преступление поручается генеральному прокурору Генуи Франческо Кокко. Но и он был убит группой неизвестных 8 июня 1976 года. Сомнений не остается: сам заговор против Маттеи и попытки любой ценой скрыть его секретные пружины — дело одних и тех же грязных рук.

Приведем в заключение перечень лишь некоторых вопросов, которыми до сих пор задается итальянская пресса. Итак:

почему Маттеи вознамерился снова отправиться на Сицилию всего несколько дней спустя после того, как уже побывал там? Ни официальные объяснения (кто-то пустил слух о срочном заседании на острове правления дочерней компании «Эни»), ни прочие причины (появился и слух о якобы намечавшейся встрече Маттеи с жителями деревни Гальяно, где «Эни» планировала строить свои предприятия) не имеют под собой реальной почвы;

верно ли, что Маттеи решил вылететь с сицилийского аэродрома на несколько часов раньше;

кем был на самом деле человек, назвавшийся капитаном полиции, который проводил «технический осмотр» самолета президента перед его вылетом;

на каком основании сразу после смерти Маттеи был создан «особый бюджет» итальянского филиала «Эссо», тайно врученный затем некоторым деятелям в виде взятки;

кто похитил журналиста Де Мауро и убил одного за другим генеральных прокуроров Палермо и Генуи;

почему до сих пор разгуливают на свободе десятки гангстеров, а также те, кто получил совершенно очевидные выгоды от гибели президента «Эни»?

На эти и многие другие вопросы общественность еще не получила ответа. За масками пока не видно лиц. Но для демократической, прогрессивной Италии ясно одно: до тех пор пока существует страшный по своей сути и системе союз нефтяных монополий, мафии, неонацистов и специальных служб, порожденная им «стратегия напряженности» будет держать страну в постоянном страхе. И поэтому простые итальянцы, которые, может быть, даже и не знают, что, например, годовой оборот рокфеллеровского концерна «Эксон» больше, чем валовой национальный продукт Австрии, не представляют себе, какими баснословными средствами располагает для своих грязных акций ЦРУ, требуют от властей принятия решительных мер против преступного мира и тех, кто ему потакает.

КУБОК РЕДБОУНА

Несколько лет назад в морском порту одной из арабских стран появился небольшого роста суетливый человечек. Он выпрыгнул из автомашины и поспешил на пирс. Там уже колыхались транспаранты, гудела толпа, золотилась на солнце медь труб военного духового оркестра. По рядам побежали, словно строчки телеграфного аппарата, слова: «Человек Рокфеллера... Человек Рокфеллера... Мистер Редбоун... Мистер Редбоун...»

Маленького юркого человечка действительно звали мистер Редбоун, а объявился он здесь не случайно. Мистер прилетел из далекого Нью-Йорка, чтобы «освятить» первый танкер рокфеллеровского «Эссо», который в тот день уходил с чужой нефтью к берегам США.

Произносились проникновенные и столь же возвышенные речи, раздавались льстивые тосты, со всех сторон сыпались поздравления, ворчала у причала пенистая вода, и поскрипывали швартовые канаты супер-танкера.

Когда на трибуну поднялся Редбоун, все смолкло. Нацепив на нос массивные очки, он строго оглядел публику, приподнял в маршальском приветствии руку-коротышку и еле слышным сдавленным голосом произнес:

— Да-ру-ю!

И в этот момент перед изумленной толпой, словно из-под земли, появились два стриженных под бобрик морских пехотинца США. Они торжественно несли на вытянутых руках широкую алую ленту и отличный из чистого золота кубок.

По толпе вновь забегали телеграфные строчки: «Кубок Редбоуна... Кубок Редбоуна...» Грянул оркестр, взмыли в небо перепуганные чайки, завертелась на танкере лунообразная антенна радара.

— При-ми-те! — вновь по-мышинному пискнул человечек с трибуны и почти кубарем скатился на бетонные плиты пирса.

Местные власти с должным пониманием приняли щедрый заморский дар и повелели разлить шампанское. А когда главный устроитель тор-

жеств открыл рот, чтобы пожелать высокому гостю «всего наилучшего», Редбоуна уже и след простыл. Местные журналисты на другой день писали, что мистер спешил в какую-то другую страну. Там тоже ожидалось «освящение» рокфеллеровского танкера.

История не выдуманная, достоверная. Единственно, чего мы так и не узнали, — в какую сторону света самолет унес в тот день Редбоуна. Ну, это, разумеется, не принципиально. Главное в другом: золотой кубок Редбоуна, как это ни парадоксально, был отлит на деньги, награбленные «Эссо» в Колумбии, Мексике, Венесуэле, Индонезии и других богатых нефтью странах мира. Их постоянно грабит картель, в котором постоянно восседают важные дельцы, подобные рокфеллеровскому Редбоуну.

Картель — это союз, крупное объединение монополистов. Основа любого картеля — тайный сговор между отдельными монополиями об условиях продажи, сроках платежа, рынках сбыта, ценах, количестве производимых товаров. Монополии — члены картеля — тщательно скрывают от своих конкурентов методы и формы деятельности, чтобы обеспечить успех в борьбе с конкурентами, добиться высших прибылей.

Первые международные картели появились в конце прошлого века. В 1897 году насчитывалось около сорока картелей; в 1910 году их было уже около тысячи, а перед второй мировой войной свыше тысячи двухсот. Сколько их сейчас, сказать с абсолютной достоверностью никто не решится. Во всяком случае, нет ни одной крупной монополии, которая не имела бы связей с монополиями других стран.

С некоторых пор в экономический лексикон вошло и быстро привилось новое понятие: многонациональные корпорации (МНК). В развивающихся странах целые отрасли экономики находятся в полном подчинении МНК. Стоящие вне контроля правительств, свободно перебрасывающие капиталы и технологию через границы, МНК оказывают серьезное влияние на промышленное развитие целых регионов, на политический курс многих правительств. Их деятельность наносит огромный ущерб социальному положению трудящихся в мире капитала.

В ФРГ, например, из пятисот крупнейших компаний более двухсот относятся к категории МНК. В Италии, о которой в нашей книге пойдет речь особо, филиалы МНК вчетверо крупнее отечественных фирм.

Как-то глава МНК «Кастомер» Джон Кинг вызвал в свой ньюйоркский кабинет руководителей филиалов и приказал немедленно закрыть самое большое предприятие в Лекуиле (Южная Италия), уволив при этом две тысячи рабочих. Ссылаясь на кризис, он уже раньше грозил, что закроет фабрику, если итальянское правительство не предоставит ему кредит в полтора миллиарда лир.

Италия выжидает молчала. Тогда выходец из Техаса сел в свой самолет и через несколько часов приземлился в Риме. Он захотел лично вступить в переговоры со строптивыми властями. Но сначала «заботливый» хозяин все же решил побывать на предприятии, где еще никогда не ступала его нога. В широкополой шляпе, с сигарой во рту, техасец в первые минуты безудержно флиртовал, хвалил своих подчиненных, а потом вдруг, округлив глаза, рывкнул:

— Я возглавляю целую империю и был бы последним лжецом, если бы сказал, что у меня пустые карманы, что у меня нет денег, чтобы заплатить вам зарплату. Но мне нужен кредит. Сейчас, теперь, немедленно, срочно! И вы должны мне в этом помочь. В противном случае, — он уже снизил тон и капризничал, как ребенок, — вам больше не видать моих стен. Да, да, не видать, мои драгоценные. Понятно? Вам все понятно?

Лица и маски... Как много их в многонациональных корпорациях, где узаконенный грабеж является высшим мерилom взаимоотношений труда и капитала. Чем беднее, менее развита страна, тем необузданнее действуют на ее земле МНК. Они научились так безнаказанно пользоваться чужой нуждой, что даже дрогнули от ужасов разбоя некоторые члены так называемой ОЭСР — Организации экономического сотрудничества и развития, куда входят крупнейшие страны развитого капитализма. И тогда руководители ОЭСР решили выработать некий «кодекс поведения» МНК. «Кодекс» срочно сочинили, дружно утвердили, поспешно разослали. А дальше? Дальше, к примеру, вот что:

выявлены факты монопольного завышения МНК цен на товары и технологию в Колумбии;

в печать попали сведения о махинациях МНК с уплатой налогов в Индии;

стало достоянием гласности искусственное занижение нефтяными МНК добычи нефти в Нигерии.

Кодекс кодексом, а прибыли прибылями. Не выдержал даже такой западногерманский журнал, как «Штерн». «Главы МНК, — пишет он, — и их пропагандисты, похоже, хотели бы завершить то, что не удалось сделать ни Наполеону, ни создателям Британской империи, ни Гитлеру с его «тысячелетним рейхом», — установить власть над всем миром».

Лица и маски. А разве могут забыть народы скандал, разгоревшийся одновременно с пожаром на нефтехранилищах Солсбери?¹ Лишь после того, как партизаны подожгли склады нефтепродуктов, которыми многие годы, вопреки санкциям, они пополнялись компаниями «Шелл» и «Бритиш петролеум», приоткрылась завеса над незаконными закулисными сделками «нефтяного альянса» Смита² и его британских партнеров.

История снабжения расистской Родезии нефтью в обход решений Организации Объединенных Наций и британского законодательства столь же неприглядна, сколь и сама этика поведения тех, для кого наипервейший эталон в мире — прибыль. Ради нее заключаются временные союзы со злейшими конкурентами, преступаются нормы законов и морали, плетется паутина лжи, обмана.

Как же отнестись к разоблачению на Темзе? Можно об этом даже не спрашивать, ведь английский кабинет отнюдь не постороннее лицо в делах и аферах «Шелл» и БП. Ему в этих компаниях принадлежит примерно половина акций. За спиной лондонского Сити боссы «Шелл»

¹ Солсбери (с 1982 года Хараре) — столица Южной Родезии (с 1979 года — Республика Зимбабве).

² Ян Смит — бывший премьер-министр Южной Родезии.

и БП чувствуют себя как за каменной стеной — уютно и недосыгаемо.

И пожалуй, последнее. Чтобы в зародыше задушить возможное сопротивление государств растущей экспансии МНК, короли нефти с каждым годом швыряют все больше средств на рекламу и пропаганду своих взглядов, лозунгов, идей, дабы внушить людям, что им, дескать, пойдет на пользу только то, что выгодно МНК.

Нефтяная корпорация «Атлантик ричфилд» («Арко») — плоть от плоти МНК. Ею управляет всемогущий Андерсен. «Арко» ведет постоянную конкурентную борьбу на рынках сбыта нефтепродуктов. Андерсен, надежно окопавшись в своем двухбашенном пятидесятидвухэтажном небоскребе из стекла и бетона в Лос-Анджелесе, как краб, внимательно следит за действиями всех бизнесменов и время от времени подкидывает на рынок тщеславия и сенсаций модные идейки по... экономии топлива. То он призывает свою 28-тысячную армию служащих отказаться от поездок на личных автомашинах, то призывает всех пересесть на велосипеды, то рекомендует объединиться в автопулы или пользоваться исключительно общественным транспортом.

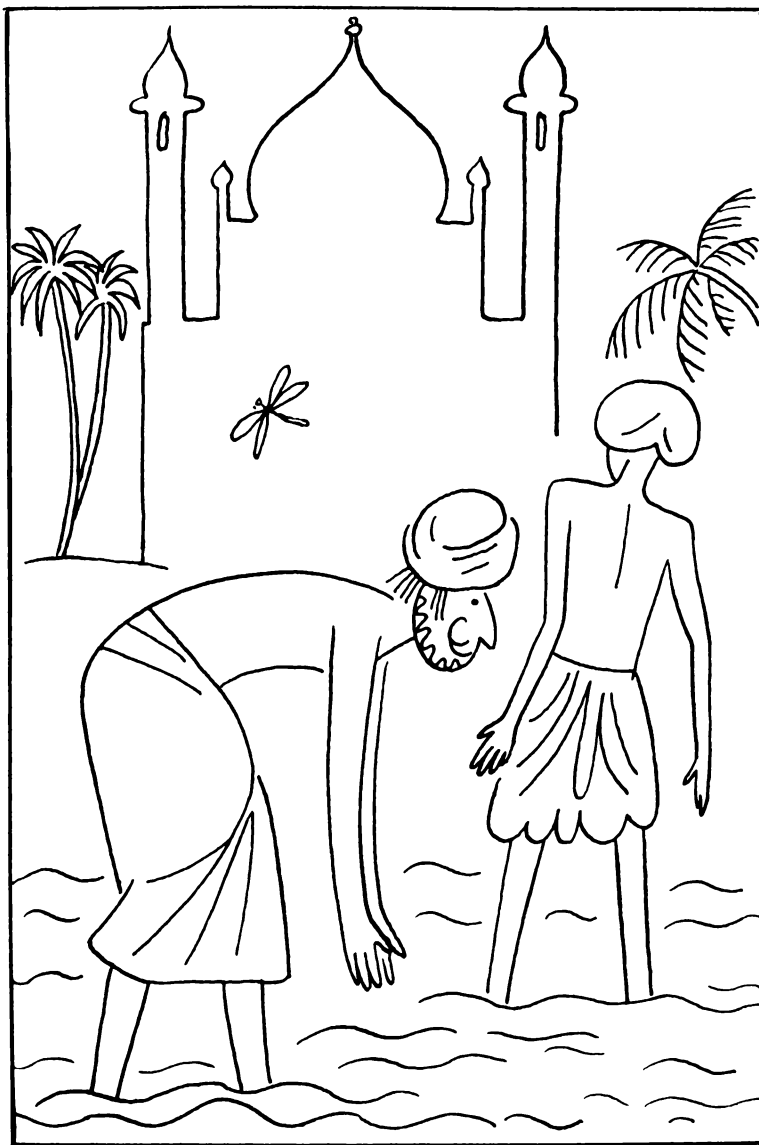
«Что же это такое? — рассуждают шокированные противники Андерсена по конкурентной борьбе. — Образец, достойный подражания, в понимании общественных интересов или ловкий рекламный трюк набившего руку мошенника?»

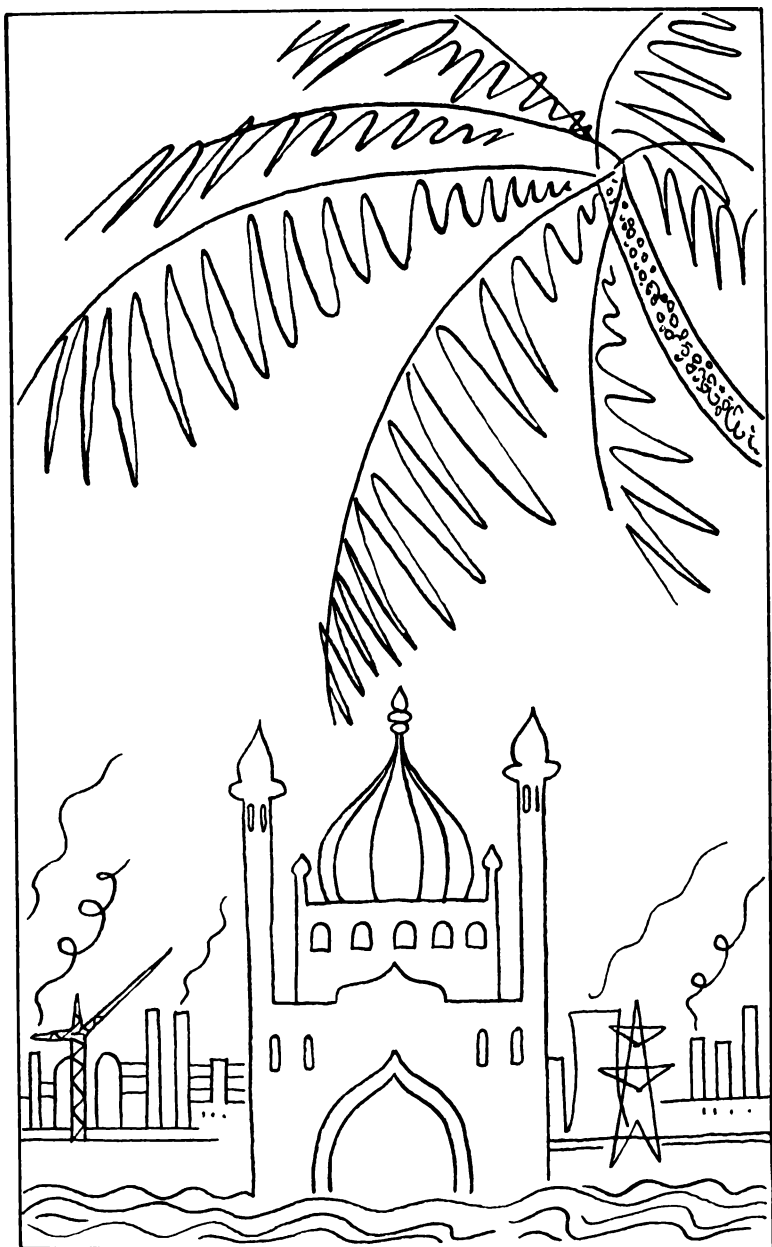
— В суровом, циничном мире бизнеса, — заметил как-то один мой знакомый итальянский журналист Чинзано, — «Арко» хотела бы приобрести репутацию корпорации, которую любили бы все. Но в наши дни для нефтяной империи это слишком нереальное желание. Вот почему она надеется сама создать о себе «золотое» мнение, уповая на силу золота, которого в ее сейфах накопилось немало...

Как тут не вспомнить еще раз о золотом кубке Редбоуна?! Как не вспомнить уродливые маски королей нефти, которые они умудряются не снимать всю свою жизнь с собственных лиц?!

Но перед вами книга не о королях и их придворных, а о том, что происходит за стенами их дворцов-небоскребов из стекла и бетона на разных морях, океанах и континентах. В тех местах, разумеется, где пришлось побывать автору.

СТАРТ БЫЛ В ДЕХРАДУНЕ

ПАЛОМНИКИ У СТЕН ХАРДВАРА

Индийский город Хардвар лежит у подножия Гималаев, на правом берегу Ганга. Когда попадаешь сюда, кажется, что все его жители только и заняты бескорыстным служением богу. Молитвы, поклоны, аромат курительных палочек, цветы... Но если присмотреться повнимательнее, делаешь иной вывод: торговля предметами культа дает средства к существованию значительной части населения. Пока мы спускались по кривым и горбатым улочкам к берегу реки, я успел насчитать более двухсот крошечных лавчонок и лотков, где продавались скульптурные изображения богов, священные книги, открытки, лубки, гирлянды приторно пахнущих цветов. В гончарных лавках торгуют кувшинами и кувшинчиками размером от грецкого ореха до тридцатилитрового молочного бидона. В этой посуде паломники увозят домой воду из «священного» Ганга.

Пройдя через плотную толпу богомольцев, мы наконец вышли на берег. Река величественно катила мутные воды, облизывая беломраморные ступени лестниц и купален. За ажурной невысокой оградой — несколько храмов. Каждый посвящен одному из богов — Шиве, Вишну, Дурге. На воротах храмов таблички с надписью: «Хардвар — священный город. Употреблять мясо, рыбу у нас не позволено. Посещение храмов исключительно для исповедующих индуизм». Туристы, вздыхая, покорно проходят мимо...

Особенно большое скопление людей в купальнях. Обряд омовения прост: мужчины раздеваются донага, кланяются реке и лезут в воду. Одни моются с мылом, другие просто сидят по шейку или плавают. Женские купальни отгорожены ширмами, хотя в этом нет необходимости. Богомолкам религией запрещено заходить в воду без сари. Я видел, как две женщины, проворно выстирав белье своих ребятишек, тут же пригоршнями утолили жажду грязной речной водой и принялись намыливать на себе сари. После этого, грациозно ступая по лестнице купальни, опустились в реку. Невольно вспомнился рассказ-притча, свидетельствующий о высоком искусстве древних индийских ткачей. Однажды монгольский император Аурангзеб пригласил к себе дочь, попросив ее надеть свое лучшее сари. Когда она выполнила просьбу отца и пришла в его покои, Аурангзеб, побагровев от злости, воскликнул: «Как смела ты перед моими очами появиться обнаженной?!» На самом деле дочь императора надела на себя не одно, а шесть сари из тончайшего муслина...

Больше всего паломников собирается в Хардваре на религиозные праздники. В начале дождливого сезона отмечается праздник Ганга-дасхера. По преданию, в этот день Ганг сходит с неба на землю, чтобы одарить людей своей щедростью. Другой праздник — Кумба-парва. Он отмечается раз в двенадцать лет. Тогда возле Хардвара вырастает целый палаточный городок, где располагаются тысячи богомольцев. В 60-е годы на берегах Ганга зародился еще один праздник, но не религиозный, а индустриальный: здесь был построен с помощью Советского Союза завод

тяжелого электрооборудования. Гидрогенераторные установки, созданные на этом заводе, уже вырабатывают энергию во многих районах Индии. Они принесли в тысячи крестьянских домов свет, вращают жернова мельниц, заводские станки, плавят сталь. И потому день сдачи завода в эксплуатацию стал ежегодным праздником энергетиков.

Завод в Хардваре — не единственное предприятие, в сооружении которого принимали участие советские специалисты.

Мне вспоминается одна поездка в город Дехрадун, лежащий у подножия Сиваликского хребта, на невысоком междуречье Джамны и Ганга. Дехрадун окружен густым лесным массивом и издавна известен как столица лесопромышленного района Индии. Еще в 1867 году здесь открылась первая в Индии школа лесного хозяйства. Спустя несколько десятилетий на ее базе появился научно-исследовательский лесной институт с учебным центром.

Мы посетили этот институт, познакомились с работой его кафедр. В лабораториях вуза ведутся исследовательские работы по борьбе с эрозией почв, по испытанию древесины на прочность, стойкость, выявляются причины заболеваний деревьев.

Разнообразен по экспозиции, интересен музей института. В нем собраны образцы пород индийской флоры, уникальные гербарии. Здесь же хранятся произведения мастеров — резчиков по дереву: изящные вазы, инкрустированные столики, шахматы, а также изготовленные из особо прочной древесины пропеллеры для винтовых самолетов, части к сельскохозяйственным орудиям. Сал, тис, дуб, сандал, ясень — многие породы деревьев представлены в музее либо в своем натуральном виде (спилы с могучих стволов), либо в форме творений рук человека: предметов быта, украшений, орудий производства.

Из института возвращались пешком по улицам города. Воздух был напоен смолистым запахом свежераспиленных гигантов джунглей. Почти вся промышленность Дехрадуна и его окрестностей всегда была связана исключительно с лесным хозяйством. В городе издавна сформировались целые улицы краснодеревщиков, столяров, плотников. Шпалорезки, лесопильные заводи, мебельные мастерские — вот что всегда определяло лицо городка. Но с некоторых пор Дехрадун стали называть не только лесной столицей Индии, но и нефтяной.

История становления и развития национальной нефтяной промышленности Индии поистине один из ярких примеров плодотворного советско-индийского сотрудничества. Из материалов, с которыми мне пришлось познакомиться в Индии, явствовало, что первое нефтяное месторождение обнаружили в конце прошлого века в северо-восточном штате Ассам. Однако в то время оно так и не приобрело нужного хозяйственного значения. Причины тому называются разные, но главная состояла в том, что западные нефтяные монополии не были заинтересованы в развитии нефтяной промышленности страны. Обосновавшиеся в 50-е годы в Индии компании «Эссо», «Калтекс», «Стандард вакуум», «Барма Шелл» стали получать от сбыта нефти ежегодно такой доход, что на эту сумму можно было тогда построить два крупных нефтеперерабатывающих завода. Од-

нако Индия, только что избавившаяся от колониальных порядков, не располагала ни средствами, ни грамотными кадрами.

Помимо всего прочего, западные эксперты, которые работали в Индии по линии геологоразведки, из года в год засыпали правительство страны докладами, в которых подчеркивалась полная бесперспективность нефтедобычи. Компания «Стандард вакуум», например, заключив контракт на бурение нефтяных скважин в штате Западная Бенгалия, за четыре года не поставила ни одной буровой вышки. Откровенный наглый саботаж демонстрировали и другие монополии.

А растущая промышленность Индийской Республики настоятельно требовала развития своей, отечественной нефтепромышленности. И вот в 1955 году в Индии по просьбе правительства страны были проведены поиски нефти советскими геологами. Они пришли к выводу, что страна богата нефтью. После этого индийские власти попросили советских специалистов разработать перспективный план развития нефтепромышленности. Верный принципам интернационализма, Советский Союз дал согласие. План был создан и принят к действию. В августе 1956 года в городе Дехрадун приступила к работе Государственная комиссия по нефти и натуральному газу. Городу Дехрадун суждено было стать первой базой национальной нефтяной промышленности.

ПРИХОДИТ СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ

Шли годы. В содружестве с индийскими учеными советские специалисты обследовали многие районы страны. Теперь на экономической карте Индии можно увидеть условные значки нефтепромыслов в Анклешваре, Калоле, Навагаме, Камбее, Лакве, Рудрасагаре, нефтеперерабатывающие заводы в Барауни, Кояли, Матхуре. Приступая к разведке, советские геологи тщательно знакомились с фольклором, расспрашивали жителей окрестных сел о достопримечательностях местности. И это нередко облегчало им работу. Так, в одном из районов штата Пенджаб люди с давних пор знали о периодически выходящих из-под земли языках пламени. Объяснить научно это явление никто не мог, и, обожествляя природу, крестьяне решили соорудить храм Огня. Выяснилось, что прежде сюда приезжали американские, английские специалисты. Они, конечно, могли по этому признаку предположить, что в глубинных пластах земли есть запасы газа или нефти, но делали вид, что это зряшная затея. А когда индийские ученые вместе с советскими специалистами провели контрольное бурение, гипотеза подтвердилась: забил нефтяной фонтан.

Такая же ситуация сложилась и в Анклешваре. В его окрестностях есть озерко, которое крестьяне называли «священным» за то, что на его поверхности постоянно всплывают и лопаются пузырьки воздуха. Возле озерка тоже построили храм Омовения. Паломники приходили сюда, чтобы совершить обряд омовения и отпустить таким образом все грехи. Советские и индийские изыскатели путем простейшего анализа выяснили,

что это были пузырьки не воздуха, а ценнейшего природного газа. И когда к храму Омовения на специальных машинах доставили буровое оборудование и через месяц скважина достигла нужной глубины, как и предполагали, пошла нефть. Так открыли крупнейшее в Индии Анклешварское месторождение.

Мы в гостях у нефтяников Анклешвара. Управляющий промыслом Л. Сарин рассказывает:

— В день мы добываем до семи тысяч шестисот тонн нефти. Это значит, Анклешвар дает пятую часть нефтедобычи страны. А всего в Индии при участии советских специалистов открыто свыше сорока нефтяных и газовых месторождений. Анклешвар — весьма богатый район. Этим обстоятельством и объясняется сооружение неподалеку от нас, в Кояли, по соседству с Бародой, нефтеперерабатывающего завода. Он тоже возводился с помощью советских товарищей.

— Переоценить значение анклешварской нефти для экономического развития нашего государства невозможно, — вступает в разговор старший инженер М. Рао. — Освоение месторождения ослабило зависимость Индии от импорта этого сырья. А ведь я уверен, что мы и по сей день обивали бы пороги в конторах спекулянтов в Роттердаме. Я недавно побывал в этом западноевропейском городе и насмотрелся там всякого! — М. Рао предлагает зайти к нему домой выпить по стакану чая или сока папайи со льдом. — За столом и продолжим беседу...

Семья Рао живет в современной благоустроенной квартире с добротной мебелью, телевизором, установкой для кондиционирования воздуха — на улице было за сорок градусов, а дома — всего двадцать два!

— Наш поселок — часть промышленного комплекса. Его проектиро-

«ЗЕЛЕНЕЕ ЗОЛОТО» ЗАМЕНИТ «ЧЕРНОЕ»?

За последние десятилетия отечественная и зарубежная наука обогатилась данными о том, как «умные» растения «ловят» солнечные лучи и запасают их энергию в виде химических соединений, прежде всего углеводов — древесины, сахара и других продуктов. Становится ясно, что сегодня мы, по сути дела, расходует ископаемые топлива (уголь, сланцы, нефть, газ), которые представляют собой солнечную энергию, аккумулированную в прошлые века давно вымершими растениями. Ну а в какой вид топлива конкретно с годами превращаются продукты фотосинтеза, зависит от геологической конструкции подземных кладовых, где они хранятся.

Чтобы превратить солнечную энергию в полезные ископаемые, требуются сотни миллионов лет. Если же человек в полной мере научится использовать энергию самого Солнца, то она позволит ему заменить сразу все полезные ископаемые. Достаточно сказать, что количество солнечной энергии, которое падает на поверхность Земли всего за десять дней, соответствует по своему энергобалансу всем разведанным запасам ископаемого топлива. Однако это задача будущего. Ну а пока мы знаем два способа улавливания солнечной энергии: тепловое и

вали советские товарищи. Я в то время еще учился в Университете имени Лумумбы в Москве.

Рао подчеркивает, что сейчас в Индии насчитывается десять нефтеперерабатывающих заводов. Их общая мощность — двадцать пять миллионов тонн переработанной нефти в год. Все они практически принадлежат государственному, а не частному сектору. По мнению индийских экономистов, к концу нынешнего столетия стране потребуется не менее сорока пяти миллионов тонн «черного золота». Очень многое будет зависеть от дальнейшего расширения индийско-советского сотрудничества. Рао вновь мысленно возвращается к спекулятивным сделкам в Роттердаме.

— Меня познакомили с бизнесменом Ари Розой. Он живет в Горинхеме, под Роттердамом. Вот уж настоящий бестия!

Рао так и говорит: Роза — старый пройдоха. Он владеет фирмой, где занято пятьдесят сотрудников. Во дворе его дома возвышаются четыре резервуара емкостью по три миллиона литров каждый. Роза, которому под шестьдесят, принадлежит к тем маклерам и спекулянтам, которые и образуют вместе с нефтяными компаниями пресловутый «роттердамский рынок». Здесь идет торговля теми пятью процентами «свободной» нефти, которые поступают не по договорным, лимитированным ценам ОПЕК, а примерно как на аукционе: все зависит от максимальной цены, предложенной человеком, заинтересованным в покупке. Прожженных роттердамских дельцов справедливо осуждают за то, что именно они, вздувая цены, буквально прижимают потребителей к стенке.

Рао был прав, когда заметил, что Индия вполне могла оказаться на «роттердамском рынке», если бы правительство страны, сознавая неимоверные сложности, не взялось в те далекие 50-е годы за создание своей

квантовое. При первом методе энергия света трансформируется в тепло. Этот способ известен и уже используется в практической жизни. Процессы так называемого квантового преобразования требуют дальнейшей научной разработки. Квантовое преобразование солнечного света в зеленых растениях процесс сложный. Но ясно одно: большинство растений используют солнечный свет, воду и углекислый газ для того, чтобы синтезировать углеводы, состоящие из углерода, водорода и кислорода, а не углеводороды, состоящие только из углерода и водорода (нефть, природный газ), или вообще один углерод (уголь). Одним из наиболее эффективных производителей углеводов признан сахарный тростник. Огромные площади заняты под сахарный тростник в Бразилии. И именно Бразилия, в отличие от Мексики, Аргентины, Венесуэлы, которые имеют свои богатые залежи нефти, зависит от ее ввоза. Причем 80 процентов грузов в Бразилии перевозятся не по железной дороге, а по шоссейным магистралям. Да и путешествуют бразильцы не в поездах или по воде, а в автомобилях. В стране 80 тысяч километров шоссейных дорог, по которым круглые сутки мчатся семь миллионов легковых машин, автобусов, автофургонов. Вот и решили бразильские ученые, что легче добывать топливо из биомассы, нежели начинать строить железные дороги. Из сахарного тростника они рассчитывают получать этиловый спирт, чтобы им заменить дорогостоящий для страны бензин. Первые эксперименты дали положительный результат. Но это лишь эксперименты...

нефтедобывающей и газовой промышленности. Я хорошо помню, как более четверти века назад в Дехрадуна во время беседы с советскими и иностранными журналистами Джавахарлал Неру сказал:

«Я вижу, что советские специалисты делают все для нашей страны. Мы должны поблагодарить советских нефтяников за их помощь, за то, что они помогают нам готовить и кадры молодых индийских специалистов».

Много раз мне приходилось с той поры бывать в Индии. И каждый приезд я с чувством удовлетворения отмечал про себя все новые и новые приметы прогресса. Я, например, отчетливо вижу восторженные лица индийских астрономов, которые в конце 50-х годов вели наблюдения за первым советским искусственным спутником Земли. Это было на горе Манура, в Гималаях, где тогда начиналась научная работа на Найнитальской обсерватории. Молодые аспиранты обрабатывали фотопленку, на которую они фотографировали движение советского спутника.

Директор обсерватории доктор Бапу сказал:

— Быстрота, с которой вы, русские, строите свою замечательную жизнь, поразительна. Вы положили начало космическим полетам. И я уверен, что первым человеком в космосе будет советский человек. Мы тоже постараемся создать свои спутники. Не знаю, когда это будет, но будет!

Доктор Бапу не ошибся в своем прогнозе. Юрий Гагарин стал первым человеком, побывавшим в космическом пространстве. Прав оказался Бапу и в другом: в 1975 году с помощью советской ракеты был послан на орбиту вокруг Земли первый индийский искусственный спутник «Ариабата». Спустя еще пять лет с индийского космодрома стартовал третий спутник — «Рохини». Для его запуска ученые Индии создали четырехступенчатую ракету. И что еще очень значимо: на космодроме Шрихарикота уже налажено производство отечественного топлива для ракет-носителей, а в космосе побывал индийский космонавт.

А ведь всего лишь двадцать лет назад в этих тропических водах Бенгальского залива, в ста километрах к северу от Мадраса, на заросшем непролазными джунглями острове Шрихарикота жили отсталые племена, которые занимались примитивной охотой и рыбной ловлей. Разве в том, что мы видели в 80-е годы, не грандиозный бросок бывшей колониальной Индии в век научно-технического прогресса?! Индия добывает и перерабатывает нефть, производит чугун, сталь, медикаменты, станки, точные приборы, спутники Земли. Индия приступила к производству ракетного топлива! А начало этому было положено в крохотном провинциальном Дехрадуна.

ОПЕРАЦИЯ «ПЛУМБАТ»

СЛЕДЫ ВЕДУТ В ЦРУ

Руководитель отдела особых операций израильской разведки Моссад пребывал в отличном настроении. Бодрым шагом он подошел к зданию, расположенному на окраине Тель-Авива и скорее похожему на какую-нибудь фабрику, чем на служебное помещение. Караульные солдаты отковыряли ему и расступились. Было сразу видно, что Майк Биндер в штаб-квартире Моссада лицо в высшей степени доверенное: у него даже не спрашивают пропуска.

— Вам только что звонили от генерала. Он вас ждет. Что-то очень срочное, — встретила Биндера секретарь отдела.

Генерал М. Амит, шеф Моссада, сразу же предложил Биндеру сесть. — Разговор предстоит обстоятельный и, как всегда, в высшей степени конфиденциальный, — начал он, прищурив глаза. — Мне не нужно вам рассказывать, что наши друзья из Соединенных Штатов с некоторых пор снабжают Израиль технической информацией в области ядерной энергии. Собственно говоря, США и помогли нам стать ядерной державой. Известно вам, коллега, и то, что наш атомный реактор «Димон», построенный в пустыне Негев, нуждается в ядерном топливе. Точнее, нужен позарез природный уран. Франция нам отказала. Возникла угроза полной остановки «Димона». О печальных последствиях распространяться не стану.

Биндер, удобно развалившись в обтянутом красной кожей кресле, с каждой новой генеральской фразой терял признаки хорошего расположения духа: он понимал, куда клонит его шеф и на какой риск ему, судя по всему, придется пойти.

— Так вот, дорогой друг, — вкрадчиво заключил М. Амит, — наши мальчики однажды угнали из Франции двадцатипятитонный грузовик, который перевозил уран. Это вы, разумеется, знаете не хуже меня. Был аналогичный случай в Англии. Ну а теперь задача помасштабнее. Нужно много топлива, очень много!

— А если точнее? Танкер?

— Танкер? Это уж вы хватили через край! Десятка двадцатитонных грузовиков было бы вполне достаточно.

— Разрешите идти?

— Пусть сопутствует вам удача, Майк!

Всю остальную часть дня Биндер провел в размышлениях: он разрабатывал операцию мысленно, подбирал надежных людей, прикидывал, с чего начать. Первым человеком, пришедшим ему в голову, оказалась молодая миловидная женщина Шарон Маннерс, опытный агент Моссада. Со встречи с ней Биндер и решил начать.

— Прежде всего вам необходимо внедриться в Евратом¹. Каким обра-

¹ Евратом — Европейское сообщество по атомной энергии, международная организация, входящая в Европейское экономическое сообщество.

зом — дело не мое. Во всяком случае, на моем столе как можно быстрее должна появиться информация о транспортировке ядерных материалов: куда, откуда, когда они отправляются. Могу порекомендовать одного итальянца — он помощник начальника отдела поставок Евратома. Парень болтлив и патологически любит деньги. Его зовут Антонио Бордини. Только что купил «альфа-ромео». К машинам равнодушен...

На другое утро, когда небо над Брюсселем затянулось облаками и мелкий дождь сеялся из низко проносящихся туч на крыши и улицы бельгийской столицы, Антонио колебался — ехать ли ему на работу в своем хлеставшем новеньким никелем автомобиле или оставить его в гараже до хорошей погоды. Но он не смог отказать себе в удовольствии проехать по городу. Антонио махнул рукой и уселся за руль.

Оставив машину на стоянке перед зданием управления, он прошел через вестибюль и поднялся на лифте в свой кабинет. Дел накопилось за субботу и воскресенье много. До самого вечера он как-то ни разу не вспомнил о машине и не знал, что бампер на его «альфа-ромео» сильно помят, а на правом крыле содрана краска, что наезд на его машину умышленно сделала Шарон Маннерс, придумавшая эту «аварийную ситуацию» для знакомства с Антонио. Нарочно стукнув «альфа-ромео» своим «рено», она оставила под стеклоочистителем визитную карточку и записку: «Прошу прощения. Я — негодный водитель. Звоните в любое время». И уехала, никем не замеченная.

Они встретились перед зданием Евратома в полдень. Еще раз кокетливо извинившись за неосторожность, Шарон предложила вызвать страхового агента, чтобы оценить стоимость ремонта бампера и крыла. Но Антонио почему-то вдруг пожалел «неумелого водителя» и вместо нудных переговоров со страховым агентом предложил агенту Моссада пообедать в ресторане... Шарон согласилась. Ей было известно, что этот Антонио не только болтун, но и человек, весьма симпатизирующий Израилю. Об этом ей рассказал один из приятелей Антонио, с которым шпионка успела поговорить.

Обеды и ужины в ресторане, посещение кинотеатров, концертных залов постепенно сблизили Антонио и Шарон. Однажды она ему сказала:

— Если ты действительно благосклонно относишься к израильтянам, то почему бы тебе не просто рассуждать об этом, а сделать что-нибудь для нас полезное... Кстати, Антонио, я хочу познакомить тебя с одним моим давним другом. Его зовут Пауль. Я знаю, ты ведь после приобретения автомашины несколько стеснен в средствах, а он человек очень состоятельный. Да и вообще неплохой парень. Особенно в компании.

С той поры Пауль — он же Майк Биндер — стал частенько проводить с ними время, оплачивая щедрой рукой ресторанные счета, участвовать в невинных загородных пирушках, оказался совсем «своим». И тогда Шарон вдруг решила немного приоткрыть завесу над своей ролью, заметив в разговоре, что Пауль, дескать, «связан с израильской разведкой и мог бы подбросить Антонио деньжонок за интересную информацию», Антонио не удивился, воспринял это как должное. Человек деловой, он тут же позвонил Паулю — Биндеру и предложил встретиться в кафе на Пляс Бру-

шер. Майк Биндер, не открывая Антонио своего настоящего имени, без обиняков попросил сообщить ему за соответствующее вознаграждение сведения о поставках урана и маршрутах судов. Закончив обед, Биндер протянул Антонио пакет:

— Здесь аванс. И не вздумайте обо мне кому бы то ни было сболтнуть. То, что я сейчас передал вам деньги, и немалые, видели сидящие за одним из столиков верные мне люди. Они — мои свидетели. Более того, нас с вами, дорогой Антонио, уже сфотографировали. Учтите, будет несладко! — Он встал и удалился.

Теперь каждую неделю Биндер стал получать от Антонио копии совершенно секретных документов. Он всегда старался выглядеть джентльменом и выплачивал своему агенту деньги с такой же регулярной щедростью, как по счетам в ресторанах. Вполне понятно, и те и другие расходы Биндер производил не из собственного кармана, а из бюджета Моссада.

Как-то поздно ночью, когда Биндер разбирался в последней «передаче» Антонио, его особенно заинтересовал один из документов. «Полковник Будидша, полковник Будидша, — рассуждал он сам с собой. Где-то и когда-то он слышал это имя. Ну конечно же, этот полковник был связан с нашумевшим год назад уголовным делом, а теперь подвизается в Париже... Чем он официально занимается? Да какое мне дело, лишь бы он не стал нам помехой. Израильская разведка ему пока ничего худого не сделала. Его надо срочно прибрать к рукам».

Один телефонный звонок, казалось бы, решил все вопросы. Но об этом мы расскажем ниже, а пока...

— По имеющейся у меня достоверной информации, — глядя исподлобья, говорил Биндер, когда они встретились с Будидшей в кафе «Селект», — вы скоро должны заполучить в Антверпене двести тонн урана. Не буду распространяться, откуда мне это известно и для кого сей груз предназначается. Вы ведь в этой сделке являетесь всего-навсего посредником между фирмами и просто ухититесь на этом заработать. Но именно этот уран потребовался сегодня мне. Вам ведь один черт, от кого получать барыши?! Я плачу. Я покупаю и плачу за судно вместе с грузом. Ну а пароходная компания, которая по моему поручению возьмет на себя заботу о судне — запомните!!! — будет называться «Бискайн трейдерс шиппинг корпорейшн».

— Сколько вы предполагаете бросить на это дело?

— Пусть сумма вас не волнует. Для начала пять тысяч долларов на карманные расходы. Вот они, держите. А если операция пройдет успешно, получите в семьдесят раз больше. Согласны? В Антверпене, я знаю, контейнеры с маркировкой «Плумбат» примет на борт судно «Шеерсберг». Мне не нужно говорить, кто является официальным хозяином этого ржавого корыта и из кого состоит его экипаж. У меня лишь будет одна маленькая просьба: перед отходом «Шеерсберга» из Антверпена вам придется нанять еще пару матросов. Но мне нужно, чтобы вы подготовили на них документы.

— У вас есть их фотографии? Без них ничего не выйдет. По три штуки на каждого.

— Мои люди передадут их вам, не волнуйтесь. Будьте здоровы!

Но Будидша недаром слыл авантюристом международного класса. 350 тысяч долларов ему показались слишком ничтожной суммой, из-за которой стоит рисковать головой. И прежде чем заняться документами на двух матросов, он поспешил сбить все те же 200 тонн уранового топлива другой банде авантюристов за 400 тысяч долларов.

Неподалеку от Антверпенского порта, в глухом переулке, где домишки, гаражи, мастерские походят на гнилые, лишенные всякой эстетики зубы, а в ночное время на горбатую, не освещенную мостовую никто не решается ступать ногой, однажды прикатил черный «ситроен», а за ним серый «пежо». Пассажиры и водители под покровом темноты скрылись в подворотне одного из «небоскребов», как в шутку называли здесь заброшенные развалюхи. Именно здесь, в перекупленной старой автомастерской, Майк Биндер собрал в ту ночь участников операции «Плумбат». При свете карманного фонаря Биндер держал речь:

— Когда рассветет, вы увидите во дворе этого логова грузовик с контейнером. На некоторое время я дарю его вам под «коммунальную квартирку». Считаю, что проблем несовместимости не возникнет. А если возникнут, решайте их сами. С помощью ножичка, как обычно. Но я лично этого делать не рекомендую... Инструменты, краска, автоген, продукты, оружие, рация уже там, в «квартире». В ней вам предстоит провести несколько, разумеется не самых лучших, дней в вашей жизни. Сперва на суше, а потом на море. После того как вас погрузят на судно «Шеерсберг», мои люди из состава команды освободят вас, а вы захватите эту старую, но близкую сердцу моему калашу. И получите за работу свои денежки. Вопросы имеете?

Нет, аудитория вопросов не имела. Она привыкла к любой работе такого сорта. Угрюмый, с низким лбом и руками гориллы механик Гольдман, радиотехник-пьяница Арнхейм, которого в израильской разведке считали «по связи» специалистом № 1, профессиональный убийца, невзрачный на вид, молчаливый Ульман и списанный за разные грехи на берег бывший капитан теплохода Биран — лицо незаменимое для пиратской акции.

— А в «квартирке» есть на чем дремать? — уныло зевнул Ульман.

— Выспишься на том свете, — в тон ему ответил Биндер. — Нежно обнимаю всех. До скорой встречи!

Биндер не имел желания задерживаться в этой компании наркоманов и уголовников. Ему еще предстояло отправить в условленное с Будидшей место своих «матросов» — Азулая и Мизрахи. Дав им инструкции, Биндер поехал отдыхать в отель. А в это время произошло непредвиденное: Будидша сумел захватить и нейтрализовать «матросов». Он понимал, что операция израильской разведки находилась уже в такой стадии, что остановить ее дальнейший ход не представлялось возможным. Даже в том случае, если бы Биндер узнал об этом. В Антверпенском порту шла погрузка контейнеров на «Шеерсберг».

Грузовики с контейнерами один за другим прибывали на пирс, откуда автопогрузчики доставляли их на борт судна. Сотрудники службы безопасности Евратома и высокие полицейские чины глаз не спускали с освещенной мощными прожекторами территории порта, палубы судна. Погрузка шла строго по графику: ровно в шесть утра «Шеерсберг» должен был сняться с якоря. В бортовых документах портом назначения для него и 560 свинцовых бочек, содержащих уран и спрятанных в контейнеры, значилась Генуя. Италия.

Одновременно в глухом дворе автомастерской тоже заканчивались последние приготовления. Контейнер с такой же маркой, как и остальные, — «Плумбат» стоял на огромном грузовике. Пираты ждали сигнала. Но тут Майку Биндеру неожиданно позвонил Будидша:

— Шайбы кончились, ремонтировать машины не можем. Срочно привезите несколько ящиков...

Это был заранее оговоренный кодовый сигнал, означавший: «Немедленно привезите 350 тысяч долларов». Место встречи также было предварительно установлено. Биндеру ничего не оставалось делать, как сесть за руль «ситроена» и на бешеной скорости мчаться на свидание к Будидше.

Вернувшись на территорию мастерской, Биндер поставил свой автомобиль рядом с грузовиком и, взглянув на часы, приказал трогаться. Но радист Арнхейм ни с того ни с сего попросил разрешения еще раз опробовать аппаратуру, которая находилась в контейнере и предназначалась для последующей секретной связи судна с берегом. И вдруг... Он уловил какие-то странные сигналы, шедшие в эфир не то от грузовика, не то от «ситроена». Все насторожились. Арнхейм тщательно осмотрел контейнер, грузовик и наконец под передним сиденьем «ситроена» обнаружил крошечный радиопередатчик. Стало ясно, что какой-то неизвестный, разнюхав о плане Моссада, решил либо захватить контейнер и предупредить авантюру, либо использовать его в собственных целях. Гадать долго не пришлось: шестеро вооруженных людей ворвались на территорию двора, завязалась перестрелка. После жестокой схватки на земле остались лежать все шестеро «гостей» и шофер грузовика.

Наскоро приведя в порядок место страшного побоища, Биндер и его сообщники тронулись в путь. Биндер сидел за рулем. Минут через пятнадцать машина с контейнером без всяких происшествий въехала на территорию порта и пристроилась в хвост последним грузовикам...

А еще через час Биндер так же бесхлопотно выехал из порта. «Шеерсберг» дал сигнал и отошел от причала.

Бросив грузовик на одной из улиц и пересев за руль своего «ситроена», Биндер забрал из кафе Шарон Маннерс, довез ее до явочной квартиры Моссада и улыбнулся:

— У меня есть еще одно срочное дельце. Ждите, я вернусь...

Где в течение почти шести часов пропадал ее шеф, Маннерс узнала, а точнее, догадалась, слушая вечернюю телепередачу. Комментатор сообщил, что в Брюсселе, на улице Рембрандштрассе, обнаружен «мерседес» с убитым водителем. Экспертиза установила: смерть наступила мгновенно после удара по голове тяжелым предметом. Имя жертвы — Будидша...

А между тем «Шеерсберг» с грузом урана и бандитами на борту, боясь с непогодой, продолжал плавание. Агенты Моссада пребывали в полной уверенности, что по договоренности их вызволят из контейнера на вторые сутки пути в два часа ночи. Они ровно ничего не знали о захваченных сообщниками Будидши «матросах».

Но время шло, а выпускать добровольных пленников из «квартиры» никто не собирался. Тогда они решили выбираться сами. На этот случай они и припасли автоген. Вырезав в стенке железного контейнера лаз, четверка — Биран, Гольдман, Арнхейм и Ульман — вылезла в трюм, где находились все 200 тонн урана.

Рассвет еще не наступил, когда Ульман и Биран поднялись на палубу, по-кошачьи пробрались в рубку, где на вахте стоял капитан судна Барроу. Напряженно глядяваясь в чернильный мрак ноябрьской ночи, Барроу и не заметил, как за его спиной появились две зловещие фигуры, вооруженные пистолетами.

— Не нервничать, стрелять не станем, если ваше поведение будет отвечать нашим интересам. Считайте, что с данной минуты вы передали управление «Шеерсбергом» мне, профессиональному, как и вы, капитану. Опыта мне не занимать. От вас требуется лишь подчинение и подчинение. Об остальном позаботятся мои друзья, которых на судне предостаточно, — для большего эффекта закончил тираду Биран.

Ни капитан, ни его команда не имели представления о том, кто эти люди, куда и зачем теперь поплывет судно. А четверка по-хозяйски переселилась из контейнера со всеми своими пожитками, оружием в каюту капитана. Бандиты не спускали глаз с вахтенных на мостике, с матросов машинного отделения. Вышли в Атлантику. Миновали Гибралтар. Однажды около шести часов вечера над «Шеерсбергом» появился самолет-разведчик. Он описал несколько кругов и скрылся за облаками.

— Паршивое дело, — обращаясь к Ульману, заметил Биран. — Выслеживают. Видимо, операция где-то дала осечку. Нас кто-то продал... — И, обернувшись к капитану Барроу, резким тоном приказал: — Карту района, быстро!

Внимательно изучив курс судна, Биран ткнул указательным пальцем в крошечную точку:

— Разворачивайтесь и на всех своих двенадцати узлах шпарьте сюда! Поняли? Полный вперед!

— Но двигатель, господин, пожалейте двигатель!

— Мы же договорились, что командовать буду я, а вы — подчиняться. Или... — Он угрожающе опустил правую руку в карман, в глазах появился недобрый блеск.

В тот же самый час в далеком Брюсселе Шарон Маннерс позвонила Майку Биндеру.

— Меня прижали конкуренты, — упавшим голосом пролепетала она. — Пронюхали, что часть моих самых лучших фотографий принадлежит не мне, а другому мастеру, и теперь требуют от меня негативы. Вот беда.

Это был кодированный сигнал, который означал: «В Евратоме знают,

что судно захвачено и уран плывет в неизвестном направлении. Ведется поиск «Шеерсберга». Будьте осторожны и внимательны».

Вскоре до Биндера дошли сообщения о разведывательных полетах самолетов. Но он пока оставался спокоен, зная, что в случае сильной опасности четверка может замаскировать судно. Именно для этой цели Биран и приказал направить «Шеерсберг» к маленькому острову-скале. Там, в укромной тихой бухточке, на палубу были вынесены топоры, распылители, краски, кисти. Часть экипажа в пожарном порядке перекрашивала ржавые борта, палубу, другая часть убирала мачту, вентиляционные трубы. Матросы задраивали и покрывали фанерными листами трюмные люки. К утру на черном носу, на корме красовалось даже новое название — «Керкира». Можно было плыть дальше. А поисковые самолеты время от времени продолжали кружить над судном. Но с воздуха бывший «Шеерсберг» опознать не представлялось возможным. Косметический блиц-сеанс изменил его до неузнаваемости... Кое-кто стал утверждать, что судно затонуло.

Прошла неделя другая, и вдруг в турецком порту Искендерун стал на якорь столь внезапно исчезнувший «Шеерсберг». Все его параметры и внешние очертания в точности соответствовали тому судну, которое вышло с грузом урана из Антверпена. Но на причалившем «Шеерсберге» никакого урана не было, и этот груз вообще не числился в судовых документах. А его команду, твердившую, что последний раз «Шеерсберг» заходил в Неаполь, никто в этом порту никогда не встречал. Власти порта не принимали у себя «Шеерсберг»...

Известно обо всем в деталях было лишь тем, кто провел на судне повторный косметический сеанс и вернул ему прежнее название, кто заменил полностью всю команду и тайно доставил ценное топливо в израильский порт Хайфу, а затем привел захваченный контейнеровоз в Искендерун, лежащий от Хайфы всего лишь в сутках пути. Знали об этом и в Вашингтоне. Есть все основания считать, что Центральное разведывательное управление США, имея в своем распоряжении документы, подтверждающие пиратскую акцию Моссада, отказалось выдать их заинтересованным ведомствам и следствию. Причина объясняется довольно просто. Еще в те годы, когда у руля шпионского логова США стоял его организатор Аллен Даллес, в штаб-квартире ЦРУ Ленгли появился человек по имени Энглтон. Ему доверили один из архисекретных отделов, который наводил мосты с Израилем и его специальными службами. Шеф ЦРУ поручил Энглтону это подразделение не случайно: матерый шпион имел солидные связи в высших сферах власти Израиля, которые он завел еще в конце второй мировой войны.

Ну а все последние годы Энглтон лично контролировал передачу израильским экстремистам секретных данных, необходимых для производства атомного оружия. Этот обер-шпион орудовал вопреки тем обязательствам, которые Вашингтон взял на себя в соответствии с международным договором о нераспространении ядерного оружия.

А если вернуться к истории с похищением 200 тонн урана, то, по мнению честных американских газетчиков, наглая акция израильских пи-

ратов по хищению атомного топлива не выдерживает критики. Что же касается ее инициаторов, исполнителей и тех, кто пытался скрыть от мировой общественности операцию «Плумбат», то они, в том числе и Энглтон, заслуживают самую суровую кару. Пиратский промысел во все времена квалифицировался как преступный. Для борьбы с флибустьерами между странами заключались договоры. В наши дни существует Женевская конвенция об открытом море 1958 года. В этом документе утверждается, что пиратами могут быть лишь частные лица. Ну а если преступные действия совершает государство, его флот, то это уже квалифицируется не как обычное пиратство, а как акт агрессии.

ПИРАТЫ НЕФТЯНЫХ ДОРОГ

СВИДЕТЕЛЬСТВО КАПИТАНА СИМОНСА

В бейрутском отеле «Атлантик» было сумрачно и неуютно. С июньских дней 1967 года, когда Израиль развязал агрессивную войну против арабских государств, туристы почти забыли дорогу в эту некогда процветавшую столицу Ливана. Город не по своей воле стал фронтовым, небезопасным. Днем и ночью раздаются автоматные очереди, рвутся бомбы, подложенные террористами.

Западная сторона отеля «Атлантик» давно не мытыми окнами смотрит на Средиземное море — то свинцово-бурное, отталкивающее, то сияющее, ласковое, мирное. Свет, воздух, голубое небо всегда поднимают настроение. Но уже стояла средиземноморская зима, и все здесь выглядело серым, унылым.

Немногочисленные постояльцы «Атлантика» от восьми до девяти утра встречались в нижнем кафе за традиционным завтраком «континенталь» — яичница, джем, чай — и расходились по своим делам. У obsługi особых забот не было. Горничные, официанты, прибрав на скорую руку номера, отправив грязную посуду на мойку, лениво глазели из вестибюля на улицу, от скуки перелистывали старые замусоленные журналы.

На лифте я поднялся в свой номер на четвертый этаж, извлек из футляра пишущую машинку и стал обдумывать очередной репортаж, как вдруг зазвонил телефон.

— Вы интересовались историей местного пиратства, я к вашим услугам. Спускайтесь в холл, если не возражаете. — Голос приятного тембра, не навязчивый, скорее даже, извиняющийся.

Холл был пуст, и лишь за низеньким дальним столиком в безнадежно старом потертом кресле притаился человек в темных очках, сером плаще и вельветовых брюках бутылочного цвета. Остатки прилизанных седых волос прямым пробором рассекались надвое, отчего незнакомец выглядел несколько старомодно.

— Я получил ваш адрес в туристическом бюро. Вы туда обращались? — Он дружелюбно протянул мне руку. — Капитан Симонс, пятьдесят шесть лет, если хотите... О разбойниках моря могу рассказывать без передышки тысячу и одну ночь. Знаете, пираты, как и потайные ходы в старинных замках, существуют много столетий. Согласитесь, и то и другое появилось задолго до современного кинематографа... Может быть, присядем?

Симонс застенчиво улыбнулся и снял очки. Теперь его спокойное лицо обрело новое выражение: скулы обострились, на носу появилась горбинка.

Мы сели, заказали по чашечке кофе. Симонс раскурил трубку.

— Осмелюсь задать вам первый и, пожалуй, самый ординарный вопрос: кто вы по профессии?

— О, сущий пустяк! В родной Англии я закончил «Паблик скул» потом мореходку и стал капитаном танкера. Много лет плавал, вышел в

отставку и занялся частным сыском. По части пиратского бизнеса. Дело куда более увлекательное и прибыльное, нежели коллекционирование сплетен, касающихся именитых особ...

— Ну а в сыске вы, не имея специального образования, все же считаете себя профессионалом?

— Поймите меня правильно, я не хвастун, но обошел все порты, знаю, где, что и почему стоит. Знаком со многими портовыми начальниками, вхож в международную ассоциацию портовой полиции, которая, как вы, конечно, слышали, создала бюро по координации действий в борьбе с пиратством. Ну а если к этим нажитым данным еще добавить внутреннюю интуицию, помноженную на прирожденный нюх?!

После такой саморекламы я посчитал, что наше знакомство состоялось и попросил Симонса извлечь на свет из его досье один-два рассказа о современных корсарах.

— Если считать, что за последние годы около сотни судов подняли пиратский флаг, то примерно половина из них действуют в треугольнике Ливан — Кипр — Суэц, — неторопливо начал Симонс. — Современные корсары сумели ловко приспособиться к обстановке. На смену бронзовым орудиям и абордажным крюкам пришли бесшумные пистолеты и крупнокалиберные пулеметы; парусникам — быстроходные катера, а «рыцарям удачи», как называли в былые времена флибустьеров, — синдикаты дельцов, действующих из скромных офисов, наводнивших иные западноевропейские и восточные страны.

Мне не так давно пришлось участвовать в операции по расследованию авантюры с судном «Бетти». Оно принадлежало кипрской компании, имело шесть тысяч тонн водоизмещения. На судне находился груз стоимостью порядка полутора миллионов долларов. Капитан радировал

БЕНЗИН ИЗ... ЛИСТЬЕВ ЭВКАЛИПТА

К бензоколонке на окраине города Токио подъезжает легковая «тоёта». Реле автоматически включает табло с надписью: «В продаже имеется бензин любой актановости». Владелец машины заводит резиновый шланг в горловину бензобака и нажимает рычажок. Замелькали цифры счетчика, побежало горючее. Ничего необычного. Но...

— Простите, — вдруг восклицает удивленный владелец «тоёты». — Почему сегодня бензин пахнет эвкалиптом?! В чем дело? Меня не проведешь! Я профессиональный дегустатор и уж как-нибудь умею различать запахи!

— Простите, господин Омоти. Во-первых, вы наш старый добрый клиент и мы никогда не стали бы вас обманывать. А во-вторых, должны вам сообщить, что с сегодняшнего утра наша бензоколонка отпускает исключительно бензин, приготовленный из листьев эвкалипта. Искусственный бензин, если угодно...

из Пилоса, что он заправляется топливом. Через два дня пришло сообщение, что «Бетти» потерпела аварию. Владелец судна был вынужден согласиться на проведение ремонта. Затем его приобрела другая компания, и «Бетти» превратилась в «Файв старз». Под греческим флагом «Файв старз» занимался транспортировкой грузов в Средиземном море. Судно видели в разных портах. И вдруг новая трансформация. Оно получает название «Арес» и уходит в Бейрут под испанским флагом. В ходе расследования выяснились и другие названия, под которыми плавала «Бетти», — «Малага», «Блэк игл»...

В конце концов мне удалось напасть на след главарей этой темной аферы со старушкой «Бетти», которой исполнилось четверть века, когда она бесследно исчезла. Оказалось, что средиземноморскую мафию возглавляет пират в юбке, некая Женестьева Макдональд. Ее задержали в одном из бейрутских отелей в тот самый момент, когда сообщники передавали своей матроне тридцать тысяч долларов за «работу». Тридцать тысяч! — Симонс сделал выразительный жест рукой и причмокнул. — Да, нынешние пираты не прыгают по палубам на деревянных протезах, не прячут награбленное на необитаемых островах под корневищами пальм. Они предпочитают отсиживаться в своих конторах и держать деньги в надежных банках. Считают, представьте, что каждое второе мошенничество с морскими грузами в наши дни — дело рук международных гангстерских синдикатов...

— Грузы бывают, разумеется, всякие: бананы и автомобили, стальные заготовки и хлопок, зерно и нефть, — деликатно попытался я несколько изменить русло рассказа Симонса. — Не могли бы вы вспомнить какую-либо яркую историю с нефтеналивными судами?

— Однажды я познакомился с комиссаром лондонского порта Эри-

Воспроизведенная сценка отнюдь не смелый авторский вымысел. На японских островах ученые уже извлекли первые сотни литров горючего из листьев эвкалипта. Разумеется, пока это лишь опыты, включая и испытание нового вида топлива на автомашине со специальным опытным двигателем. Эксперимент прошел удачно, хотя до промышленного внедрения технологии в жизнь, по мнению самих японцев, еще очень далеко.

В Японии ведутся и другие любопытные опыты. Так, например, для развития атомной энергетики нужен уран. На островах урана нет, его привозят. И вот было решено ввести в строй экспериментальную установку по извлечению урана из морской воды. Три завода, которые будут построены, ежегодно смогут давать три тонны этого ценного топлива. Этого количества урана вполне хватит для снабжения топливом двенадцати АЭС мощностью по тысяче мегаватт каждая.

Не менее перспективны проводимые Японией исследования по использованию морских водорослей. Из них, оказывается, можно получать метан. При этом цена на него будет не выше, нежели на сжиженный природный газ.

ком Эллином, — раздумчиво произнес мой собеседник. — И представьте, он сказал: «Мошенничества на море относятся к категории преступлений, которые почти невозможно раскрыть». И тем не менее надо дерзать. Я лично считаю, что эскалация возрождения пиратства во многом связана с энергетическим кризисом. Конечно, и десять, и двадцать лет назад морские бандиты нападали на небольшие рыболовные суда, на каботажников. Возьмут суденышко на абордаж, перельют горючее в старые бочки и отпустят на все четыре стороны. А солярку — на ближайший базар. А когда цены на нефть стали расти из года в год, когда энергетический кризис по-настоящему показал свои зубы, у пиратов тоже выросли запросы. Если прежде они довольствовались бочкой-другой дизельного топлива, то теперь им подавай целый танкер!

— Вы утверждаете, господин Симонс, что вот так, запросто, можно украсть танкер в двести — триста тысяч тонн водоизмещением?!

— Вполне понятно, пираты разработали несколько психологических систем операций. Бывает, что нападение осуществляется в акватории порта или на рейде. Для такой акции нужны весьма надежные посредники из местных головорезов, спившихся матросов или подкупленных полицейских чинов. Чаше на встречу с танкерами-гигантами корсары выходят в открытое море на быстроходных «полицейских» катерах. Переодетые в униформу представителей власти бандиты издали подадут сигнал, по которому любое судно обязано остановиться, приближаются и, поднявшись на борт, требуют судовые документы. А когда официальные бумаги у них в руках, в ход идут пистолеты, автоматы. Капитана «обезвреживают» и меняют курс.

Как правило, пираты договариваются за несколько дней до операции, кому сбыть нефть, в какой бухте. Там их уже ждут с заготовленными емкостями и долларами... Но не всегда этих «джентльменов» ждет удача. Бывает, что синдикат посильнее устраивает им засаду, и тогда — настоящее кровавое побоище...

Мой собеседник заказал еще чашечку кофе и продолжал:

— В западном мире одни имеют свободу передвижений, другие — свободу рук. Насколько мне известно, в картотеке Интерпола собрано около сорока тысяч подозрительных физиономий. Одни из них годами болтаются по свету, примелькались полиции, все время на виду. А другие прячутся в надежных местах, словно осьминоги в скалах. Их оттуда выманить довольно трудно. А «работать» им легко. Вы итальянский знаете?

— К сожалению, нет.

— Тогда я позволю себе вслух перевести из римского «Эспрессо» всего один абзац. В чем-то он подкрепляет мои смелые мысли о связи энергетического кризиса с пиратством. — Симонс извлек из кармана сильно измятый еженедельник. — Послушайте: «Начало пиратству было положено стремительным ростом импорта дорогостоящих товаров нефтедобывающими арабскими государствами. Например, порт в Саудовской Аравии Джидда буквально стал задыхаться от нехватки свободных пирсов. Суда в ожидании разгрузки были вынуждены простаивать на рейде по

полгода. Стоимость фрахта взвинчивалась до фантастических размеров. И вот этой пагубной ситуацией не преминули воспользоваться некоторые греческие и кипрские владельцы судовых компаний. Они стали выводить в море свои издавшие виды посудины, но значительно снижали на них фрахтовые ставки. Это привлекало оптовиков. Почуввав возможность сэкономить на перевозках, многие экспортные фирмы бросились к ловкачам в объятия. Поначалу все шло ничего. Однако вскоре стали происходить потрясающие вещи: не все суда возвращались в порты назначения. Фирмы экспортеров несли убытки, намного превышающие суммы, которые они предполагали выиграть от более дешевой транспортировки. В целом маловероятно, чтобы такое количество судов, даже и сильно потрепанных, с никудышными двигателями, могли вдруг затонуть в короткий период времени. Все обстояло иначе: флибустьеры обычно, захватив корабль, производили с грузом самые невероятные операции купли-продажи, а если судно было застраховано на крупную сумму, потом умышленно топили его». Вот так. — Он передохнул и добавил уже от себя: — Страховку, естественно, они получают солидную. Кстати, вы что-нибудь слышали о танкере «Салем»?

— Не приходилось.

— Тогда послушайте. — Он промокнул губы салфеткой и бережно отодвинул от себя указательным пальцем блюдечко с чашкой остывшего напитка. — Морская страховая компания «Ллойд» в Англии считает дело «Салема» самым крупным из прочих случаев мошенничества со скандальной политической окраской — в истории замешана расистская Южно-Африканская Республика. Помните, после свержения шаха ЮАР лишилась иранской нефти. А группа арабских стран — экспортеров «черного золота», справедливо бойкотирующая расистов, продолжала твердо придерживаться своего принципа. Какой же выход нашла ЮАР? Она стала покупать нефть на свободном рынке, где лишних вопросов, откуда танкер, чья нефть, покупатели не задают. Так постепенно южноафриканские порты превратились в идеальные места для спекулятивных сделок.

Агенты «Ллойд» в ходе расследования установили, что танкер «Салем» 27 декабря заходил в южноафриканский порт Дурбан под новым названием «Лема», где из него тайно выкачали всю нефть, заменили ее морской водой и продали его. А теперь все по порядку.

Супертанкер «Салем» водоизмещением 214 тысяч тонн принадлежал концерну «Шелл» и был застрахован у «Ллойда» на 24 миллиона долларов. Его груз — 194 тысячи тонн нефти — оценивался примерно в 70 миллионов долларов. «Салем» был построен на шведских верфях в Мальмё в 1969 году и спущен на воду под названием «Си соверейн». В апреле 1977 года его купила одна компания, обосновавшаяся в Гонконге, под названием «Саут сан». Она сдавала танкер внаем, что позволяло его владельцам уклоняться от уплаты налогов, нанимать за ничтожное жалованье неквалифицированных матросов и предлагать свои услуги по тарифам, не вызывающим конкуренции.

В ноябре 1979 года «Саут сан» приобрела либерийская компания, открывшая свою контору в пригороде Хьюстона, штат Техас (США).

Хозяин компании, тридцатишестилетний американец ливанского происхождения Фред Соудан, заплатил за танкер 11,5 миллиона долларов. Когда у него спросили, где он позаимствовал такую сумму, Соудан, не задумываясь, ответил: «После смерти отца в Ливане мне досталось солидное наследство...» Однако в ходе расследования дела обнаружилось, что и в этом случае операция была связана с южноафриканскими расистами: счет на покупку судна оплачивался через один из иоганнесбургских банков. Соудан как раз и явился тем человеком, который нарек супертанкер «Салем» и застраховал его у «Ллойда».

А в это время в греческом порту Пирей на морской ярмарке объявился некий Штейн, якобы известный и бывалый штурман, по состоянию здоровья перебравшийся на сушу и проживающий попеременно то в Цюрихе, то во Франкфурте-на-Майне. (Впоследствии, правда, выяснилось, что Штейн — человек лет сорока с пепельными выщипанными волосами и сильным немецким акцентом — не живет ни во Франкфурте, ни в Цюрихе. Адреса, которые он раздавал вместе со своей визитной карточкой, оказались фиктивными.)

Однако факт остается фактом: Штейн сумел зафрахтовать танкер. Затем в Пирее он познакомился с одним маклером, который подбирал для неприятельских заказчиков экипажи из разного сброда, и через него нанял тринадцать греков и десять тунисцев. Возглавил команду «Салема» греческий капитан Деметриос Георгулис.

В начале декабря «Салем» загружается в Кувейте нефтью для частной итальянской фирмы и берет курс к берегам Европы. Через четыре дня после выхода в море британская нефтяная компания «Шелл» перекупает груз. Подобные операции не редкость в капиталистическом мире. «Шелл», полностью доверяясь итальянской фирме, даже не поинтересо-

ТАНКЕРЫ ПОД ПАРУСАМИ

Если на земной тверди уже действуют ветровые электростанции, то почему нельзя заставить ветер трудиться с большей отдачей на море? Ну, скажем, «заприть» его для морских перевозок грузов? Вопрос не праздный. Им некоторое время назад задались японские кораблестроители и ответили на него положительно, построив первый танкер под парусами. Правда, танкер оснащен и дизельным двигателем. На случай безветрия или быстрого маневра.

Внешний вид новой модели танкера мало чем отличается от привычной. А когда судно стоит под погрузкой и паруса убраны, на него никто не обращает внимания.

Сворачивание двух парусов — каждый размером двенадцать метров на восемь — производится с помощью микрокомпьютера, автоматически. Синтетиче-

валась личностью судовладельца, фрахтовщика и капитана. А «капитан» Георгулис, хотя и считал себя таковым по паспорту, выданному ему греческим консульством в Чикаго, значился всего-навсего рабочим...

Достоверно известно, что «капитан» получил радиogramму с указанием следовать в Гавр, где находится нефтеперегонный завод компании «Шелл». Однако танкер туда так и не прибыл.

27 декабря «Салем» встает у нефтяного терминала в порту Дурбан. Здесь он фигурирует под названием «Лема»: доморощенному художнику из команды ничего не стоило замазать краской начальные буквы «Са» и пририсовать лишнюю «а», чтобы получить искомое — «Лема». Шесть дней танкер стоял под разгрузкой и 2 января, отдав швартовы, вышел в море, снова под названием «Салем». С той поры о нем не было ничего известно ровно две недели. И вдруг...

17 января 1980 года в 11 часов 10 минут по Гринвичу радист танкера «Бритиш трайде́нт», находящегося в 150 километрах от побережья Сенегала, перехватывает сигнал бедствия с супертанкера «Салем»: на борту взрывы, судно горит! «Бритиш трайде́нт» немедленно меняет курс и идет на помощь. Но поздно. «Салем» уже затонул. Глубины в тех местах доходят до 4300 метров. Вместе с судном на дно ушел и бортовой журнал.

Экипажу удалось благополучно покинуть танкер и разместиться в спасательных шлюпках. Английское судно приняло людей и доставило их в Дакар. Но подробный отчет капитана «Бритиш трайде́нт» об обстановке, в которой он подобрал потерпевших крушение, подозрительно продолжительное время следования «Сале́ма» от Кувейта до побережья Сенегала (это расстояние можно преодолеть за 20 суток, а он шел 37 дней) — все это насторожило власти. Более того, сигнал бедствия с «Сале́ма»,

ская особо прочная ткань парусов обладает повышенной эластичностью. Когда полотнища не используются, они плотно облегают две стальные мачты.

Новый танкер обслуживает команда всего из восьми человек. Дальность плавания — 9000 миль (16 500 км) без дозаправки по сравнению с тремя тысячами миль у обычных танкеров такого же класса.

Постройка судна обошлась на 20 процентов дороже обычного. Однако это покрывается экономией примерно 50 процентов горючего по сравнению с его дизельными собратьями. Грузоподъемность танкера — 1600 тонн. При скорости ветра 54 километра в час судно, пользуясь только парусами, развивает скорость 15 узлов.

К разработке других систем современных фрегатов-парусников приступили и в Западной Германии. Предложена модель конструкции с шестью вращающимися мачтами и полужесткими парусами, которые «скатываются» на мачту.

«Ветер нам еще послужит!» — уверенно говорят корабли.

переданный 17 января в 11 часов 10 минут, явно запоздал: первый взрыв на корабле произошел в 5 утра 16 января. Более того, вместо того чтобы принять меры по спасению танкера, команда с упакованными личными вещами предпочла провести более суток в шлюпках и в полной безопасности созерцать горящий нефтевоз.

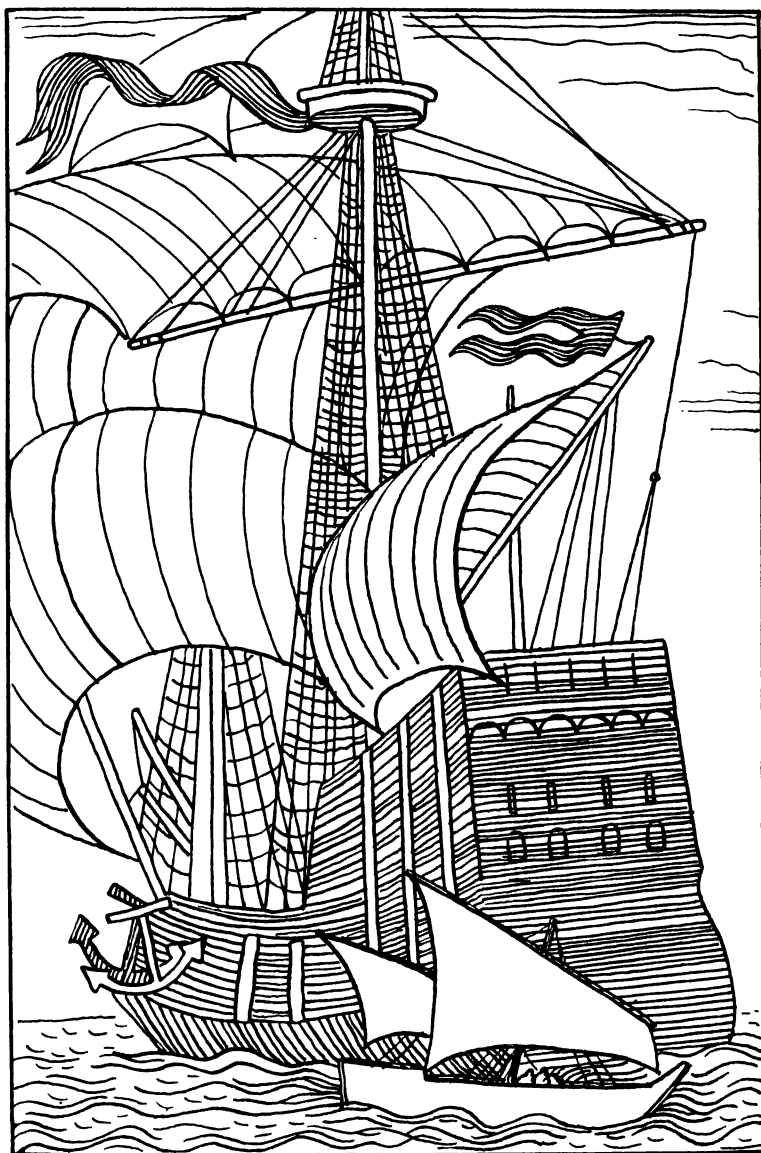
И последнее: у «капитана» не оказалось ни одного судового документа, хотя по всем законам он был обязан забрать их с собой.

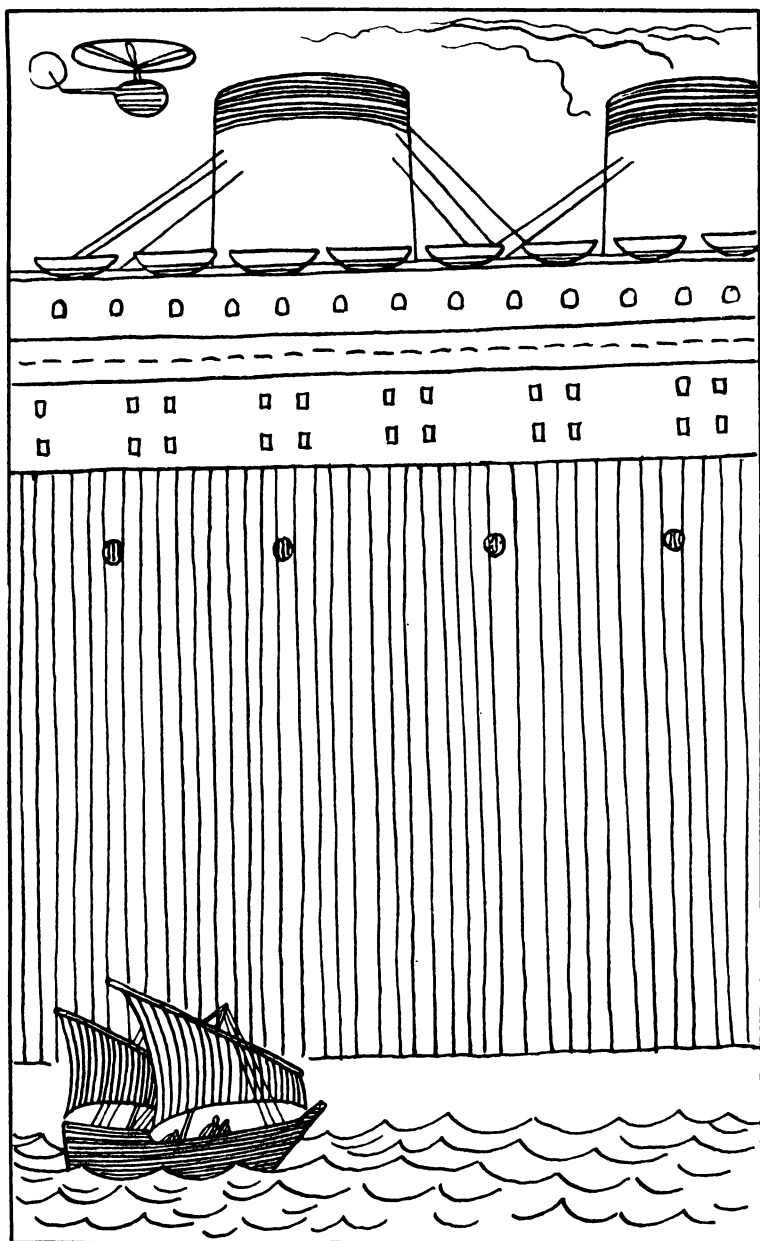
Власти Дакара отдали приказ о немедленном аресте «капитана», который, как стало известно, не первый раз оказывался в сомнительных историях, подобных «кораблекрушению» «Салема». По всем портам разошлись телексы с просьбой принять участие в расследовании скандального дела. Было ясно одно: деньги, вырученные за 194 тысячи тонн сырой нефти, проданной ЮАР вопреки эмбарго, осели в чьих-то сейфах.

Но главный виновник, к которому тянутся все нити в этой скандальной истории, Штейн исчез. Исчез бесследно, словно нырнул на дно вместе с судовыми документами «Салема».

Я сердечно поблагодарил Симонса. Он действительно оказался человеком деловым, а не хвастунишкой, каким мог показаться поначалу.

СУДЬБЫ СКИТАЛЬЦЕВ

ПОТОМКИ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

Вот и наступил конец недели, а с ним пришел на крошечный островок Ламу рамазан — месяц поста. Островок лежит неподалеку от восточного побережья Африки и принадлежит Кении. Ламу населяют мусульмане. Во время рамазана религия запрещает всем правоверным от восхода до захода солнца принимать пищу и даже курить.

Узкие кривые улочки города Ламу утонули в чернильной темноте тропической ночи. В порту спят хрупкие дау — суденышки, на которых еще плавал знаменитый Синдбад-мореход. С минарета мечети доносится надрывный голос муллы, славящий аллаха. Сейчас закончится последняя молитва. После нее люди смогут приступить к долгожданной трапезе...

Ночь поглотила все, что напоминает о современности: контору американского банка, телефонные провода, рекламу американских сигарет, бродящих в поисках экзотики с фотоаппаратами через плечо туристов, спящих на не успешных остыть тротуарах американских подростков.

— С каждым месяцем этих маленьких скитальцев все больше и больше в наших краях, — жалуется приезшему журналисту начальник порта Сулейман. Они сидят в полутемном погребке, пьют кофе с ледяной водой. — В Америке их называют Гекльберри Финнами. Понятно, что имя марктовеновского героя звучит намного ласковее, чем «беспризорный». Но дух веселого, беззаботного бродяжничества неведом этим несчастным мальчишкам. Каждый из них успел пережить свою страшную трагедию. Одних выгнали из дома родители, которым детей нечем кормить; другие оказались на улице потому, что разрушилась семья. Мы слышали: в США сейчас больше двух миллионов несовершеннолетних беглецов. Часть из них обитает на наших улицах. Здесь всегда тепло...

Да, пожалуй, только добрым климатом и можно объяснить наплыв американских беспризорников на остров Ламу. Местная молодежь бросает родные дома и уходит на материк. С работой в здешних краях трудно: не слышно перезвона молотков на лодочных верфях, нет заказов. Закрылась хлопкоочистительная фабрика. Да и сам город Ламу приходит в упадок...

Когда-то, сотню лет назад, это было одно из доходных и бойких поселений. Здесь, на Ламу, существовал рынок рабов. Всего несколько долларов стоил молодой невольник, распростившийся со свободой где-нибудь на берегу озера Танганьики. После длившегося более полугода перехода по суше к морю цена на раба поднималась в пять раз. На островах Занзибар или Ламу за невольника уже платили 70—80 долларов. Потомки Синдбада-морехода везли из этих мест на своих парусных дау к берегам Персидского залива золото, пряности, душистую амбру, слоновую кость. Рабов, как скот, загоняли в трюмы. По семь-восемь месяцев длилось это кошмарное путешествие. Из каждых ста человек в живых оставалось десять — пятнадцать. О них говорили, что выжившие — «счастливые дети

аллаха», и продавали, скажем, в Омане или Эмиратах раз в сорок дороже первоначальной цены. Были времена, страшные времена...

— Можно подумать, Сулейман, что теперь перестали торговать рабами.— В разговор вступает, подсаживаясь к столику, человек неопределенного возраста в сильно помятой фетровой шляпе, без рубашки, с амулетом на шее — желтый зуб тигра на черном шнурке.— Ты бы построил господина на «Зиндж», он бы и сам все увидел, в сути разобрался. Приезжий, полагаю, лицо образованное. Иначе для чего ему в Ламу ездить?!

— Помолчи, бездельник! Без тебя знаем, что нужно господину журналисту.

Сулейман недоволен. Его раздражают неуместные подсказки. Но, судя по всему, идея подхалима-«бездельника» ему пришлась по душе.

— «Зиндж» суденышко паршивое,— продолжает Сулейман.— Делает не более семи узлов — что-то около тридцати километров в час. Но все равно дело стоящее...

Он мнет угловатой кистью руки бороду и закуривает старую английскую трубку.

— «Зиндж»,— поясняет Сулейман,— выйдет в рейс на неделе. Ждать недолго. Зиндж — раньше так называлось Экваториальное побережье Восточной Африки. Арабы из эмиратов Красного моря, из Хадремаута¹ и Омана основали на этой земле города и утвердили свое господство...

Сулейман отпивает второй глоток кофе. Чашечка-наперсток пуста. Беседа течет неторопливо. Спешить некуда. К отсчету времени здесь относятся с удивительным равнодушием. Сулейман опять обнимает пальцами бороду и продолжает мысль, раскачиваясь в такт словам:

— Потом, кажется, в тысяча пятисотом году, пришли сюда португальцы. Они жгли города, разрушали села, убивали людей. Огня было так много, что даже птицы горели в небе. В 1885 году немцы, братья Денхардт, задумали создать в этих краях гигантское восточноафриканское государство, посадив на трон султана Виту. План был такой: заключить с султаном договор, а территорию отдать под власть германского кайзера...

— Скоро час молитвы, а ты, Сулейман, все угощаешь гостя какими-то древними историями,— перебивает начальника порта человек с амулетом на груди.— Доверь гостя мне. Я сам ему покажу невольничьи рынки Персидского залива. В конце концов, я, а не ты, Сулейман, служу поваром на «Зиндже»! Если господин хорошо заплатит, Мохамед сам обо всем договорится с капитаном «Зинджа». — Он выжидающе переводит взгляд с Сулеймана на журналиста.

Сулейман сверкнул в сторону Мохамеда глазами, но на лице, похожем на печеную картошку, не дрогнул ни один мускул.

— Что ж, Мохамед, я не возражаю. Ты, говорят, сам прошел через этот рынок. Цену жизни знаешь...

¹ Хадремаут — историческая область на юге Аравийского полуострова.

Быстрый рост цен на жидкое топливо с конца 1973 года и резкое увеличение отчислений от его продажи в казну некоторых государств-экспортеров вызвали в этих странах настоящий строительный бум. Но для того чтобы совершить скачок из средневековья в XX век, большинству нефтедобывающих государств Аравийского полуострова, как правило, отсталых в экономическом и социальном отношении, требуется ввозить не только оборудование, машины, технологические проекты, инженеров, но и сотни тысяч рабочих. Вот и получается, что из десятиллионного коренного населения арабских государств Персидского залива — Саудовской Аравии, Омана, Бахрейна, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и Кувейта — половину составляют иностранцы. В Катаре, например, на каждого занятого в строительстве коренного жителя приходится четыре иностранца. Четыре скитальца, приехавших сюда искать свое нелегкое счастье.

И если американских специалистов — нефтяников или инженеров-строителей — в эти края доставляют современные реактивные самолеты, а живут они в современных отелях и особняках с кондиционированным воздухом, то у иностранных рабочих иная судьба. Предприимчивые капитаны парусных суденышек часто нелегально доставляют их в нефтяные княжества этого района и оставляют там на произвол судьбы. Несчастные люди, даже найдя работу, вынуждены спать под открытым небом, питаться отбросами.

Возникает вопрос: в чем же дело? Рабочие руки нужны, но их зачастую ввозят в нефтедобывающие страны нелегально; говорят, что только для строительства огромного порта и промышленной зоны Дибай¹ требуется полмиллиона иностранных рабочих, а жить этим людям приходится в сараях из фанеры и кусков жести...

Сложность обстановки вот в чем. Безусловно, миграция рабочей силы в район Персидского залива помогает развивать экономику стран — экспортеров нефти. Она положительно сказывается и на снижении уровня безработицы там, где трудно найти применение рабочим рукам. Одновременно за счет поступлений в виде денежных переводов от работающих за границей граждан растет казна страны, откуда выехало много людей.

Но вместе с тем возникают и очень сложные проблемы как в странах, импортирующих рабочую силу, так и в некоторых государствах, ее экспортирующих.

Гонимые нуждой и обманутые мифом о всеобщем благоденствии, безработные из государств Азии и Африки надеются найти в богатых нефтью княжествах сносный заработок. Но надежды на счастье оборачиваются жестокой эксплуатацией, абсолютным бесправием, невыносимыми условиями труда и быта.

Полная зависимость от произвола частного предпринимателя, жи-

Д и б а й (Дубай) — порт в государстве Объединенные Арабские Эмираты.

личная проблема, зачисление приезжих в разряд людей «второго сорта» создают в поселениях иностранных рабочих условия для недовольства и даже потенциальную опасность массовых выступлений для местных режимов и властей.

Стремясь обезопасить себя, несколько сгладить проблему в Саудовской Аравии и княжествах Персидского залива, власти стали поговаривать о том, чтобы несколько сузить рамки строительства и таким образом сбалансировать численность коренного населения и приезжих иностранцев. В Саудовской Аравии нашлись компании, которые даже стали отказываться от притока новых иностранных рабочих. На своих воротах они повесили лозунг: «Имеем дело только с официально приглашенными в страну рабочими». Но это лишь усилило нелегальную иммиграцию. Людской поток как бы разделился на два русла: одни чужаки стали пробираться в богатые нефтью районы под предлогом паломничества к мусульманским святыням в Мекке и Медине; другие — нарушая законы границ.

ЗАДАТОК — ДВАДЦАТЬ ДОЛЛАРОВ

Мохамед не подвел. Он сумел договориться с капитаном «Зинджа» Османом, и тот, спрятав под тощий матрац в своей каюте двадцатидолларовый задаток, согласился взять журналиста на борт. Переход предстоял интересный, ведь именно от берегов Кении и Танзании вывозились когда-то богатства Африки. В наши дни здесь проходят основные морские дороги мирового танкерного флота. Тоже интересная тема для репортажа.

Осман принял гостя дружелюбно. Показал ему на суденышке закуток, где можно укрыться от палящего солнца, выделил алюминиевую кружку и миску. Налил в литровую бутылку из-под французского пива пресной воды. И зашлепал босыми ногами по палубе, поспешил по своим делам: суденышко сперва надо разгрузить, а потом уж и в путь...

Серая с белесыми пенистыми лишаями вода в пятактовой гавани. Это зрительное восприятие пейзажа усиливалось плавающими на поверхности размокшими коробками со стиральным порошком «Дарья». Полуголая команда матросов не спеша выбрасывала их с затонувшего у причала одномачтового деревянного баркаса типа дау. Никто не помнит точно, сколько веков назад первые дау стали бороздить воды Персидского залива, совершать далекие рейсы к знойным берегам Индии, Мадагаскара, Восточной Африки, Сейшел.

Сегодня утром десятка три дау пришло в гавань Ламу по высокой воде. На восходе солнца убраны треугольные, как крыло гигантской бабочки, паруса. В безоблачный купол неба, словно стволы в рощице с облетевшей по осени листвой, вонзились высоченные, чуть склоненные к носу мачты. Часы разгрузки тянутся лениво, без суматохи и спешки. Будто в фильме с замедленной съемкой, сгибаются и разгибаются брон-

зовые от солнца, жилистые руки; лоснящиеся от пота спины прогибаются под каменной тяжестью мешков. Привезли рис. А если бы в мешках доставили финики, то по их количеству можно было бы определить водоизмещение дау. Здесь так принято с давних времен. На судоверфях Персидского залива в бухгалтерских книгах рядом с датой постройки и ценой каждого дау непременно стоит еще одна цифра — 400, 500 или 600...

— А если перевести это в тонны?

— В тонны? — На заостренном, почти аскетическом лице Османа скользит тень не то усмешки, не то недоумения. — Делите на два, что-то в этом роде...

С островерхого минарета белостенной мечети хрипит усиленный репродукторами голос муллы. Слов не разобрать, но верующие знают: он призывает их к молитве. Осман выносит из тесной рубки узорчатый коврик, расстилает его в направлении Мекки и опускается на колени. Сдержанно говорит:

— Вас позвал ко мне Мохамед. А ему разрешил позвать Сулейман. Он человек неплохой. Много знает. Капитан порта...

Молится, потом встает, подходит к рубке.

— Если хотите, я расскажу все, что успел запечатлеть мой несовершенный взор несколько лет назад.

...Последний месяц 1398 (по мусульманскому календарю соответствует 1977 году) не баловал погодой мореходов Персидского залива. Осман ходил, по его выражению, «в каботаже»: Бахрейн, Басра, Кувейт, Дибай... Торговал кокосовым маслом, чаем, рисом.

— С «Тигрисом» Хейердала встречался дважды. В районе Басры мы прошли совсем рядом с тростниковой лодкой. Смеркалось. Вахтенный «Тигриса» как раз собирался засветить последний бортовой огонь. Я отчетливо видел, как он чиркал зажигалкой, приподняв зеленое стекло фонаря «летучая мышь» на правом борту. Левый борт уже бросал на маслянистую воду красный ответ. Горел и белый топовый на мачте...

— Почему вы обратили особое внимание на сигнальные огни «Тигриса»?

— В Персидском заливе судам стало тесно. Не ведаю, как освещались предки «Тигриса», но в наши дни без надежного фонаря в плавание лучше не выходи. Наверняка столкнешься... Я же убедился, что на лодке Хейердала строго руководствуются Правилами для предупреждения столкновений судов в море. Хорошие сигнальные огни помогли советскому теплоходу «Славск» буксировать «Тигрис» после того, как он попал в беду...

Осман рассказывает, что ему пришлось по душе (он даже позавидовал!) навигационное оборудование «Тигриса». С приборами, рацией он ознакомился во время стоянки «Тигриса» на Бахрейне.

— У меня на борту один компас, бинокль, карта и ученический циркуль. На «Тигрисе» я насчитал целых два компаса, секстант, лоцию, вертушечный лаг, бинокли, ручной лот, рацию, другое оборудование. Зато наши арабские дау рубятся из просмоленного дерева, прочно. Камышовый «Тигрис» рядом с ними — игрушка! А стихия — одна для всех.

На вопрос, что Осман может сказать об Аравийском море, старик отвечает, водя тонким морщинистым пальцем по географической карте.

— Прежде всего здесь великое множество акул. Их надо опасаться. Что же касается ветра, то... — Осман задумывается, снова указывает на карту. — Вот, например, 60-й меридиан. Он проходит сразу за восточной оконечностью Аравийского полуострова. Если принять его за условную ось, то вдоль нее постоянно дуют муссоны. Юго-восточный куиси — с апреля по декабрь и северо-восточный каскаси — с конца декабря по май. Куиси для нас будет очень кстати...

Да, ветер попутный. Час выхода в море настал. Команда «Зинджа» во главе с капитаном поднимает якорь. Под ритмичный напев матросы выбирают толстый пеньковый канат. Он до крови обдирает руки, то и дело норовит выскользнуть. Наконец тяжелый ржавый якорь показывается из воды. Его закрепляют на носу. «Зиндж» нехотя отваливает от причала. Халед становится за руль. Осман и Мохамед пытаются завести старый английский двигатель в сто лошадиных сил. Он, конечно, плохой помощник парусу, но хуже от него тоже не будет. Выхлопная труба выбрасывает над палубой черное облако. Нос судна медленно разворачивается на северо-восток.

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Трюмы «Зинджа» пусты. Но почему Осман ушел из порта порожняком — лучше не спрашивать. Даже хитрый Мохамед не решился бы его потревожить любознательностью. Впрочем, Мохамед да и каждый член команды знают не хуже капитана, кому суждено на этот раз заполнить пропахшие рыбой, каракатицами, морем и смолой трюмы. А если заглянуть в судовой журнал, то там можно обнаружить запись, всего одну тоненькую строчку арабской вязи: «Зиндж» загружен стволами мангового дерева. Действительно, несколько десятков красноватого цвета стволов возвышаются над поручнями и громоздятся над обеими надстройками дау — камбузом с глиняным очагом на носу и рулевой рубкой на корме, в которой только и есть что старый американский эхолот, ободранный западногерманский компас и помятые японские часы. Рулевой Халед сидит на корточках и курит кальян. Куда он держит путь — сказать не может. В этих местах вообще принято отвечать, что один аллах знает конечный пункт перехода.

Так принято — и все.

— Персидский залив! — Отрывая собранные трубочкой губы от кальяна, бросает он по-английски два ни о чем не свидетельствующих слова: «Галф биг!» — «Персидский залив велик!»

Ветер спадает, парус начинает обвисать. «Зиндж» резко теряет скорость. Из камбуза появляется Мохамед. Время ужинать. Он бережно несет кастрюлю с рисом и блюдо, наполненное кусками отваренной рыбы. Осман тщательно перемешивает рыбу с рисом, отмеряя глазом, старатель-

но раскладывает по мискам членов экипажа. Ровные порции, чтоб без обиды. Вахтенные подойдут позже — рулевой Халед и впередсмотрящий Бахтияр. Ни ложек, ни вилок к трапезе не подается. Здесь едят пальцами, сидя на палубе, поджав под себя ноги. Скучным и однообразным питанием — рис с рыбой — команда довольствуется дважды: в полдень и вечером. По утрам, если Мохамед в настроении, он печет лепешки. Их запивают крепким чаем. Но чаще можно увидеть солнце на небе, чем улыбку на бронзовом лице Мохамеда. Когда подаются лепешки — каждый благодарит аллаха за то, что тот ниспослал повару свое особое благословение.

Начинается каждое утро с молитвы. Даже когда на дау была обнаружена сильная течь, это не изменило распорядка дня. Убрав молитвенные коврики, Мохамед и сменившийся с вахты Бахтияр, ворча и проклиная океан, спустились в трюм. Кое-как они подсоединили к двигателю с помощью ржавой велосипедной цепи помпу. Жиденькая струйка грязной воды побежала из трюмного мрака за борт «Зинджа».

— Трюм нам пригодится через несколько дней. — Мохамед загадочно смотрит на восток. — Хотите знать мою историю?

Мохамед родом из Пакистана. Ему около сорока лет. Работал на кожевенном заводе. Попал под сокращение и оказался без единой рупии в кармане. Положение бедственное. Надо было что-то предпринимать.

— Мой родственник свел меня с одним человеком, который работал по найму в Объединенных Арабских Эмиратах. Он сразу же потребовал сто долларов, чтобы только заняться моим делом. Затем он взял по пятьдесят долларов с человека, а нас было восемь, за доставку в Абу-Даби. Я был безработным полгода, и все мои сбережения почти полностью истощились. Выход оставался один — продать мебель и украшения жены. Но этого хватило только на четыре билета: для меня и троих сыновей. Обойдя ночью морскую пограничную службу Абу-Даби, мы подплыли южнее города к мелководью. Дальше суденышко идти не могло. Капитан сказал, чтобы мы добирались вплавь. Мои дети не умели плавать, и, кроме того, грозила опасность встретить акул. В конце концов нам удалось добраться до берега. Двое сыновей висели у меня на шее, а третьему помог один друг. Те, кто не умел плавать, добирались до берега на плотках, сделанных из столов. Им пришлось заплатить за эти «лодки» еще по двадцать долларов...

В Абу-Даби нас встретил какой-то индус и его партнер — араб. Своих имен они не назвали. Я дал им восемьсот долларов. Но и после этого нам пришлось ждать три месяца, чтобы получить разрешение местных властей на трудоустройство. Все это время мы скрывались от посторонних взглядов в пригороде столицы. В норе, где мы жили, жили еще четыре постояльца, один из которых болел малярией. Потом мы переселились в другие трущобы — лачуги из строительного хлама. В них нестерпимо жарко днем и жутко холодно ночью. Нет ни воды, ни канализации, ни электричества. Там нет ни врачей, ни школ для детей. Правда, нам еще повезло: поскольку мы все трое работали, то оказались в состоянии снять для себя в бараке отдельную комнатушку. Рабочие-

одиначки вынуждены платить по восемьдесят долларов за койку в хижине. Мы подрядились в нефтяную компанию на земляные работы. Наши паспорта держал у себя хозяин. Стоило причинить ему малейшую неприятность, как он тут же мог расправиться с нами, учинить любой самосуд... Через несколько месяцев страшного труда я сперва сумел отправить домой детей, а сам каким-то чудом устроился на «Зиндж» поваром. Готовить я умел и раньше. Да и потом — здесь не ресторан, где в меню до сотни блюд. Иногда пеку даже лепешки.

Мохамед подходит к корме, от которой тянутся по воде поводки с наживкой. Но крючки пусты. Из пищи на борту остались рис да финики. Пресная вода отдает металлом. Капитан Осман в разболтанный, перевязанный проволокой бинокль пытается разглядеть землю. Но впереди одни облака. Чтобы хоть приблизительно определить местоположение «Зинджа», капитан достает из сумки погнутый школьный циркуль и морскую карту, изданную в Лондоне в 1836 году, с исправлениями 1937 года.

— В былые времена, — вздыхает Осман, — не все дау достигали портов. Многие бесследно исчезали.

Извиняющимся жестом он поднимает руки к небу, как бы говоря, что человеческая судьба в руках аллаха. Здесь, на границе между Красным и Аравийским морями, акул видимо-невидимо, а земля очень далеко.

Мохамед снова подходит к корме. На одном крючке мечется акула. Она делает отчаянные усилия уйти. Но сталь прихватила ее за губу крепко.

— Бывает, что акула и обрывает леску, — замечает Мохамед, плавными движениями подтягивая хищницу ближе к борту. — Тогда нет нужды задаваться вопросом, есть ли на ее совести человеческие жертвы:

«КУПИТЕ НАФТАЛАН, КУПИТЕ НАФТАЛАН...»

Теперь такой рекламы не увидишь и не услышишь, а раньше...

Раньше наши предки нередко использовали нефть как лечебное средство. Ее заслуженно считали панацеей от многих болезней.

Неподалеку от столицы Советского Азербайджана есть город-курорт Нафталан. Название произошло от сочетания двух слов: «нафта» — нефть и «алан» — покупатель. Было время, когда большой коммерческий интерес к нафталановому сырью проявили немецкие фармацевтические фирмы. Они вывозили его в Лейпциг, Дрезден, другие города довоенной Германии и производили патентованные нафталановые мази. На банках, которые потом попадали и в Россию, значилось: «Сделано в Германии». Нафталановые мази пользовались широким спро-

акул-людоедов в пищу никогда не употребляют. Но я сам видел акулу, в желудке которой нашли целый набор золотых украшений пакистанской женщины...

— Слушайте вы его больше, — кривится Осман. — Он еще не такое найдет...

— Отчего же так, капитан? А помните, вы мне рассказывали, что изловили кита на... крючок. Я тогда ни словом не обмолвился. Поверил...

— Ну, может быть, и нашли эти золотые украшения. Может быть...

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Задул ветер. Осман приказывает ставить парус. Через несколько часов подошли к темному берегу. Чья это земля, знает, пожалуй, один капитан. Бросили якорь. В небольшой бухточке болтанка, от которой кружится голова, мутит. Вдруг словно раскаленный стержень пронзил черноту ночи. Прожектор высветил раскачивающийся на волне «Зиндж». Затем показались навигационные огни катера. Он быстро приближался. А вот и толчок — катер привалил к правому борту дау.

Ветер доносит слова гортанной речи на языке фарси. Мохамед открывает люк трюма. С катера через поручни «Зинджа» на палубу перепрыгивают какие-то люди и скрываются в трюме. Один за другим. Человек тридцать, а может быть, и сорок...

Катер, словно призрак, внезапно появился и так же внезапно исчез. Осман командует: «Выбрать якорь!»

Время от времени на горизонте показывается современный пассажирский лайнер, увешанный вдоль высоких белых бортов спасательными

сом на разных континентах. Но мало кто знал, что их родина — Азербайджан.

Правительство Азербайджанской ССР многое сделало для того, чтобы превратить Нафталан в здравницу. Там создан уникальный по своему назначению бальнеологический центр с использованием целебной нафталановой нефти.

Препараты из нафталановой нефти широко применялись нашими врачами и в годы Великой Отечественной войны: в специальных упаковках их направляли в полевые и стационарные госпитали.

В наши дни медики разработали уникальный способ лечения больных — нафталантерапию. Его применяют для страдающих острой формой ревматизма, некоторыми видами кожных заболеваний. На основе более глубокого изучения нафталановой нефти и ее компонентов создаются новые целебные препараты. Сейчас в Нафталане проходят курс лечения пятьдесят тысяч человек в год. В ближайшие годы курорт-лечебница еще шире раздвинет свои границы.

шлюпками, с бассейнами для купания пассажиров, судовым лазаретом, ресторанами, кинозалами, установками для охлаждения воздуха. Это совершенно иной мир. А крошечный «Зиндж» продолжает отмерять свои привычные семь узлов, пробиваясь к заветной цели сквозь марево раскаленного дня.

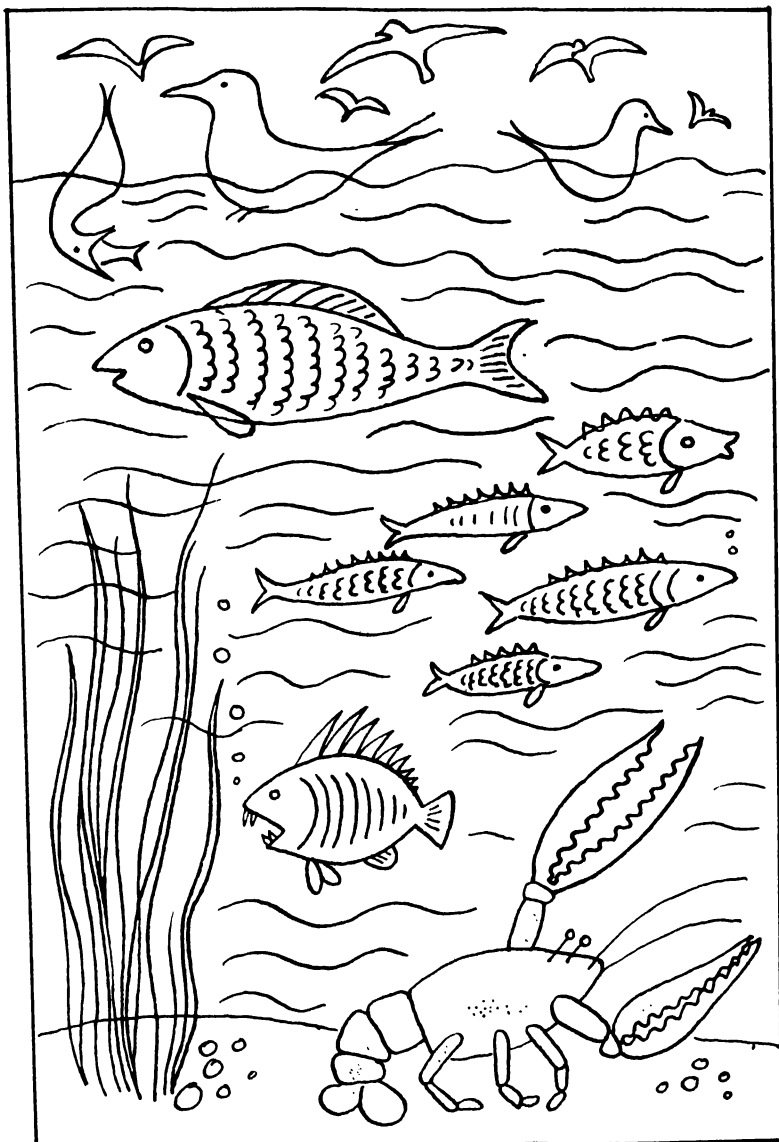
Наконец у побережья показывается скалистый островок. Это Салала, один из портов Омана — султаната, который находится под контролем Англии. Всеми делами Омана заправляют генеральный консул — англичанин — и разного рода советники, присылаемые из Лондона в соответствии с англо-оманским договором 1951 года о дружбе, торговле и навигации. Более того, Англия выторговала себе здесь право размещать на территории Омана авиабазы, в частности на острове Масира. А в оманских казармах всем заправляют британские офицеры. Они-то и руководят действиями армии, направленными против Народного фронта освобождения Омана, ведущего антиимпериалистическую освободительную борьбу против реакционного режима.

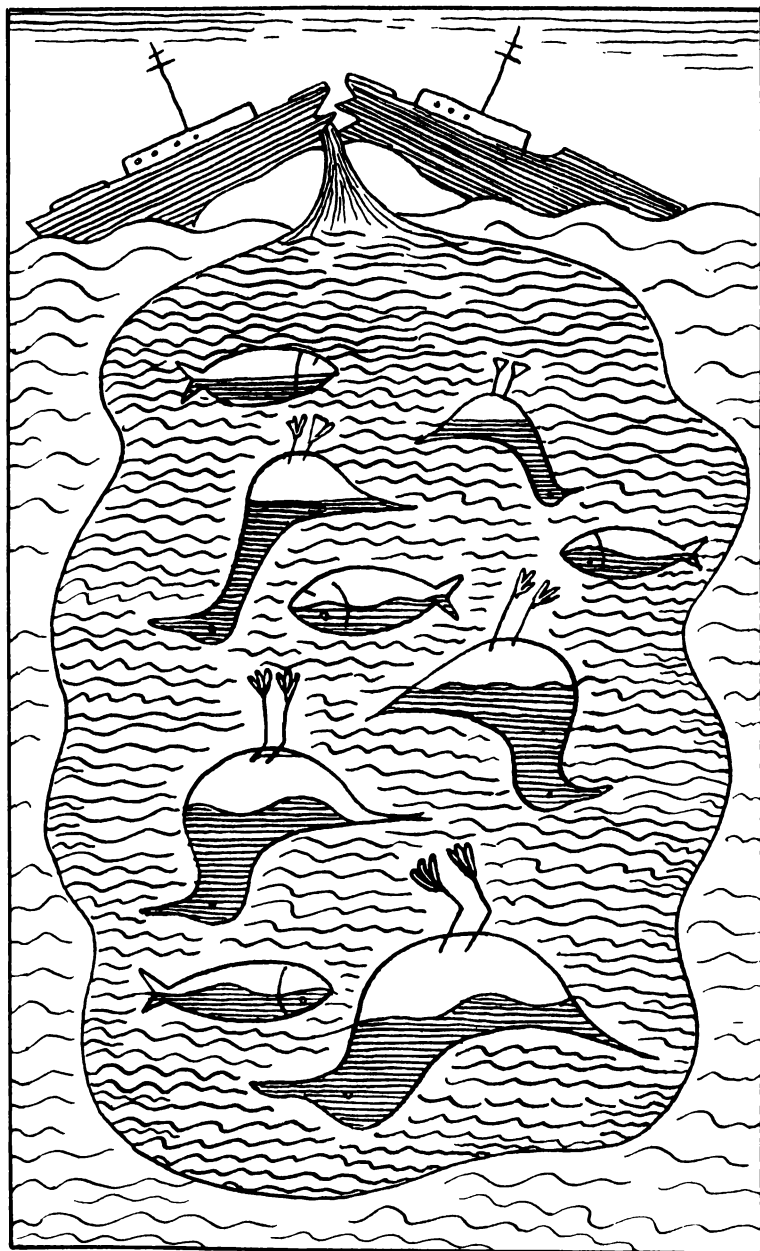
В порту Салала заканчивается сооружение нового волнолома. Высоко над гаванью режут патрульные реактивные самолеты. «Зиндж» обходит остров стороной. На борту слишком «взрывоопасный» груз. Как назло, мотор совсем заглох. Однако это ничего не меняет, так как дизельное топливо все равно на исходе. В железной бочке с помятыми боками осталось не более тридцати литров. На носу набожный рулевой устроил большую стирку. Значит, сегодня пятница. Капитан Осман забрался на крышу рулевой рубки и озирается по сторонам. Медленно ползут четыре часа вахты вперёдсмотрящего Бахтияра. После вахты он еще должен отремонтировать помпу. Иногда на горизонте появляется танкер, будто пришелец из иного мира. Угрюмо молчит капитан Осман, молчит команда, молчит трюм.

И вот наступает последняя ночь в водах Персидского залива. Обойдя стороной морскую пограничную охрану, «Зиндж» подруливает к мелководью южнее Абу-Даби. Мохамед открывает люк трюма. Из него люди карабкаются на палубу, а с палубы без крика и шума спускаются по трапу в воду. Им предстоит совершить страшный путь, который так хорошо знаком повару Мохамеду...

— Мы никогда не смиримся с ужасными условиями, в которых живем, — говорит профсоюзный вожак иностранных рабочих из Катара Абу Фавас. — Конечно, репрессии осложняют нашу борьбу. Весной 1978 года в Катаре бастовали тысячи рабочих, в Саудовской Аравии многих забастовщиков казнили. Но наши профсоюзы не пострадали. Они ушли в подполье и продолжают развиваться. По-прежнему на многих крупных нефтеразработках скважины замирают на недели, месяцы. Страны Персидского залива — район очень молодого населения. Возраст половины всех жителей — ниже шестнадцати лет. Подавляющее большинство их — дети иммигрантов. Эмираты, княжества — их родина, они не знают никакой другой. Но здесь за ними не признают даже самых элементарных человеческих прав. С этим разве можно мириться? Никогда!

ОКЕАН И «ЧЕРНАЯ СЫПЬ»

КОРАБЛИ-САНИТАРЫ

Акватория сочинского порта отражает голубое, без облачка, небо. По водной глади прыгают зайчики. К пирсу привалился пассажирский теплоход. Настоящий плавучий дом. Он оставил за собой многокилометровый путь. А рядом с ним уже стоит судно-санитар «Светломор». В его трюмах специальные цистерны и мощные насосы. Перебросив эластичные трубопроводы в машинное отделение и другие отсеки теплохода, насосы откачивают загустевшую от отработанного масла воду. Потом ее сдадут на так называемое базовое судно, где производится очистка воды. Каждое базовое судно ежегодно получает из нее десятки тонн нефтепродуктов, пригодных для дальнейшего использования. Ну а если нужно, «Светломор» может производить мойку и зачистку танкеров в открытом море. Он принимает на борт тысячи тонн загрязненной воды.

В нашей стране санитарному флоту помогает авиация. С самолетов фиксируют нефтяные пятна на поверхности морей или возле судов на якорных стоянках. Бывает — увы! — что нефтяные шлейфы тянутся и за некоторыми судами «старого поколения». В ненастную погоду, во время туманов наблюдение ведется с помощью специальных локаторов. Береговые станции получают сигнал, и к месту происшествия — разлившуюся по воде нефть иначе не назовешь — спешит судно-санитар...

Но в масштабе Мирового океана наладить постоянную службу наблюдения за загрязнением морской воды — задача сложная, требующая широкого международного сотрудничества. В рамках Организации Объединенных Наций для этой цели в 1959 году была создана Межправительственная морская консультативная организация (ИМКО). С 1982 года — Международная морская организация (ИМО). В нее входят 122 государства, в том числе СССР. Чтобы оградить Мировой океан от загрязнения, ИМКО разработала 30 конвенций, соглашений, протоколов. К сожалению, не все эти важные документы вступили в силу, так как некоторые страны считают их для себя трудновыполнимыми.

«Вклад» разных стран в загрязнение окружающей среды неодинаков. Он зависит прежде всего от уровня индустрии, географических условий, народонаселения и других социальных и экономических причин. Загрязняются ведь не только моря, земля, но и атмосфера, воздух, которым мы дышим.

Стоит задуматься над такими цифрами: рост мировой индустрии сопровождается ежегодным сжиганием семи миллиардов тонн топлива. Это значит, что в небо выбрасываются сотни миллионов тонн двуокиси серы, тяжелых металлов, окислов азота, углекислоты. Каждый день происходят тепловые выбросы электростанций, в бесконечном «марафоне» загрязнения воздуха постоянно участвуют автомобили, днем и ночью мчащиеся по дорогам планеты.

Вспомним всего лишь один случай с загрязнением земельных угодий:

однажды произошла авария на крупнейшем нефтепроводе, снабжающем сырьем предприятия западных районов Франции, а также ФРГ и Швейцарии. В районе города Палюде-Нов (департамент Буш-дю-Рон) вылилось около пяти тысяч кубических метров нефти. Сотни тонн оказалось в реке Дюранс, притоке Роны. Под нефтяной пленкой осталось десять тысяч гектаров обрабатываемых земель...

А теперь вернемся к проблеме Мирового океана.

По некоторым подсчетам, в его воды попадает ежегодно более 6 миллионов тонн нефти и ее отходов. Из этого количества — 2,1 миллиона из танкеров и свыше 100 тысяч тонн из морских буровых скважин. В результате, например, на один квадратный метр поверхности Тихого океана приходится в среднем 4—5 миллиграммов нефти и ее компонентов.

После аварии танкера в бухте Сан-Франциско погибло в течение нескольких часов 70 процентов обитающих в акватории водоплавающих птиц. В результате столкновения в Карибском море близ острова Табаго двух греческих супертанкеров — «Атлантик Эмпресс» водоизмещением 292 тысячи тонн и «Эгейен Кэптэн» водоизмещением 210 тысяч тонн — взорвался и затонул «Атлантик Эмпресс». Он был загружен почти полностью. Вся нефть оказалась на поверхности моря, образовав гигантское пятно площадью 130 квадратных километров. «Эгейен Кэптэн» получил незначительные повреждения, но часть его нефти также попала в море.

После разлива нефти в Бискайском заливе убыток от отравления устриц, омаров, рыбы и других морепродуктов составил приблизительно 15 миллионов долларов. Потерпевший катастрофу в Магеллановом проливе танкер «Метула» оставил на воде 50 тысяч тонн нефти. Но и этой дозы было достаточно, чтобы погубить более 40 тысяч пингвинов, гнездящихся на берегах Огненной Земли.

По мнению американского ученого Н. Мостерта, участвовавшие аварии танкерного флота создают «чрезвычайную ситуацию». Он считает, что если бы одновременно потерпели катастрофу десять супертанкеров и их груз полностью вылился в Мировой океан, в нем вымерло бы все живое, так как был бы прерван обмен кислородом между океаном и атмосферой. А какой тревогой звучат слова известного исследователя морских глубин капитана Жак-Ива Кусто, что лишь к исходу второго тысячелетия мы наконец осознали, что Земля невообразимо мала, а способность природы противостоять натиску цивилизации далеко не безгранична.

ТРЕВОГИ ЖАК-ИВА КУСТО

Крошечный островок Фейдо в устье реки Луары подарил миру великого смелого фантаста Жюль Верна. И когда спускаешься в кабинет Жак-Ива Кусто в здании Океанографического музея в Монако, прикрывшегося на скале, нависшей над морем, вдруг начинает казаться, что ты вступаешь в таинственный мир капитана Немо. Но хозяин кабинета совсем не похож на вымышленного героя романа Жюль Верна.

Кусто не укрылся на своей лодке в океанских глубинах, а, наоборот, проведя на море почти шестьдесят лет, сам познавал и знакомил людей с этим поразительным миром неустанной деятельностью: статьями, книгами, фильмами, лекциями, телевизионными программами.

Жак-Ив Кусто все это делает для того, чтобы показать чудеса, которые скрываются в океанских глубинах и которые заворожили его, как он говорит, много лет назад в Индокитае, где он впервые увидел мальчишек, смело нырявших в море и ловивших голыми руками необыкновенно красочных тропических рыб.

Краски моря. Жизнь моря. Кто может спасти все это от людей черствых, бездушных? Кусто бьет тревогу: морю серьезно угрожают отходы, которые человек производит на суше и сбрасывает в море, угрожает нефть, которая, как черная сыпь, временами появляется на его поверхности.

Особенно серьезная опасность — считает Кусто — угрожает Средиземному морю, поскольку это почти замкнутое море. И не случайно в конце 70-х годов капитан совершил многочисленные путешествия на яхте «Калипсо» с посещением особенно загрязненных точек Средиземного моря. Не поздно ли мы спохватились? Обратимы ли экологические сдвиги? Эти главные вопросы поставил перед собой Кусто перед началом путешествия. Вывод? «Средиземное море больное, серьезно больное, но не мертвое море. Преувеличивая действительность, всегда оказывают плохую услугу, а я считаю, что людям всегда следует говорить правду. Средиземное море больное из-за загрязнения, это во-первых. Во-вторых, лов рыбы ведется в нарушение всех правил; идет хищнический отлов лангустов. В Италии, где на протяжении многих лет устраивались состязания по спортивному рыболовству — тогда мне не желали верить — сейчас вообще не стало рыбы. На побережье строят промышленные предприятия, подобные тому, которое почти умертвило водохранилище Берр в районе Марселя. Вредит морю и нефть. Но еще есть совершенно нетронутые подводные площади, которые заслуживают того, чтобы их сохранили».

Когда я однажды спросил Кусто, какие наиболее эффективные меры по спасению Средиземного моря можно было бы придумать, он ответил:

— Прежде всего нужны финансовые средства. Мы, например, создали своеобразную многонациональную компанию «Фонд Кусто». Она для научных целей оснащена океанографическим судном, вертолетами, подводными лодками, батискафами и даже гидросамолетом. Его пилотирует мой сын Филипп. Деньги мы получаем от простых людей в виде пожертвований, а кроме того, от публикаций статей, телевизионных компаний, для которых создаем программы. Их уже купили и демонстрировали в ста семнадцати странах. Многое, мне думается, в этом плане могли бы сделать туристы. Ведь Средиземноморское побережье ежегодно посещают пятьдесят миллионов человек! Два доллара с каждого туриста составили бы сто миллионов долларов, а люди даже не заметили бы этих расходов.

Однако, — продолжал исследователь, — самые большие трудности — политического характера. Есть, к сожалению, на нашей планете весьма

эгоистичные власти. Они пекутся исключительно о собственных интересах. Я убедился в этом, участвуя в Международном совещании в Монте-Карло. Этот форум был посвящен вопросам защиты Средиземного моря. И что вы думаете? Участники совещания запланировали разработать договор по предотвращению загрязнения Средиземноморья. Представители шестнадцати стран заседали, спорили с утра до вечера, но переговоры так и завершились ничем.

Жак-Ив Кусто вспоминает другую конференцию. Она проходила в английском городе Брайтоне и посвящалась увеличению катастроф на морских дорогах. Одна из причин — плохая подготовка судовых экипажей. Многие судовладельцы набирают команды из неквалифицированных, случайных людей, которым они выплачивают зарплату значительно ниже той, которая полагается рулевым, механикам-профессионалам.

Очень тепло говорили люди об опыте Советского Союза, где подготовка моряков проводится в специальных училищах и со всей тщательностью.

Шутить с бушующим океаном не позволит себе ни один капитан, судно которого оснащено самыми совершенными приборами и защитными приспособлениями. Морская стихия беспощадна ко всем. Любая страна, в том числе и Советский Союз, не гарантирована от аварий танкеров, приводящих к загрязнению моря нефтью. Но в советской практике трагические случаи происходят значительно реже, нежели с судами, плавающими под флагами других стран. И это происходит не просто потому, что в СССР приняты очень важные законы по охране окружающей среды и от людей строго требуют их выполнения. Советские конструкторы, инженеры разрабатывают новые конструкции нефтеналивных судов. В 1975 году в нашей стране был спущен на воду первый супертанкер «Крым» 182 тысячи тонн водоизмещением. В иностранной прессе его назвали «самым чистым в мире». Двойное дно «Крыма» надежно предохраняет морские воды от загрязнения, если даже судно получит пробоину. А с 1979 года начали строить танкеры типа «Победа» с двойным дном и бортами.

ПОД «УДОБНЫМ ФЛАГОМ»

На совещании в Брайтоне говорили о разных причинах гибели танкеров. Одна из них — погоня производителей нефти за так называемыми «удобными флагами». Дело в том, что во многих капиталистических странах судовладельцы отчисляют властям большие налоги. Но есть государства — к ним относятся Либерия, Доминиканская Республика, Панама, Гонконг, Сингапур, Сомали, Кипр, — которые за соответствующую плату регистрируют у себя какие угодно суда, даже не входя в контакт с их владельцами. Капитан судна после формальной регистрации получает флаг одной из этих стран и свободно гуляет под ним по морям и океанам. О нем никто не заботится, не проверяет техническое состояние судна. Зафрахтовать, то есть нанять такое судно гораздо дешевле, чем

хороший танкер солидной судоходной компании. Весьма безразлично относятся к своему флоту греческие власти. Считают, что больше половины греческих танкеров не соответствует международным стандартам. В 1983 году, например, в мире затонуло 241 судно, из которых 72 ходили под греческим «удобным флагом».

Если вам когда-нибудь придется побывать в греческом порту Пирей, есть смысл добраться до колоритного кладбища старых танкеров и сухогрузов в Элефсисе. Правда, эти «двести старых калош» пока еще находятся на плаву и даже пользуются спросом.

Срок эксплуатации судна — пятнадцать — двадцать лет. В Элефсисе можно встретить танкеры, которым по сорок лет. Перекупщики латают их, перекрашивают, делают наспех профилактику главных силовых установок, меняют палубное оборудование и сбывают за полцены очередному капитану-неудачнику. Тот регистрирует сработанный на живую нитку «Эдельвейс» или «Дивертисмент» под «удобным флагом», например, в Либерии и отправляется на заработки. Чаще всего такие дырявые «калоши» и терпят аварии, отравляя море, пляжи, нерестилища рыб нефтью. Две трети судов наливного флота развитых капиталистических стран плавают под «удобными флагами». Ливерпульская страховая ассоциация подсчитала, что на долю судов под «удобными флагами» приходится семьдесят пять процентов всех погибших судов.

На Западе нашлись ловкие дельцы, которые решили заработать и на тонущих судах. С некоторых пор в газетах стали появляться рекламные объявления о создании спасательных компаний. Самые крупные две — Гамбургское буксирное пароходство и голландская «Смит Интернэйшнл». Каждая располагает пятнадцатью буксирами. Однако действуют они по древнему пиратскому закону: капитан, спасший от катастрофы судно, становится как бы совладельцем его груза. Помимо этого, спасатель получает значительную премию. Горе одних оборачивается крупным доходом других. Примером тому может служить катастрофа американского супертанкера «Амоко Кадис», который плыл под либерийским флагом у берегов Нормандии. Как это случилось и чем закончилось? Вот свидетельства очевидцев.

ТАНКЕР ТЕРПИТ КАТАСТРОФУ

Нефтяное пятно, образовавшееся после аварии «Амоко Кадис», приняло катастрофические размеры: у северного побережья Финистера¹ оно вытянулось на семьдесят километров в длину и семь — в ширину.

Нормандии нанесен удар в самое сердце — нефть хлынула к ее берегам. Она покрыла пляжи, загрязнила прибрежные утесы. Бретонцы целыми семьями устремились по дорогам к Портсаллю, чтобы своими глазами увидеть, как тяжелые от нефти и мазута волны вяло набегают на гальку. Молодая женщина не в силах сдержать рыданий: «Мерзавцы!

¹ Финистер — департамент на западе Франции.

Какие мерзавцы!» Насколько хватает глаз, море покрыто коричневатой маслянистой пленкой, водоросли погибают от нее, в воздухе стоит зловоние.

Менее чем в двух километрах от берега виден разломившийся пополам корпус наскочившего на рифы «Амоко Кадиса». Из танков продолжает медленно выливаться нефть, мазут, реактивное топливо, расплывающееся по воде.

В Портсалле рыбаки оцепенело смотрят на коричневую поверхность акватории порта. Никто не может сказать, сколько потребуется лет, чтобы все стало как прежде, — пять или пятьдесят. Все живое в море погибает. Это полное разорение. Возможно, больше никто не увидит знаменитой портсальской рыбы.

Катастрофа затронула всех: сборщиков водорослей, работников устричных плантаций, рыбаков, владельцев ресторанов и гостиниц, коммерсантов. Подлинное бедствие для жителей целой провинции, равно как для ее флоры и фауны. Что делать перед лицом такого несчастья, последствия которого становятся все более угрожающими? В морской префектуре Бреста несколько часов совещались со специалистами в поисках решения проблемы.

Предложение поджечь нефть было отвергнуто, поскольку таким способом удалось бы удалить лишь двадцать процентов ее, вызвав к тому же образование тяжелых фракций, которые осадут на дно. Остается перекачивать мазут. Но для этого легким танкерам требуется подойти вплотную к месту катастрофы, изобилующему мелями и коварными рифами, а затем отсасывать разлившееся горючее с помощью шлангов. Это какой-то кошмар!

А как все произошло? Еще к полудню у «Амоко Кадиса», который направлялся из Персидского залива в Гавр, а затем в Роттердам, начало отказывать рулевое управление. Танкер официально не запросил о помощи.

Два западногерманских морских буксира «Симезон» и «Пасифик» предложили свою помощь — разумеется, за большие деньги. Эти «охотники за премиями» обычно отсиживаются в засаде, пока не объявится судно с какими-либо неисправностями: тут-то они и начинают вымогать круглую сумму за спасение. «Пасифик» в несколько приемов пытался взять «Амоко Кадис» на буксир, но каждый раз буксирный трос рвался. Когда же ночью танкер дал сигнал бедствия ракетами, было уже поздно.

Вертолеты морской авиации смогли лишь спасти экипаж. Между тем радиостанция в Конке еще до аварии запрашивала капитана «Амоко Кадиса», не нужна ли ему помощь. «На борту все в порядке», — отвечал тот...

Пресса пишет: «В который раз уже возникает вопрос о порядке движения судов в прибрежных водах. Не пора ли заполнить пробелы в морском законодательстве, гласящем, что помощь терпящим бедствие судам оказывается лишь после просьбы последних? Видимо, следует установить систему радарного слежения, как это делается на воздушных линиях, и подвергать контролю суда, в особенности танкеры, которые, будучи

часто в плохом техническом состоянии, терпят аварию за аварией. Правы те люди, которые говорят, что владельцы гоняют суда в хвост и гриву, стремясь побольше сэкономить и нажить. Они переступают пределы всякого риска. Это известно всем. Но никто ничего не делает. Ждут катастроф, и они, естественно, происходят».

После катастрофы «Амоко Кадиса» местные рыбаки задавались непременным вопросом: когда они смогут выйти в море и ставить сети? Для десятков семей в одном только Портсалле рыбная ловля в прибрежных водах единственный источник существования. Но этот крохотный порт является также центром по сбору водорослей. Около девяноста процентов их урожая собирают в самом узком секторе, длиной пятьдесят километров, от Плунеу-Тре до Конке.

Сборщики водорослей не случайно в отчаянии — они только что вложили последние сбережения в обновление своей маленькой флотилии. «Теперь все пропало минимум на десять лет», — сокрушаются они. Около двухсот человек собирали здесь по весне фукусы и ламинарии, высушивали их на дюнах, а затем поставляли для нужд фармацевтической и парфюмерной промышленности.

В Конке, крохотном порту возле горловины Брестского залива, люди в не меньшем отчаянии. В этих местах рыбаки жили ловлей крабов и креветок. Специальные зоны для разведения крабов и лангустов были созданы на побережье и возле островов, чтобы сохранить исчезающие виды. Что будет теперь?

Та же тревога и у владельцев устричных хозяйств: черный прилив угрожает и их существованию. Если он прорвется через горловину на рейд Бреста, сотни рыбаков, переключившихся в последние годы на разведение устриц, ждет разорение.

В связи с катастрофой секретарь комитета рыбаков Брестского района Анри Диду заявил: «Необходимо заставить нефтеналивные суда проходить вдали от берега. Постройка танкеров должна вестись по строгим техническим правилам. И главное, государству следует выделить необходимые кредиты для эффективной борьбы с мазутным прибоем. Мы тратим огромные средства для изучения жизни крохотных личинок на дне океанов и не можем разработать средств против загрязнения вод».

Такова страшная цена всего лишь одной катастрофы нефтеналивного судна. Но аварии происходят не только с танкерами. За последние десятилетия растущий уровень бурильной техники позволил человеку шагнуть на поиски нефти в море. Создано немало типов морских буровых платформ, которые служат рабочим, техникам, инженерам не только местом приложения сил, но и домом, где люди живут, проводят свой досуг.

Случай, о котором речь пойдет ниже, произошел не так давно. На одной из буровых платформ в Северном море на месторождении «Эдда», принадлежащей американской компании «Филлипс петролеум», как обычно, вечером засветились огни. Люди расположились у телевизоров, коротали досуг за книгой, в беседе с приятелями, отмечали день рождения.

Внезапно налетел шторм. Удары волн оказались настолько жестоки-

ми, что не выдержала и подломилась одна из пяти опор платформы. Сооружение весом более десяти тысяч тонн сорвалось со стальных станин и оказалось во власти бушующей стихии. Платформа считалась «жилой», предназначенной не для бурения скважин, а исключительно для отдыха бригад.

Началась паника. Из двухсот двадцати пяти человек, находившихся на ней, часть бросились к спасательным шлюпкам. Но многие нефтяники не смогли выбраться из помещений: платформа слишком быстро оказалась в полужатоленном состоянии. Одни двери перекошились, другие и вовсе погрузились под воду. Избежать человеческих жертв не удалось...

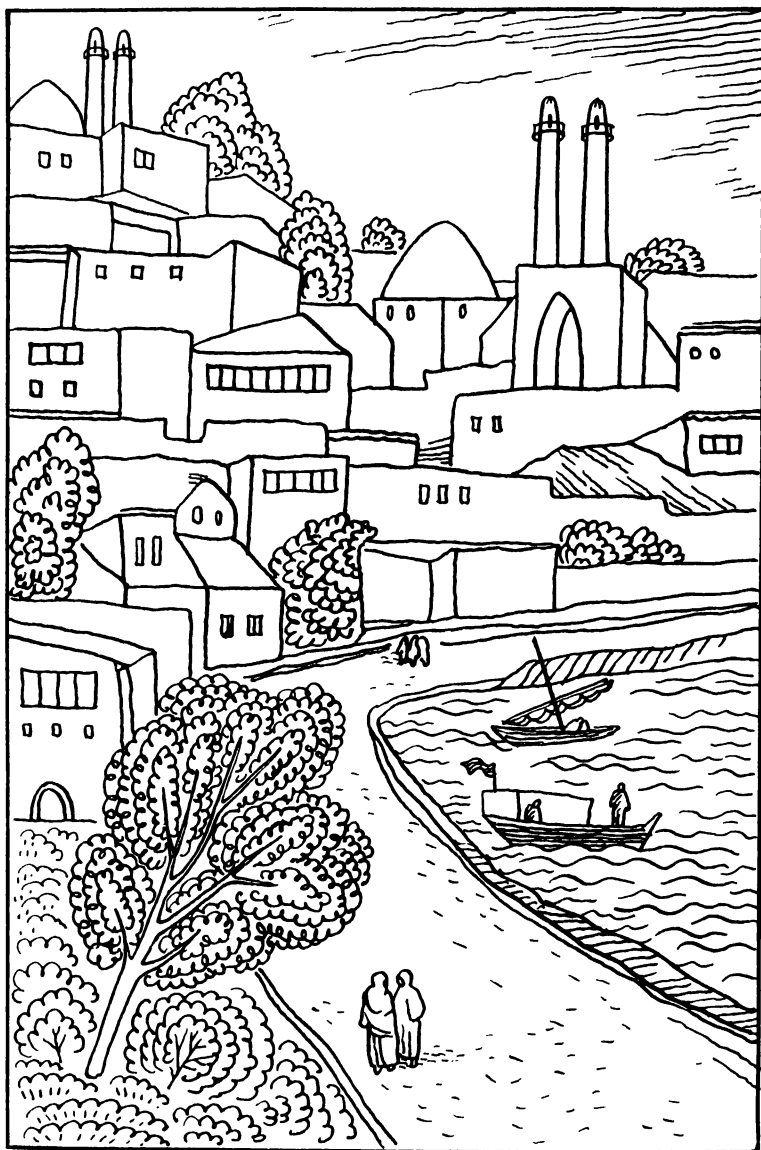
Какова же причина этой трагедии? Беззащитность платформы, а может быть, и неточный расчет тех, кто ее проектировал? Запас прочности металла опор, креплений оказался слишком мал. Это и привело к гибели людей.

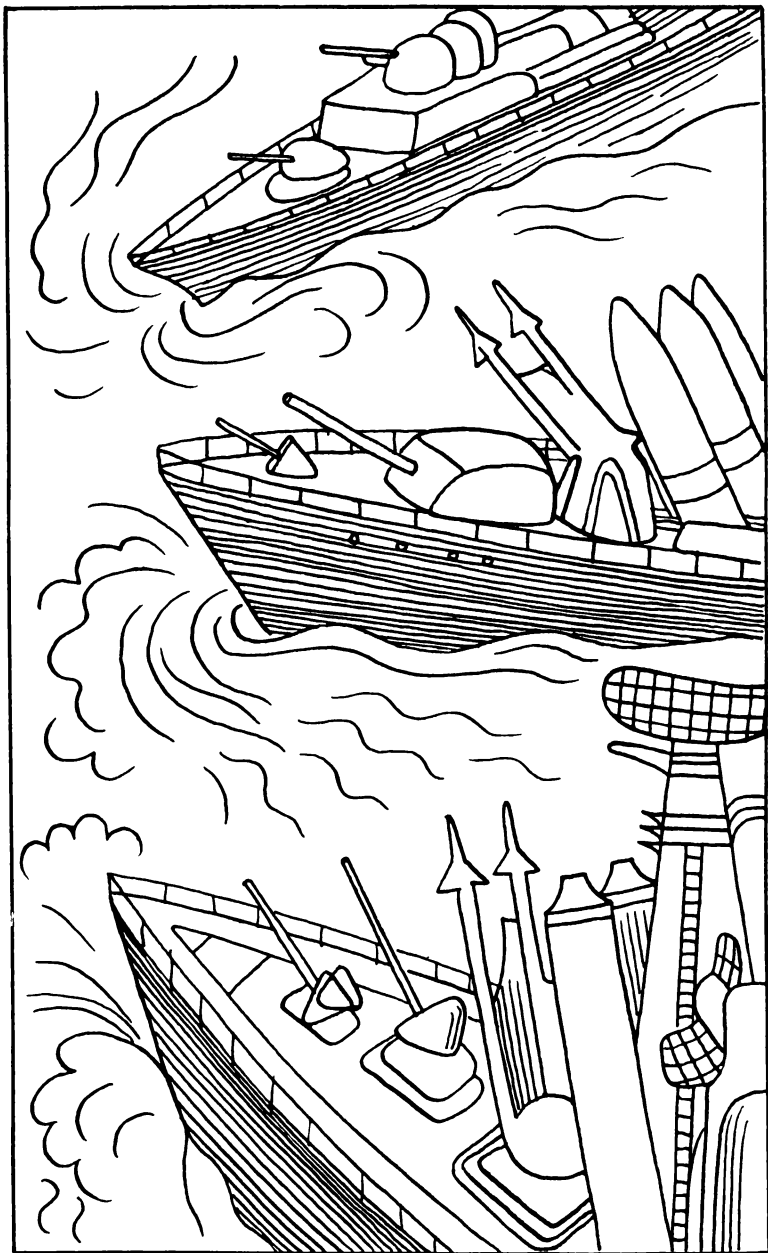
В том же Северном море произошли страшные аварии на буровых платформах «Экофиск» и «Браво» — с пожарами, загрязнением воды. В одной из последующих глав мы расскажем подробно о «катастрофе века» на буровой в Мексиканском заливе.

В последние годы бюджеты промышленно развитых капиталистических стран предусматривают определенный процент ассигнований на охрану окружающей среды. Разрабатываются специальные программы. Однако посягнуть на основу основ капитализма — интересы частного предпринимательства не может никто. Ну, например, строительство танкера с двойным дном значительно удорожает проект. Для предпринимателя новые расходы — это снижение конкурентоспособности. И он откажется вкладывать в танкер дополнительные капиталы. Он довольствуется все тем же «удобным флагом».

Загрязнение Мирового океана не знает государственных границ. Вот почему и борьба с этим бичом века требует все более активного международного сотрудничества.

ТУЧИ НАД ПЕРСИДСКИМ ЗАЛИВОМ

«СФЕРА ЖИЗНЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ»

То памятное лето в Соединенных Штатах Америки было на редкость жарким. Города и провинции изнывали от зноя. Засуха истребляла на корню урожай, мельчали реки, бездействовали некогда людные пляжи. Казалось, что большая и богатая Америка жила в мертвой прострации, которая усиливалась нагромождением острых и болезненных социальных проблем. И только в Белом доме, Пентагоне и ЦРУ толкачи милитаристско-авантюристических планов чувствовали себя на высоте: им удалось убедить американского президента объявить бассейн Индийского океана и Персидского залива — район, через который проходят главные нефтяные коммуникации США, — «сферой жизненных интересов Вашингтона». Основание? В интервью, которые официальные представители с Капитолийского холма раздавали теле- и радиокомпаниям, газетам, журналам, звучал неизменный лейтмотив: «В этих районах сосредоточено более 2/3 мировых запасов нефти».

Особенно ликовал Пентагон — военное ведомство, являющееся необычайно прожорливым потребителем жидкого топлива. Это и понятно: содержание крупнейшего в капиталистическом мире военно-морского флота и стратегической авиации (часть подразделений которой круглосуточно находится в воздухе) требует огромных количеств горючего.

Не успела эта доктрина во всех ее деталях дойти до общественности, как появилась новая, еще более мрачная. Белый дом назвал ее «директивой № 59». В соответствии с ней правительство США получило право вести «ограниченную ядерную войну» в любой точке планеты, включая, разумеется, Персидский залив. Особые угрозы стали раздаваться по адресу Ирана, ибо понятия «Иран» и «нефть» давно стали синонимами.

...Еще в 1935 году генерал морской пехоты США Смедли Батлер с казарменной откровенностью говорил: «Я служил в разных чинах — от младшего лейтенанта до дивизионного генерала — и в течение всего этого времени в большинстве случаев выполнял функции гангстера первого разряда в интересах большого бизнеса Уолл-стрита и банкиров. Одним словом, я был гангстером капитализма. В 1914 году я делал все, чтобы Мексика, и в первую очередь Тампико, оказались легкой добычей для североамериканских нефтяных концернов. Я делал все, чтобы Гаити, Куба и Никарагуа стали приличными источниками доходов для «Нешил сити бэнк» и банковского дома «Браун бразерс»... В 1916 году я в интересах североамериканских сахарных трестов усмирлял Доминиканскую Республику. В 1905 году я помогал «умиротворять» Гондурас — на благо североамериканских фруктовых компаний».

Соединенные Штаты в своей захватнической политике уже в те годы довольно широко прибегали к местным военным диктатурам. Поэтому американской «демократии» не приходилось даже пачкать руки. Она прикрывалась разглагольствованиями об универсальной благородной «мо-

рали». Америка твердила о свободе, а на деле стремилась обеспечить себе поставки нефти и прочего сырья, не гнушалась самыми высокими прибылями от бизнеса за границей.

Среди творцов американской политики был тогда и начинающий дипломат — шпион, который впоследствии займет пост шефа Центрального разведывательного управления, — Аллен Даллес. Даллес выступал в те годы во многих лицах. Он был поборником империалистической интервенции против молодого Советского государства, имел тесные связи с представителями немецкого империализма, являлся, наконец, доверенным лицом американских нефтяных королей.

«Все, что связано с именем этого безжалостного, честолюбивого человека, снабжено грифом «совершенно секретно», и это ему нравится, — пишут о Даллесе английские исследователи Эдварс и Дани. — Шаг за шагом, по жизни, Даллес не церемонился. Для него самое главное — проводить свою линию. Даже если миру будет грозить гибель, Даллес не отступит от своих принципов ни на дюйм».

Пробыв два года в Константинополе (Турция), Даллес вернулся в Вашингтон, где возглавил отдел государственного департамента, ведавший делами Ближнего Востока. Пост этот был очень важный, поскольку в 20-х годах в отношении этого региона США проявляли повышенный интерес: Ближний Восток означал нефть.

В те дни американские нефтяные короли весьма нервничали в связи с определенными успехами их английских конкурентов на мировых рынках нефти. Именно тогда председатель правления компании «Стандард ойл оф Нью Джерси» Бедфорд сказал: «Для Соединенных Штатов сейчас важно проводить агрессивную политику». И Аллен Даллес таким образом оказался на самой передовой линии борьбы за нефть.

ПРИЧИНА КАТАСТРОФЫ ИЗВЕСТНА

Авиакомпании всех стран предупреждают: провозить в самолетах легковоспламеняющиеся вещества строго запрещается... Наказание законное, не требующее особых пояснений.

...Самолет, принадлежащий авиатранспортной компании «Сауди арабиан эйрлайнс» принял на борт триста пассажиров, оторвался от бетонной дорожки аэропорта столицы Саудовской Аравии Эр-Рияда и взял курс на Мекку. Среди пассажиров было немало мусульман, которые постоянно совершают паломничество в священный город Мекку.

Через некоторое время в салоне самолета запахло паленым. Пока стюардесса добежала до хвостовой части машины, языки пламени уже плясали по сиденьям, обшивке. Пилот немедленно сообщил по радио, что на борту самолета пожар, и запросил разрешения на аварийную посадку. Аэропорт тут же дал «добро», и тяжелая машина, охваченная пламенем, резко пошла на снижение. Когда самолет коснулся земли, огонь уже охватил весь фюзеляж. В салоне

В 1921 году американские нефтяные компании, следуя этому провокационному призыву, вступили в схватку с Англией за раздел нефтяных богатств бывшей Османской империи. Первую победу над англичанами США одержали в 1927 году. Компания Рокфеллера получила двадцать пять процентов акций нефтяной компании «Ирак петролеум». В том же году нефтяная корпорация «Галф ойл» из группы Меллона приобрела преимущественные права на концессию на Бахрейнских островах. И всеми этими «сражениями» руководил Аллен Даллес.

Но вскоре Даллес переходит на службу в юридическую контору. На Уолл-стрите она слыла одной из крупнейших, и прежде всего потому, что консультировала по юридическим вопросам дом самих Рокфеллеров. Не менее прочные связи она имела и с Морганами.

Знакомство с нефтяным бизнесом, приобретенное Даллесом во время работы в государственном департаменте, сослужило ему хорошую службу. Прошло немного лет, и он выступил в роли юридического советника в колоссальном деле, которое затеяли нефтяные короли Америки. Оно известно в истории как «концессия Барко». Вспомнить эту почти совсем забытую политическую авантюру необходимо хотя бы уже потому, что она поможет лучше понять махинации нефтяных воротил в ЦРУ наших дней.

Дело было связано с нефтяными месторождениями небольшой латиноамериканской страны Колумбии. В 1917 году колумбийский генерал Виргилио де Барко продал нескольким американским компаниям (в том числе входящим в группу Моргана — Меллона) концессию на исключительно богатые нефтяные месторождения в провинции Норте де Сантандер. Не прошло и десяти лет, как президент Колумбии д-р Мигель Абадиа Мендес неожиданно заявил, что он намерен расторгнуть согла-

началась невообразимая паника. Отталкивая друг друга, пассажиры заблокировали дверь выхода и погибли от огня и удушья.

Что же обнаружилось? Причиной возникновения пожара оказалась портативная газовая плитка, на которой один из паломников решил сварить для себя кофе или чай...

В докладе о расследовании катастрофы управления гражданской авиации Саудовской Аравии так и записано: «Источник пожара — газовая плитка пассажира». Такие плитки паломники обычно берут с собой в Мекку, так как там трудно купить бытовые электроприборы для приготовления чая, кофе или пищи. Пожары нередко возникают и в самом городе...

И вот власти Мекки выделили средства и срочно приобрели в Японии противопожарные вертолеты. Компания «Кавасаки» подобрала летчиков и готова была переправить вместе с ними машины в Саудовскую Аравию, как вдруг выяснилось, что «неверным» доступ в Мекку запрещен. Пилоты должны принять ислам. Двадцать девять парней тут же превратились в последователей Корана. Лишь один отказался, как он выразился, «торговать совестью» и разорвал контракт.

шение о предоставлении нефтяной концессии. Народ страны горячо поддержал патриотическое решение президента.

Встревоженные и недовольные нефтяные магнаты решили действовать. Вспомнили про Даллеса. Для него операция, связанная с Колумбией, не явилась чем-то неожиданным. Еще работая в государственном департаменте, Даллес выполнял приблизительно такие же задачи для Рокфеллеров на Ближнем Востоке. Теперь его нанял дом Морганов — Меллонов.

Однако президент Мендес не сдавался. 9 августа 1928 года он подтвердил свое намерение ликвидировать концессию Барко и обвинил американские нефтяные компании в том, что они не выплатили причитающиеся взносы за период с 1923 по 1926 год.

Государственный департамент ответил резкой и даже оскорбительной нотой. Мендес стоял на своем и пригрозил национализировать всю нефтяную промышленность страны. Началось невообразимое: государственный секретарь Келлог предъявил официальный ультиматум; Меллоны и Морганов призывали к экономическому бойкоту; в колумбийском конгрессе атмосфера накалилась до предела; на улицах столицы появились демонстранты.

И вот тогда Даллес и его подручные предложили посадить в президентское кресло Колумбии... своего человека. Им стал бывший посол Колумбии в Соединенных Штатах, большой друг уоллстритовских банкиров Энрике Олайя Эррера. Он тут же посетил Нью-Йорк, где вице-президент «Нэшнл сити компани» предложил ему миллионный заем при одном условии, что концессия Барко не будет ликвидирована. К апрелю 1931 года вся проблема была улажена.

ЗАГОВОР СПЕЦСЛУЖБ

Смещать президентов или премьер-министров стало в практике Даллеса делом привычным и в годы, когда он уже возглавлял ЦРУ. Особое внимание Даллес по-прежнему уделял странам, богатым «черным золотом». Еще во время второй мировой войны, 11 апреля 1944 года, правительство США приняло документ «О нефтяной политике США». Его содержание сводилось к тому, чтобы для нефтяных монополий Соединенных Штатов и Англии создать «принцип равных условий в новых районах». Под ними прежде всего подразумевался Ближний Восток. В тот период доля США в закупках ближневосточной нефти составляла 31 процент, а Англии — 66 процентов. В ноябре 1947 года, когда США больше ввозили нефти, чем производили, комитет, состоявший из представителей государственного департамента, министерства торговли, спецслужб и армии, разработал новое положение «О нефтяной политике США». Цель — борьба против национализации нефтяных кладовых, которая уже осуществлялась в некоторых странах.

1 мая 1951 года премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык тоже принял решение о национализации нефтяной промышленности,

которая с начала века находилась в руках англо-иранской компании АИНК. В ответ на это нефтяные монополии США, входившие в картель «семь сестер», бойкотировали иранскую нефть, что вызвало в стране ощутимые экономические неурядицы.

Само слово «нефть» произошло от древнеиранского «нафта». Оно означает горючую маслянистую жидкость. Иран — богатейшая нефтяная кладовая. Разведчики недр определяют ее запас в 8,4 миллиарда тонн, то есть более 11 процентов всех известных ресурсов капиталистического мира. Достаточно велика и мощность нефтеперерабатывающих предприятий страны — 50 миллионов тонн в год.

Первая нефтяная концессия Ирана оказалась в руках англичанина У. д'Арси в 1901 году. И когда Мосаддык повел себя не так, как было угодно «семи сестрам», когда он набрался смелости и одержал победу над участниками бойкота, в Вашингтоне и Лондоне разработали совместный секретный план его свержения. И как тогда, в деле с колумбийским президентом Мендесом, к осуществлению преступного замысла подключили шпиона Аллена Даллеса и его брата — государственного секретаря Джона Фостера Даллеса. В президентском кресле США в тот период пребывал Эйзенхауэр, а наиболее важные министерские посты в правительстве занимали люди, тесно связанные с американским и английским нефтяным бизнесом. Джон Фостер Даллес состоял на службе у Рокфеллеров и концерна «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (позднее — «Эссо», а сейчас — «Эксон»). Юридическая фирма Аллена Даллеса многие годы обслуживала АИНК, а также представляла банкирский дом Шредера, английское отделение которого финансировало АИНК. Шефом его американского филиала был тоже директор ЦРУ Аллен Даллес.

В июле 1953 года Эйзенхауэр объявил о решении властей США отказать Ирану в экономической помощи. Мосаддык понял: мосты сожжены. План Вашингтона предусматривал этот шаг для переориентации на иранского монарха — молодого шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Другим сообщником заговорщиков стал реакционный настроенный генерал Захеда. Руководили операцией по свержению Мосаддыка агент ЦРУ Кермит Рузвельт и американский бригадный генерал Норман Шварц. С 1942 по 1948 год Шварц занимался реорганизацией иранской жандармерии. У него были неплохие связи среди офицеров иранской полиции, армии и специальных служб.

Однако обстановка не сразу сложилась в пользу шаха. 16 августа 1953 года ему даже пришлось бежать из страны. Двое суток Мосаддык и его правительство контролировали положение в Тегеране. Рузвельт и его подчиненные вынужденно отсиживались в подвале одного из домов. Наступило утро 19 августа. Рузвельту с трудом удалось поручить иранским предателям подобрать в спортивных залах столицы тяжелоатлетов и с их помощью провести демонстрацию в поддержку шаха. Демонстранты и подкупленная часть переодетых в штатское полицейских и армейских чинов после шествия по улицам города ворвались в дом Мосаддыка и разграбили его. Генерал Захеда захватил власть и помог шаху возвратиться в Тегеран. Мосаддык был арестован. Его сподвижники казнены.

Белый дом торжествовал победу. Президент Эйзенхауэр не заставил себя ждать. Он в экстренном порядке предложил правительству Захеди экономическую помощь в обмен на создание столь желанного для США международного нефтяного консорциума. На него возлагалась грабительская роль посредника в купле-продаже иранской нефти. Крупный нефтепромышленник Герберт Гувер-младший за свои услуги в переговорах по организации консорциума получил пост заместителя государственного секретаря США. Агент ЦРУ Кермит Рузвельт несколько позднее стал вице-президентом «Галф ойл корпорейшн».

В январе 1956 года Рокфеллер писал Эйзенхауэру об «иранском эксперименте», в котором принимал непосредственное участие: «В результате предоставления экономической помощи нам,— подчеркивал нефтяной магнат,— удалось обеспечить доступ к иранской нефти, и сейчас мы пустили глубокие корни в экономике страны. Усиление наших экономических позиций в Иране позволило нам взять под свой контроль его внешнюю политику... Сейчас шах не может даже внести изменения в состав своего правительства, не проконсультировавшись предварительно с нашим послом».

США упрочили самодержавие шаха, предоставив ему все средства для подавления народа. Американский сенатор от демократической партии Губерт Хэмфри так оценил эту ситуацию: «Знаете, что сказал командующий иранской армией одному из наших соотечественников? Он заявил, что благодаря американской помощи иранская армия находится в хорошей форме. Она теперь способна справиться с гражданским населением...»

Международный нефтяной консорциум установил полный контроль над нефтяным хозяйством Ирана, выплачивая правительству страны лишь половину от выручки нефтеэкспорта. Даже национальная нефтяная компания Ирана (ИННК) обязалась доверять консорциуму все свои сокровенные планы, принимать на работу его инженерно-технический персонал, а также предоставила ему право на два десятилетия вперед сбывать на внешних рынках до четырех пятых иранской нефти со скидкой с мировой цены в 1,6 доллара с тонны.

В строительстве современного Ирана нефть играла и играет огромную роль. Она приносит ежегодно 90 процентов поступлений иностранной валюты. Однако львиная доля доходов тратилась теперь уже покойным шахом на закупку вооружения. Более подробно мы коснемся этой стороны вопроса в заключительной главе.

ОПЕРАЦИЯ ТЕРПИТ ПРОВАЛ

В доктрине Эйзенхауэра, провозглашенной в январе 1957 года, США утвердили за собой право вмешиваться во внутренние дела стран Ближнего Востока, желающих без посторонней опеки распоряжаться собственной нефтью. Эту идею разработал и благословил преданный вассал Рокфеллеров Джон Фостер Даллес.

В доктрине бывшего президента Соединенных Штатов Картера оговорено право «защитить» зону Персидского залива с его богатыми нефтяными кладовыми. Доктрина Картера не обошлась без участия доверенного лица и консультанта Дэвида Рокфеллера — советника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского.

Ни в прошлом, ни теперь ни одно государство Персидского залива не просило Соединенные Штаты о такой «любезности». Напротив, разработанный Пентагоном сценарий «нефтяной войны», то есть войны по захвату нефтяных источников Ближнего и Среднего Востока, создал все предпосылки для захвата нефтепромыслов американцами. Президент США не только направил в зону Персидского залива десантные корабли с морскими пехотинцами, но и расширил свои военные базы в Египте, Израиле, Кении, Сомали, Омане и в Индийском океане. Бронированный кулак, занесенный Соединенными Штатами над Ближним и Средним Востоком, — серьезная угроза национально-освободительным процессам, народам арабских и других стран. Рейд, предпринятый под предлогом «спасения» американских заложников в Тегеране, фактически был разведкой боем, которую США провели на нефтяных рубежах Среднего Востока.

4 ноября 1979 года иранские революционно настроенные студенты захватили посольство США в Тегеране и арестовали в его помещении в качестве заложников пятьдесят три сотрудника. В ответ на это генералы и адмиралы в Вашингтоне приступили к разработке операции по «освобождению заложников». Но это был лишь предлог для более широких действий американских командос и нескольких тысяч специально обученных и заранее засланных в Иран агентов — сторонников свергнутого шаха.

Абсолютно безответственная и авантюристическая операция должна была начаться с авианосца ВМФ США «Нимица», который несколько месяцев находился в Персидском заливе. Стратеги предусмотрели и промежуточную базу для дозаправки горячим вертолетом в ста километрах юго-восточнее Тегерана.

Этот пункт на планшетах американских генералов обозначался «пустыней № 1».

Предварительно летчиков тренировали близ Лас-Вегаса и над пустыней в штате Аризона: природные условия оказались сходными с иранской местностью. Командос провели около двух десятков репетиций по захвату специально построенного макета — копии посольства США в иранской столице.

В ночь на 25 апреля служба погоды передала вполне благоприятный прогноз: «Ясное небо, хорошая видимость, отдельные высокие облака и попутный ветер». Грозовой фронт, образовавшийся в 80 километрах от маршрута переброски вертолетов, в расчет не приняли. Все, казалось бы, шло хорошо, если не принимать во внимание испорченного настроения некоторых суеверных вертолетчиков. Им не понравилось, что перед самым стартом на «Нимице» по неизвестной причине сработало автоматическое противопожарное устройство. Вертолеты RH-53 окатило водой и

пламегасительной пеной. Пришлось срочно перепроверить все системы машин и совершить дополнительные контрольные полеты.

24 апреля в 17.00 с аэродрома в Египте взмыли в воздух шесть транспортных самолетов С-130. Они взяли курс на «пустыню № 1». В 19.30 с палубы «Нимица» поднялись восемь вертолетов.

По плану операции RH-53 должны были приземлиться в районе «пустыни № 1» в полночь. Но время миновало, а их все не было. Позже выяснилось, что у вертолета № 6 случились неполадки с лопастью несущего винта. Он совершает вынужденную посадку. Замыкающий вертолет № 8 тоже садится. Экипаж шестой машины, забрав с собой секретные документы, пересаживается в восьмую. Остальные вертолеты внезапно оказываются в пылевом облаке. Поначалу летчики принимают его за безобидную пелену тумана. Но когда RH-53 окутала непроницаемая мгла, экипажи поняли: они в зоне песчаной бури. Наземные ориентиры исчезли. Радиосвязь запрещена, летчики ничего не знают друг о друге. Синоптики бурю не предсказали, но она явилась следствием того грозового фронта, который проходил в «80 километрах от их курса». Его не приняли во внимание. Теперь расплачивались...

Через некоторое время возникают неполадки в системе питания вертолета № 5, а затем выходит из строя вся навигационная система. Командир считает, что в этой ситуации ему не удастся преодолеть горную цепь. Запаса топлива, согласно приборам, должно хватить на обратный полет до «Нимица», и он решает возвратиться. В воздухе остается шесть машин — предусмотренное планом минимальное число для выполнения операции.

Вертолеты совершают посадку в районе «пустыня № 1» с некоторым опозданием — между 0.50 и 1.40 ночи. Начинается спешная дозаправка

АМЕРИКА ВСТАЕТ НА РОЛИКИ?

Время от времени в США вспыхивают повальные увлечения. Совсем недавно был бум хула-хупа. Сегодня началось увлечение роликовыми коньками. Бизнесмены спешат на них в свои офисы, официанты обслуживают посетителей ресторанов, посыльные снуют по улицам, разминаются в обеденный перерыв секретарши, и даже... танцуют в ночных клубах парочки. Вот в толпе пронесся на роликах священник в сутане, а за ним — преклонных лет дама в модном парике и с болонкой под мышкой. Обычные уличные сценки...

Увлечением роликами решили воспользоваться дельцы. Они подошли к проблеме с размахом. «Все на ролики — и мы спасем Америку от нефтяного кризиса!» — призывает реклама одной из фирм, выпускающей коньки. Для поклон-

машин. И вдруг руководителю операции Ч. Бекуиту докладывают, что у вертолета № 2 необходимо исправить гидравлическую систему. Лопнула алюминиевая гайка, повредив при этом трубопровод, по которому подается гидравлическая жидкость. Из-за ее утечки перегрелся и сгорел насос. На ремонт уйдет несколько часов. В строю остается пять машин — меньше расчетного количества. Принимается решение прекратить дальнейшее осуществление операции. И вдруг...

Вертолет № 3 первым отрывается от земли, чтобы лечь курсом на «Нимиц». Внезапно налетевший ветер бросает его на самолет С-130. Раздается страшный взрыв. Пять членов экипажа С-130 и три члена экипажа RH-53 гибнут в пламени горящих на глазах у всех машин.

Побросав вертолеты, янки в зеленых мундирах решают быстрее унести ноги на транспортных самолетах. В спешке они оставляют немало секретных обличительных документов, в том числе военно-топографическую карту, на которой крестиком были обозначены отдельные дома, которые американские командос планировали захватить.

Среди других документов в брошенных на аэродроме вертолетах оказалось шестьдесят страниц разного рода секретных материалов — привлекает внимание план проникновения десанта в Тегеран с указанием места приземления вертолетов и действий отрядов командос. Под шифром «остановка автобуса» подразумевались запасные районы для посадки вертолетов — расположенный перед посольством США стадион, ипподром, школьный двор и другие.

Стало также известно, что Белый дом, Пентагон и ЦРУ планировали по уже известному им приему произвести государственный переворот и вернуть Иран под власть Соединенных Штатов, используя, помимо своих сил, «пятую колонну» из сторонников бывшего шахского режима.

ников роликов издаются книги, журналы, создаются фильмы, пишутся наставления, сочиняются песенки, разрабатываются новые моды одежды. Только за год в Соединенных Штатах оборот фирм по сбыту и прокату роликовых коньков вырос с 40 до 100 миллионов долларов. Ежемесячно американцы приобретают до 300 тысяч комплектов коньков.

Для миллионеров выпускается специальная модель с позолоченной подвеской. Стоимость — 600 долларов! А желающим кататься, не затрачивая физических усилий, предлагается модель с мини-двигателем: он позволяет развивать скорость до 50 километров в час и покрывать расстояние в 100 километров на одном литре бензина.

А в целом такой вид транспорта — удовольствие весьма дорогое. Ведь самый затрапезный комплект стоит не менее 75 долларов. Ну а на семью разве напа-сешься?

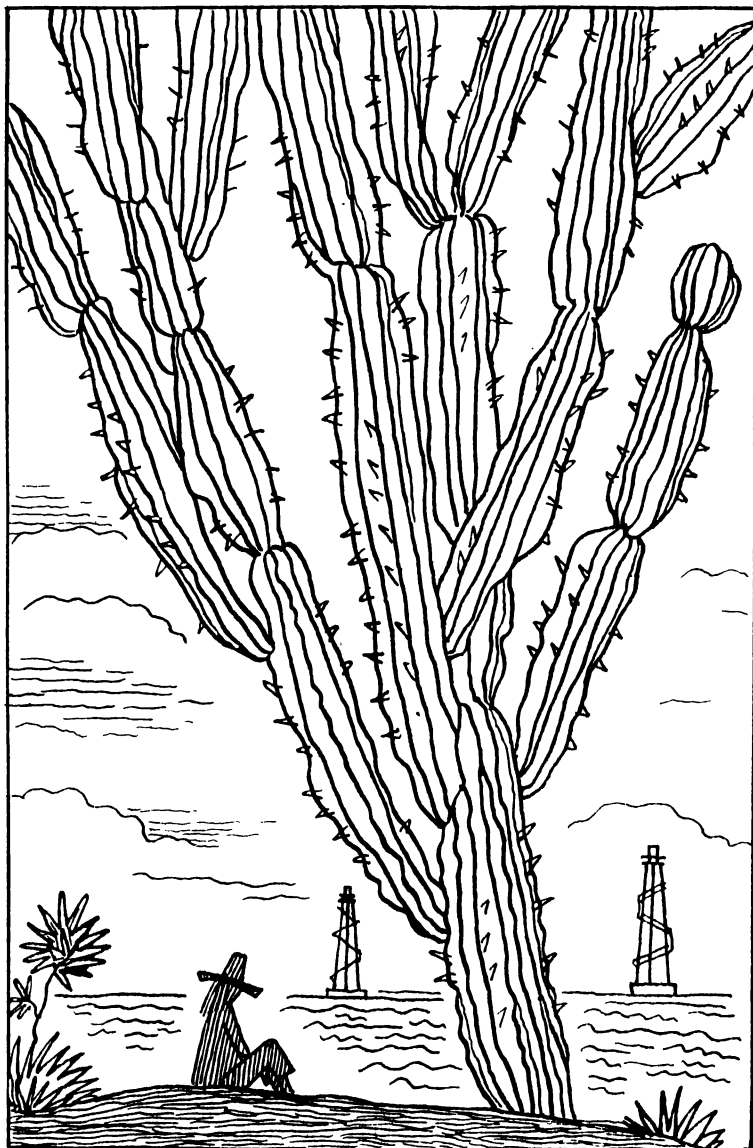
Многие заговорщики проходили подготовку за рубежом. За несколько месяцев до начала операции под видом туристов с паспортами Великобритании, ФРГ и других западных стран Иран посетили «специалисты» из ЦРУ по организации диверсий и ведению уличных боев. Они обучали заговорщиков всем тонкостям подрывной деятельности вплоть до убийств с помощью бесшумных пистолетов. Одновременно при содействии западных дипломатов через международный аэропорт Мехрабад за кордон переправлялись и доставлялись топографические карты с обозначенными на них районами выступления контрреволюции.

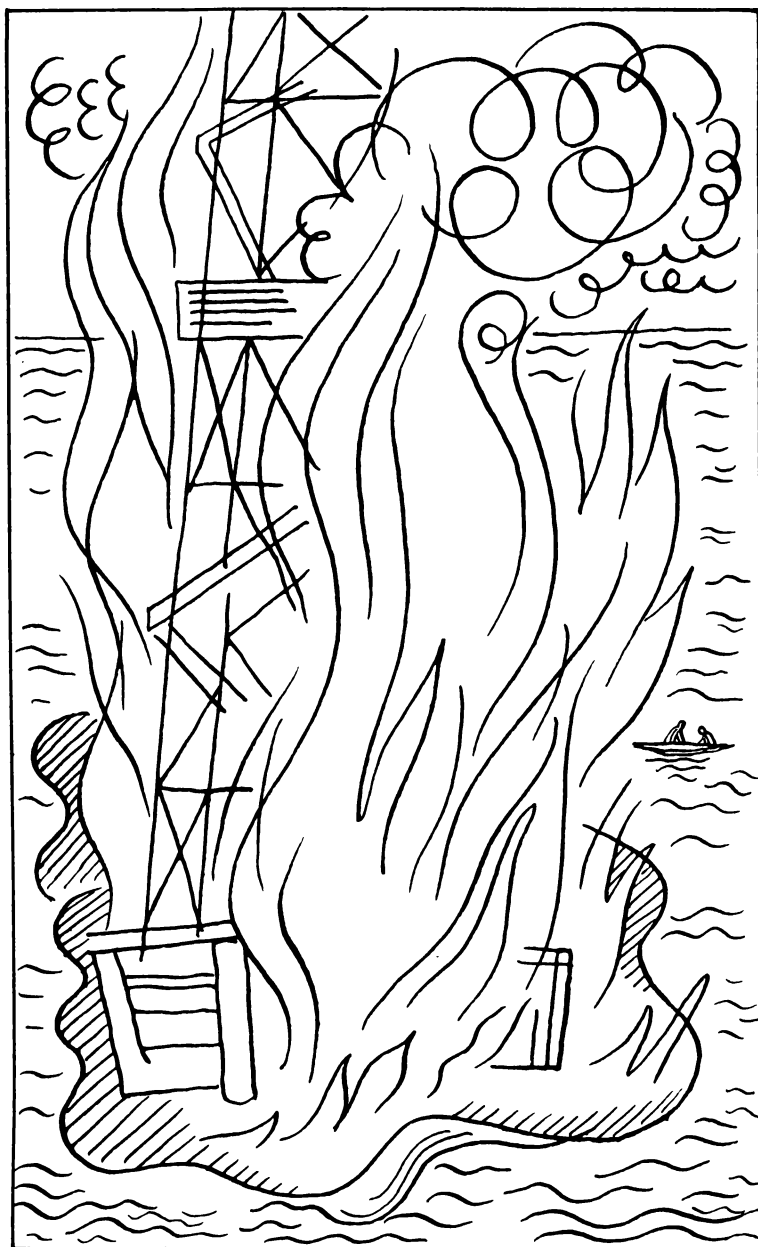
В распоряжении иранских властей к исходу лета 1980 года оказался еще один документ, обнаруженный при обыске в здании епископа в городе Исфахан. В нем английский священник Хонет, в течение многих лет возглавлявший широко разветвленную шпионскую сеть в Иране, сообщает, что направляет этот документ через агента ЦРУ высокопоставленному офицеру Пентагона и просит его лично прибыть в Иран для ознакомления с подробностями заговора.

В документе, помеченном грифом «секретно», говорится, что от ЦРУ были получены 500 миллионов долларов, которые предназначались для передачи высшим офицерам иранской армии, членам просионистских группировок и другим контрреволюционным элементам, готовившимся к осуществлению военного путча. Через посла Великобритании, указывает «священник», были получены также 300 килограммов взрывчатых веществ, которые переданы иранским офицерам-монархистам.

Одним словом, империалисты, нагнетая тучи в районе Персидского залива, постоянно угрожая Ирану, еще и еще раз демонстрируют авантюризм своей политики. Янки готовы применить любые средства, лишь бы кран иранского нефтяного резервуара был постоянно открыт для стран западного мира. Вот почему противоборство на нефтяной арене создает взрывоопасную обстановку для народов этого региона.

ТАЙНА ДРЕВНЕГО КОЛОДЦА

ИНДЕЕЦ ПЛЕМЕНИ ОТОМИ

Он сидел на старой, брошенной возле мясистого кактуса подстилке и, покачиваясь, тянул заунывную песню. Это была даже не мелодия, а надрывный речитатив, лишенный классических признаков оранжировки. На худых ногах фалдами висели штаны, пошитые из мешка, в которых развозят в здешних местах сахар. Голову покрывала широкополая островерхая шляпа. Он назвал свое имя: Отоми. Только потом выяснилось, что его зовут как-то по-иному, а слово, которое он произнес, означает племя. К нему и принадлежал певец-индеец. Человек из племени отоми.

Трогательна была грусть песни-речитатива. Скорбь лежала на собранных щепоткой черных бровях Отоми. Тот, кто познакомился с ним тогда, в тихий предзакатный час, так и унес с собой печальный образ индейца и загадочное слово «отоми». В Мексике не каждый индеец имеет настоящее собственное имя. Пустыня, Гора, Вода — скорее похожи на клички, обозначают местность, где родился тот или иной человек.

— Зачем эти чужие нехорошие люди пришли в наш край? — спросил Отоми, когда, казалось, ему уже было не о чем петь. — Кто просил их к нам в гости? Разве здесь рай? Оглянитесь кругом — все на нашей земле раскалено, как на сковороде. Даже воздух напоен адским жаром солнца. Они оскорбили наш очаг, они подожгли воду в заливе, погубили рыбу...

Из сбивчивого рассказа Отоми угадывалось одно: людей его племени кто-то кровно обидел, оскорбил. Но деревня, в которой живет Отоми, лежит довольно далеко от Мексиканского залива. Откуда знать ему, что происходило там, на берегу?

— Мой младший брат давно покинул родной очаг. Он стал чернорабочим. Наши грубые руки нужны тем, кто носит на тонких пальцах толстые кольца из золота и красит краской ногти. Но золото в пустыне не валяется. Его добывают под землей индейцы из племени майя — так говорит мой брат. А недавно золото нашли под водой, в Мексиканском заливе. Его отыскал мой брат. Но американос, вместе с которыми он нырял под воду, заплатили ему всего несколько песо за то, что он поднял с затонувшего судна целых восемнадцать килограммов золота! Разве это справедливо, сеньоры?! Моего брата зовут Кактус. Он был единственный индеец. Остальные — белые. Разве он мог возразить? Они наняли Кактуса на почасовую работу. Он не имел никакой работы, после того как ушел из «Пемекса». Он не хотел оставаться среди людей, которые отравили нефтью Мексиканский залив. Кактус слонялся без дела по берегу. Там его и подобрал американос. Кактус очень невзлюбил инженера Гонсалеса. Вот потому он и ухватился за предложение понырять... Просто так он ни за что не пошел бы к американос.

Каким образом Кактус нашел золото? Что за таинственный «Пемекс»? Кто такой Гонсалес и почему он вдруг стал врагом Кактуса?

— Кактусу сказали, что его берут в команду археологов-водолазов.

У американос была карта залива с отметками, где на дне лежали очень давно затонувшие парусники. Тот, на который нацелились американос, оказался на глубине пяти-шести метров. Кактус нырял и крутил тяжелую лебедку. Нужно было поднять, кроме золота, двадцать пять тонн меди, тридцать девять килограммов серебра и всякую старинную утварь. Много сундуков. Кактус своими ушами слышал от американос, что эта находка за последние годы была одной из самых крупных в заливе. Но они все равно заплатили ему лишь несколько песо... Свиньи! Ведь Кактус не просто безграмотный индеец, он — чернорабочий! Он почти два года своей жизни отдал «Пемексу». Его боссом был сам Хорхе Диас Серрано. Они бурили морское дно, чтобы добывать нефть. А кончилось все плохо. Не люди, а огонь стал господином... Загорелась вода в заливе... Кактус сказал своему напарнику, что виноват во всем инженер Гонсалес. Ветер донес этот разговор до уха недоброго человека. Кактусу пришлось уйти на берег... Вот я и спрашиваю: зачем американос пришли на нашу землю?!

Отоми все говорил и говорил, подбрасывая невзначай новые и новые загадки-ребусы из событий, имен, названий, подвластных лишь его воображению, его знанию мексиканских будней. А когда густые лиловые тени превратили чахлые деревца и кактусы в фантастические силуэты одиноких великанов и пришла пора расставаться, Отоми сказал:

— Солнце выжгло в детстве мои глаза. Я погрузился в темноту и живу в вечном мраке. Но слух мой никогда не подводит меня. Я слышу и запоминаю все, что говорят вокруг. Люди в своих рассказах дарят мне капли драгоценных, как влага в наших местах, мыслей. А я пересказываю их потом на свой лад в песнях. Кактус тоже помогает познать мне многое. Спасибо и ему...

Шел 1938 год. В Мексике был подписан декрет о национализации иностранных нефтяных компаний, присосавшихся к телу государства, как пиявки. В стране родилось новое предприятие «Петролеос мекиканос» — сокращенно «Пемекс». Мексиканцы очень гордились своим детищем, оберегали его. Чтобы поддержать компанию, люди поначалу собирали деньги на улицах, в лавках, храмах и даже на трибунах стадиона во время боя быков. Из года в год росла добыча нефти «Пемекса». Все шло более или менее благополучно.

Но вот однажды мексиканской нефтью заинтересовалось ЦРУ США. До сотрудников «Пемекса» дошли слухи, что в штаб-квартире ЦРУ подготовлен специальный доклад, в котором нефтяные запасы Мексики оцениваются в 75 миллиардов баррелей¹. Мексиканцы имели все основания не верить американцам. По их подсчетам разведанные запасы нефти в стране были на 25 миллиардов меньше, чем было указано в докладе ЦРУ. Появление цифры в 75 миллиардов баррелей объяснялось тем, что разведчики чужих недр решили усилить нажим на правительство Мексики, добиться повышения ее добычи и увеличения поставок топлива в США.

Минуло еще два года. По заданию ЦРУ изучением мексиканских

¹ Баррель — 159 литров.

нефтяных районов занялся некто Ричард Неринг. Он вывел еще более ошеломляющие цифры — более ста миллиардов баррелей. Новые месторождения нефти на побережье Мексиканского залива даже позволяют, по его мнению, назвать Мексику «вторым Ираном». Правда, извлечение нефти в этих местах обойдется слишком дорого: если, например, добыча одного барреля саудовской нефти обходится 25 центов, то мексиканской — 4 доллара. Крайне затрудняют добычу гранитные структуры почв Мексиканского залива. Вот почему в районе Реформа, названном так в честь мексиканской революции в бухте Кампече, в конечном итоге удастся извлечь не более пяти процентов вероятных запасов топлива.

А между тем в печати появились тревожные слухи, что «Пемекс» после открытия подводного месторождения у полуострова Юкатан передал подряд на буровые работы американской компании «Седко» со штаб-квартирой в городе Даллас. Это означало, что к национализированной нефтяной промышленности страны вдруг получила доступ иностранная фирма. Народ воспринял это с возмущением. О генеральном директоре стали говорить, что его личные интересы противоречат национальным. Поговаривали и о том, что инженер Гонсáлес, стремясь увеличивать добычу нефти, перестал обращать внимание на необходимые меры по охране окружающей среды и на технику безопасности. Как раз в это время произошло подряд несколько взрывов на газопроводах. Стали раздаваться жалобы крестьян и рыбаков нефтяного района Юго-Восточной Мексики в связи с загрязнением компанией «Пемекс» земли и моря. И вдруг новая невиданная авария на разведочной скважине «Иксток-1».

ГОРЯЩЕЕ МОРЕ

В тот воскресный июньский день на борту буровой платформы «Седко-135» царил обычный рабочая атмосфера. Добыча нефти из скважины была достаточно велика: 30 тысяч баррелей в сутки.

Люди в красных касках поглощены работой и не обращают внимания ни на чудовищную стальную арматуру, ни на шум, от которого вибрирует платформа. Они давно привыкли к этой обстановке.

Девять часов вечера. Половина экипажа, который состоит из мексиканцев, спит. Другая половина работает.

Буровик-наблюдатель, взобравшись на вышку, следит за округой. В темноте все кажется более мрачным, зловещим. Но никто не испытывает беспокойства. С той минуты, когда началось бурение скважины, все идет без происшествий.

Внезапно бурильщики замечают, что давление в скважине поднялось. Правда, в этом нет ничего удивительного, ведь достигнута глубина 3616 метров. Как это обычно делается в подобных случаях, начали нагнетать грязевой раствор. Это продолжалось шесть часов. Теперь надо было извлечь буровую штангу и закупорить скважину.

Неожиданно, когда оставалось вынуть около тысячи метров буровой штанги, в небо с невероятной силой вырвалась струя газа, смешанного

с нефтью. Она сорвала установленный на переднем звене штанги бур, предназначенный для сверления породы. Впрыснутый в скважину грязевой раствор так и не уравновесил внутреннего давления. В воздух вместе с нефтью и газом взмывает фонтан грязи. Так неожиданно авария превращается в катастрофу. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнул гигантский костер: загорелись нефть и газ. Чем была вызвана искра? Этого до сих пор никто не знает. Эксперты полагают, что выброшенный на поверхность бур ударился о прожектор.

Ночь. Дан сигнал тревоги. Верхняя часть вышки начала гореть. Люди вскочили с постелей и устремились на палубу. Их охватывает страх, но они знают правило: подчиняться распоряжениям руководителей платформы, ни в коем случае не поддаваться панике. Оглушительный шум еще больше усиливает впечатление, что все вот-вот должно рухнуть. К счастью, ветра нет, и густой черный дым не стелется, а поднимается к небу. Двадцать минут спустя пожар резко усиливается. Отдано распоряжение всем покинуть платформу. Ничего больше уже сделать нельзя.

Подобные аварии происходят редко. Из двадцати восьми тысяч скважин шельфовой зоны, эксплуатируемых во всем мире, такой выброс нефти и газа произошел лишь на восьми. Трудно было поверить, но через день-другой уже горело море. Команды по борьбе с огнем со спасательных судов оказывали из брандспойтов его пылающую поверхность и платформу «Седко-135».

На командном пункте офицеры береговой охраны склонились над картой Мексиканского залива. Разрабатывался план «военных действий». «Боевая техника» уже наготове: боновые заграждения, насосы, суда для сбора нефти с поверхности воды, «джипы». Военная авиация совершает облеты побережья для определения наиболее угрожаемых районов. На берег поступает все новое оборудование. Компьютеры рассчитывают путь продвижения «противника» — неотвратно надвигающегося на побережье Техаса гигантского нефтяного пятна. Его длина 750 километров, а в самом широком месте — 75 километров. Дрейфуя с морским течением, липкая маслянистая пленка уже покрыла отдельные участки мексиканского побережья и угрожает пляжам протяженностью свыше двухсот километров между Браунсвиллом и Арансас-Пассом. На пути лежат места размножения креветок и крабов, нерестилища морского окуня и форели, а также районы, где нашли прибежище журавли, пеликаны, соколы-сапсаны.

Несмотря на непрекращающееся наблюдение, специалисты не в состоянии с уверенностью определить размер и точное местоположение нефтяных полей. Перемешиваясь с морской водой, нефть вскипает, пенится, становится похожей на шоколадный мусс, разделяется на ленты, застывает в покрытые коркой «лепешки», которые ведут зловещую игру в прятки, то разбегаясь в стороны, то погружаясь под воду в коварных течениях Мексиканского залива.

Едкие испарения нефти перебивают свежий запах моря. Под давлением, которое даже трудно себе представить, словно при извержении вулкана, бурлит и клокочет морское дно. На место происшествия при-

бывают новые группы специалистов. Сначала они перемещают платформу «Седко-135», чтобы изучить скважину. Затем посылают своих водолазов для наблюдений под водой с помощью телевизионных камер. Эксперты приходят к выводу, что спасти положение можно лишь с помощью отводных скважин. Устанавливается новая платформа «Астека». С нее рабочие, не зная отдыха, ведут бурение двух наклонных скважин. В результате должно уменьшиться давление на аварийной. Но на это нужно немало времени: гранитная порода, выстилающая дно, настолько тверда, что нефтяникам потребовалось три месяца, чтобы добраться до глубины, где находится нефтеносный пласт, из которого вырвался газ.

Вокруг места катастрофы несколько специальных судов снимают черную маслянистую пленку с поверхности моря. Стоящий в нескольких километрах танкер принимает собранную нефть в свои трюмы. Кружат вертолеты канадской фирмы «Конэйр», обычно занимающиеся тушением лесных пожаров. Они высыпают на поверхность залива вещество, которое постепенно растворяет нефтяной ковер.

А банковские служащие в это время продолжали вести подсчет убытков: ежедневно Мексика теряла жидкого топлива на сумму около полутора миллиона долларов. В борьбе с катастрофой участвовало пятьсот человек, двадцать два судна и несколько самолетов.

Затем провели новую наступательную операцию — «Сомбреро». Огромную стальную крышку в форме колокола, весом более трехсот тонн, подвели с помощью плавкрана к месту аварии и со второй попытки опустили на скважину. К этому моменту вторая отводная скважина достигла глубины трех с половиной тысяч метров и ежедневный выброс нефти уменьшился до двух тысяч баррелей. А месяц спустя скважина «Иксток-1» была закупорена полностью.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЮКАТАН

Природа немало потрудились, чтобы сделать места нефтерождений Мексики не похожими на другие районы страны. Где-то далеко позади остались перевалы Центральной Мексики с лиловатыми заснеженными вершинами и огнедышащие пески с кактусами. Тропические зловонные болота и гниющие мангровые заросли теперь каждые сорок — пятьдесят километров сменяют друг друга. То вдруг возле убегающей вперед дороги поднимутся увитые лианами вечнозеленые великаны, то высохшие мрачные стволы деревьев уходят своими мертвыми корневищами в зыбкую бурю трясину. И вновь несутся навстречу порошкие могучими деревьями холмы... Трудно, очень трудно поверить, что здесь, на Юкатане, пятнадцать — семнадцать веков назад существовала высокая цивилизация индейцев майя. Люди строили города, сооружали пирамиды, удивительные храмы, выращивали маис и изучали небесные светила. Здесь жили крестьяне и каменотесы, ремесленники и художники, жрецы и сановники, воины и танцоры, лекари и учителя.

История сохранила, донесла до наших дней высеченные нефритовыми резцами на каменных стенах дворцов пейзажи, бытовые сценки из жизни индейцев майя в их столице Чичен-Ице. Там напрасно искать силуэты нефтяных вышек, портреты бурильщиков или изображение танкеров. Великая цивилизация индейцев майя не знала ничего о существовании нефти. Люди довольствовались мускульной силой на строительстве городов, а огонь обогревал их в непогоду, помогал готовить пищу. Но зато на внутренних стенах дворцов, храмов в изобилии росписи, посвященные битвам майя с незванными пришельцами, их красочные танцы в честь одержанных побед.

«Веру в будущее народы найдут в величии своего прошлого» — это я прочитал на одной из стен современного музея антропологии в Мехико. Смысл изречения понятен: пусть проходят чередой века, сменяются цивилизации, но люди будут с благодарностью вспоминать тех, кто творил доброе прежде и создавал мир, в котором мы теперь живем.

Майя пережили много невзгод. Но не засуха, не тропические ливни принесли гибель цивилизации майя, а бледнолицые. Бледнолицыми майя называли первых испанцев, высадившихся на берег Юкатана. Это они в те времена рыскали по морям в поисках золота и рабов. А золото было в земле индейцев майя. Много золота. Его они уже научились добывать.

Самым дерзким и наглым завоевателем оказался испанец по имени Эрнандо Кортес. Он пришел в Мексику с пушками, мушкетами и основывал испанские колонии. Все новые и новые отряды направлял Кортес на Юкатан, мстя за непокорность индейцев. В ход пускались не только пушки — розга, цепи, мечи, кандалы и даже свирепые собаки, обученные разрывать людей на части. Цель одна: подчинить народ этой страны, разграбить храмы, дворцы, частные дома...

НЕОБЫЧНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Считают, что первые велосипеды появились на улицах Англии. Якобы именно на Британских островах сумели создать ту оптимальную конструкцию велосипеда, которая существует и поныне. Ветеринарный врач Данлон из Белфаста снабдил велосипед надувными шинами, а шотландский кузнец Макмиллан усовершенствовал машину педальным механизмом.

В Германии, в середине прошлого века, тоже появился деревянный велосипед Фишера.

Его сын — Финнер-младший — в 1884 году основал первую велосипедную фабрику в Германии.

К середине 80-х годов прошлого века на двух десятках велотреков Германии педали крутили около четырехсот энтузиастов. Для широкой публики езда на высоких велосипедах оставалась еще слишком рискованной. Водители часто падали. Поэтому во многих городах, в том числе в Берлине, полиция вообще

Шли годы. Под кронами могучих великанов постепенно скрывались площади, улицы. Морские ветры приносили с собой миллиарды песчинок и засыпали города, созданные руками индейцев майя.

И лишь через триста лет после гибели великой цивилизации — в 1836 году — об индейцах заговорили вновь. На Юкатан устремились исследователи, ученые-этнографы, путешественники, художники и... кладоискатели. Не осталось тогда без внимания расшифрованное название столицы майя Чичен-Ица: «Устье колодца ицев». И этот колодец принялись разыскивать. Наконец нашли. «Он был самый большой, самый таинственный из всех встреченных нами на Юкатане — он был мертв, словно в нем поселился дух вечного молчания» — так описали его в своей книге путешественник Стефанс и художник Казервуд. Другую книгу создал церковник Диего де Ланда, который жил на Юкатане, когда испанцы огнем и мечом истребляли индейцев майя. Он также упомянул о таинственном колодце, поведав, что, дескать, существовал обычай бросать в него живых людей, принося их в жертву богу дождя Юмчаку. Когда и это не спасало жителей майя от засухи, в колодец летели изделия из драгоценных камней, золота, дерева — все, что считалось в ту эпоху наиболее ценным.

— Так это ведь кладовая золота! — воскликнул довольно образованный молодой американец Томпсон. — Это неслыханно и может принести счастье и удачу всей моей жизни! Надо лишь заручиться поддержкой по службе, географическими картами и схемами Юкатана. Вперед, навстречу неведомому!

Шли 80-е годы прошлого столетия. Это было время, когда в мире только что зарождалась «нефтяная лихорадка». Знакомясь с литературой о древнем городе Чичен-Ице, Священном колодце, Томпсон обратил вни-

запретила езду на велосипедах. В Мюнхене в наши дни каждую декаду погибает один велосипедист. За год в ФРГ происходит до пятидесяти тысяч несчастных случаев, в которых страдают владельцы велосипедов.

Велосипед стал гвоздем многих спортивных соревнований. Самое захватывающее состязание предложил американец Сэмюэл Ф. Коди: верхом на коне он состязался в скорости с велосипедистом. Слава американца долетела до Европы. В 1894 году в Мюнхене он выступил против Йозефа Фишера, победителя гонок Вена — Берлин и Милан — Мюнхен. Поединок наездника и велосипедиста проходил в несколько этапов. Американец менял лошадей, загнал девять скакунов и все-таки был вынужден признать свое поражение. Мюнхенец выдержал скорость почтового поезда тех времен — 37 километров в час — на протяжении всей дистанции.

Специалисты считают, что в пересчете на вес и пройденное расстояние велосипедист расходует вчетверо меньше энергии, чем реактивный самолет, и довольствуется только пятой частью энергии, расходуемой пешеходом или автомобилем.

мание на описание колодезной воды — она имела янтарный оттенок. А что, если там есть и нефть?! Эти тайные, невысказанные мысли еще больше волновали, приподнимали настроение Томпсона. И вот наконец, облаченный в одежды американского консула, кладоискатель прибыл в столицу Юкатана Мериду. Своим девизом он избрал слова: «Вперед, стремительнее и стремительнее вперед!» Чопорные власти немало удивились, когда Томпсон, не успев толком обосноваться в Мериде, потребовал для себя мулов и отправился в Чичен-Ицу. Путь по тем временам представлял не близкий — 120 километров, но американец гнал животных без жалости, не давая пощады ни себе, ни проводникам.

Однако колодец, в котором, по преданию, обитал бог дождя Юмчак, оказался, как говорят, за семью замками. Томпсону пришлось потратить немало месяцев, прежде чем он подобрался к тому заветному месту, которое искал, которое жаждал увидеть во сне и наяву. Природа и местные индейцы долго не хотели выдать чужестранцу вековую тайну. А когда настал день, как обычно, ясный, напоенный влажным ароматом диковинных трав, день, который Томпсон назвал «чудовищно счастливым», в его душе вдруг все померкло. Отыскать колодец еще не означало безраздельно завладеть его содержимым. Округа принадлежала незнакомому человеку — сеньору Ортегасу. Без его ведома здесь нельзя было сделать и шагу.

— А где же он? — упавшим голосом спросил Томпсон.

— В Мериде, — отвечали ему с сарказмом местные жители, — в Мериде, откуда вы так торопились сюда!

Но Томпсон не сдавался. По ночам к нему вновь приходили видения: колодец, у которого диаметр не превышает шести — десяти метров, окутан черной мглой; над ним — зеленый бархат листвы. Обрывистые, по-

«...КРУТИТЕ ПЕДАЛИ! КРОМЕ ПОЛЬЗЫ — НИЧЕГО!»

Западногерманский художник Йохим Беройтер решил, что в годы энергетического кризиса нужно на всякий случай бережно расходовать и собственную мускульную энергию. К раме своего старенького велосипеда он прикрепил вместо паруса обычный... зонтик. Беройтер даже вознамерился получить за свое изобретение денежное вознаграждение. Но когда он пришел в бюро патентов, чиновник, вежливо выслушав художника, заметил:

— Вот если бы вы прицепили этот зонт к моему автомобилю, я ни минуты не сомневался бы, что вы — гений!

Не исключено, что осененный благородной идеей художник продолжает совершенствовать свое изобретение, но признаем: велосипед хорош и без паруса. Об этом, например, заявили тысячи советских мальчишек и девчонок, откликнувшихся на «велодискуссию», которую развернула редакция газеты «Комсомольская правда». Среди писем, полученных «Комсомолкой», есть разные: одни сетуют на недостаток качественных велосипедов, другие... Вот что, например, сообщает москвич А. Пероте: «Посмотрите на улицу: средний массовый горожанин на велосипеде на работу не едет... Почему? Потому что у нас это не принято!»

Допустим, что пока «не принято». Но кто-то ведь должен доказать, что эта

хожие на ребра доисторических животных каменные стены и отражающая лунный свет, зовущая к себе, маслянистая вода. Это страшное мистическое видение часто возникало в его воспаленном мозгу.

А с рассветом Томпсон вновь одержимо рвался к заветной цели. Он приобрел землечерпалку, водолазный костюм, нанял ныряльщиков. И наконец убедил богача сеньора Ортегаса продать ему «никчемную» каменистую землю вместе с «заколдованным» колодцем, который он-де решил подарить «жрецам науки».

Ортегас, разумеется ничего не подозревая, под одобрительные возгласы столь же несведущих дружков запродавал землю мистеру Томпсону. С той минуты на берегу мертвого колодца закипела жизнь.

Американский дипломат-кладоискатель провел немало дней возле колодца. Он то впадал в панику, уныние от неудач, то вновь по ночам видел в ковше своей землечерпалки свет золота, и отчетливо ощущал запах нефти. Дни сменялись ночью, месяц нарождался и старел, а Томпсон с упорством маньяка все взмучивал, тревожил мрачные глубины приюта всемогущего бога Юмчака. Перепуганные насмерть суеверные индейцы продолжали крутить лебедку землечерпалки. В тропических джунглях о чем-то своем переговаривались птицы, грозно рычали ягуары, причитали от страха нанятые Томпсоном люди. И наконец вместе с вязкой и смердящей тысячелетней гнилью тиной ковш выбросил на поверхность земли человеческий череп. За ним — пепельно-серого цвета скелет, еще череп и еще скелет...

— Здесь должно быть золото, золото, золото! — неистово закричал Томпсон. — Мне не нужны эти мертвые кости! Я хочу видеть чистое золото!

«Золото, золото, золото...» — повторило троекратно эхо.

игра стоит свеч! Кто, как не сам велосипедист?! И первое слово в этом самому велосипедисту.

Кое-что можно позаимствовать и из зарубежной практики. Широко используют двухколесного друга в скандинавских странах, в государствах Юго-Восточной Азии, да и в США. В Соединенных Штатах создаются специальные курсы по обучению велосипедистов правилам уличного движения, сооружаются специальные дорожки для езды на велосипедах, для той же цели выкраиваются полосы на автострадах.

Подсчитано, что сейчас в США на руках у населения свыше ста миллионов велосипедов. Четырнадцать миллионов американцев ежедневно вращают педали. Из них полмиллиона проезжают на велосипеде хотя бы половину пути на работу и обратно. Приверженцы велосипеда утверждают, что переход на велотранспорт лишь пяти процентов работающих в городах дает экономию около трех миллиардов литров горючего в год.

По мнению жителей ряда крупных городов США, пользующихся велосипедом, это транспортное средство настолько эффективно, что порой позволяет передвигаться по улицам быстрее, нежели на автомашине. «Велосипед, — пишет журнал «Куэст», — подобно отопляемым дровами печам, солнечным батареям, вырабатывающим электроэнергию, — знамение новых направлений в нашем развитии, барометр социального состояния общества».

Одним словом, крутите педали! Кроме пользы — ничего!

Индейцы в ужасе отбежали от землечерпалки, сбились в кружок. Они не понимали всех слов, которые обращал к ним чужестранец. Но люди по надрывному крику «золото, золото, золото», по его безумным глазам чувствовали и видели, что перед ними человек, почти лишившийся разума.

Томпсон ринулся к расплывшейся по земле липкой грязи, упал на грудь и простер вперед руки, судорожно шевеля в зеленовато-бурой кашеце растопыренными пальцами. Его веки были полуопущены, ноздри раздувались, губы шептали что-то нечленораздельное. Но вот его тело, словно в конвульсиях, вздрогнуло и оцепенело. Ладони медленно всплыли из тяжелой пены, и солнечный луч засверкал на изящной статуэтке из чистого золота...

Американский «дипломат» Томпсон не обнаружил в колодце признаков нефти, но вывез из Мексики много окованных сталью сундуков с золотом, редчайшим оружием, изделиями безвестных мастеров. Эти сокровища он сбыл в Америке за бешеные деньги, обеспечив себя на всю жизнь. А потом его перестало интересовать все, что было связано с историей и культурой индейцев майя. И даже тогда, когда революционное правительство Мексики обратилось к Томпсону с требованием вернуть награбленные богатства, он не пошевелил пальцем. Ему разъяснили, что добытые им с помощью индейцев сокровища являются национальным достоянием, принадлежат Мексике. А он по-прежнему отвечал гробовым молчанием...

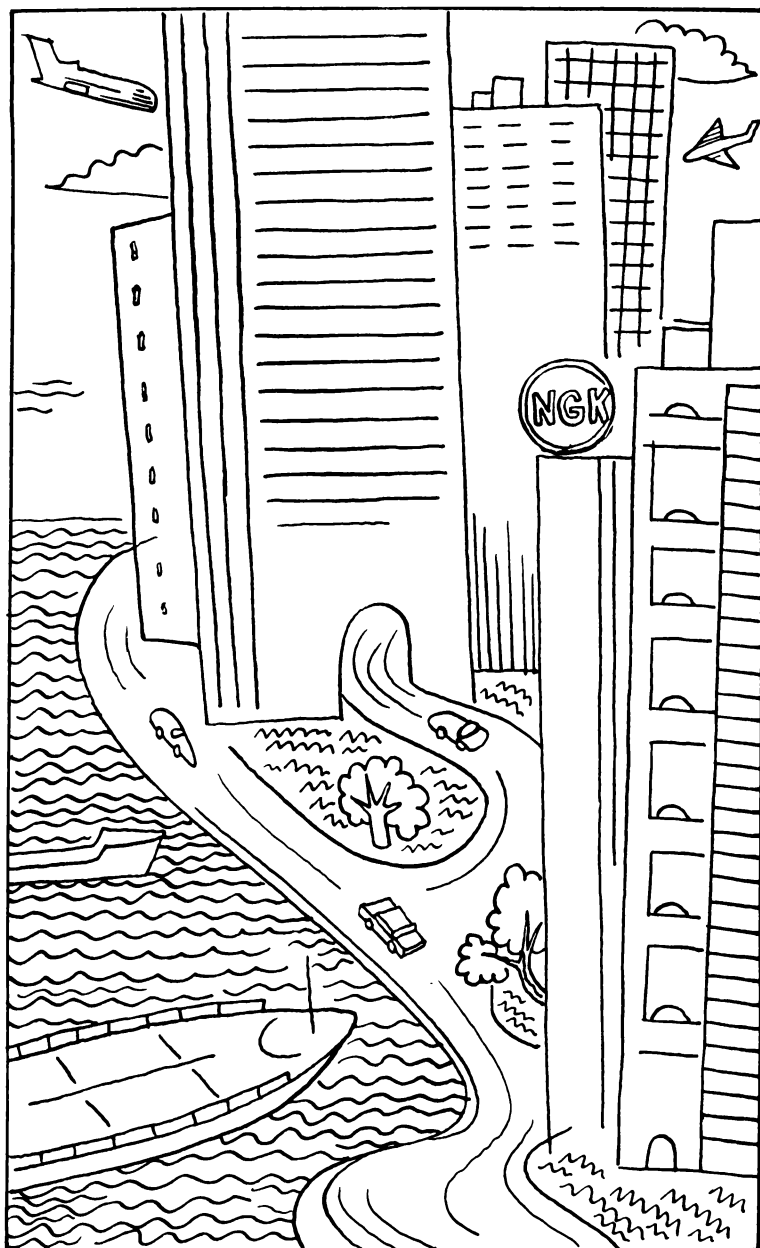
...Сопоставления в истории оказываются порой весьма полезными. Американец Томпсон — продукт прошлой эпохи. Янки, которые чужими руками поднимали золото и серебро с затонувшего судна и беззастенчиво обманули нанятого индейца по имени Кактус, — представители 80-х годов нашего века.

Аналогичная картина сложилась и в мексиканской нефтяной промышленности. Чтобы сохранить свои национальные запасы нефти, Мексика ограничивает ее добычу. И справедливо поступает. Стране вполне хватает 2,25 миллиона баррелей в сутки. Но по-иному смотрят на эту проблему в США. Нефтяные магнаты продолжают оказывать нажим на мексиканские власти, хотят, чтобы они подняли добычу до 4—5 миллионов и тем самым облегчили энергетические тяготы США. Это они руками ЦРУ подбрасывают мексиканскому правительству разного рода сверхоптимистические оценки запасов «черного золота» в недрах страны. Это они намерены втянуть Мексику в орбиту влияния американского нефтяного бизнеса, предлагая создать так называемый североамериканский общий рынок в области энергетики с участием США, Канады и Мексики.

И хотя правительство страны напоминает американским дельцам, что Мексика смотрит на освоение отечественных нефтяных запасов прежде всего с точки зрения собственных национальных интересов, а не с точки зрения удовлетворения потребностей в нефти Соединенных Штатов, американские монополии продолжают упорствовать и штурмовать нефтяные кладовые древнего независимого государства.

ЯПОНИЯ В ОЖИДАНИИ...

ГОРОДА ПОГРУЖАЮТСЯ В ТЕМНОТУ

Столица Японии Токио — это двенадцать миллионов японцев, три с половиной миллиона спящих по улицам, площадям и узким переулкам автомашин, свыше восьмидесяти тысяч промышленных предприятий, каждые три минуты взмывающий в небо и приземляющийся самолет...

Для жизнедеятельности этого огромного современного города необходима энергия, и немалая, нужна нефть. Ну а если в японские порты вдруг перестанут заходить танкеры с «черным золотом», что произойдет, учитывая, что собственной нефтью страна не располагает? Ежедневник «Сюкан асахи», например, нарисовал такую картину: нефтехранилища и цистерны опустели, использован даже «неприкосновенный запас». Страна и ее столица погрузились в крошечную темноту. Замерли на рельсах электропоезда. Прекратилась паромная связь между островами архипелага. Чтобы спасти Токио, главные «нервные центры» города, хотя бы временно, оставалась последняя возможность: слить керосин из реактивных самолетов, стоящих в международном аэропорту. Но власти понимают, что это капля в море. Они посылают солдат «сил самообороны» на заброшенные шахты, надеясь оттянуть полную катастрофу за счет скудных запасов каменного угля.

Допустим, что авторы этого предвидения сознательно сгустили краски, преувеличили опасность. Однако «нефтяной шок» 1973 года и разразившийся за ним энергетический кризис самым серьезным образом затронул Японию, которая так и не смогла из него выбраться. «Шок» приобрел хронический характер. Так оценивают ситуацию сами жители Японских островов.

В наши дни привозная нефть — основной источник энергии всей Японии. А старожилы помнят время, когда доля угля в энергобалансе страны составляла почти семьдесят процентов. Близ угольных шахт и карьеров на островах Хоккайдо, Хонсю, Кюсю возникали поселки, зарождались города. Запасы угля оценивались в 20 миллиардов тонн. Правда, добыча обходилась дороговато, но зато не нужно было покупать источники производства энергии за рубежом, а сотни тысяч людей имели стабильную работу. Но после того как первый послевоенный энергетический голод был утолен, промышленники стали искать возможность снижения затрат на получение энергии. Нефть, безусловно, калорийнее и дешевле угля. Вот и решили, что уголь не нужен. Только за последние двадцать лет на территории Японии закрылось свыше семисот шахт, на которых трудилось триста тысяч горняков...

...В ясную погоду остров Хасима виден издалека. Да и перепутать его с другими клочками суши, разбросанными в морских просторах юго-западнее Нагасаки невозможно. Своими очертаниями он напоминает бегущий по волнам эскадренный миноносец, отчего издавна имеет второе неофициальное название — «гункан дзима», то есть «военный корабль».

Однако известность к острову пришла по иной причине. О нем заговорили еще в 1900 году, когда в его недрах обнаружили запасы каменного угля. Об этом прослышал богатый предприниматель Ятаро Ивасаки. Он знал, что Япония бедна полезными ископаемыми, в том числе и коксующимся углем, и с жаром взялся за дело.

В 1941 году на шахтах Ивасаки был зарегистрирован рекорд добычи — 411 тысяч тонн. Такая выработка по японским стандартам считалась вполне приличной. Природные богатства острова привлекли внимание хозяев концерна «Мицубиси», и шахты в том же году перешли в их владение.

Геометрическая комбинация из трех красных ромбов олицетворяет могущественную финансово-промышленную группу Японии «Мицубиси» — «Три бриллианта». Может быть, в дни основания компании — а это было лет сто с лишним назад — ее капитал и соответствовал стоимости трех бриллиантовых зернышек. Утлые каботажные суденышки в порту Нагасаки не давали возможности хозяевам «Мицубиси» получать большие прибыли. Иное дело теперь. В сигарном дыму званных приемов директора «Мицубиси» с улыбкой иронии и самодовольного превосходства вспоминают своих родоначальников. Конечно, они не могут отказать предкам в благодарности за удачный старт. Как-никак, а уже в годы второй мировой войны на верфях «Мицубиси» был построен один из самых многотоннажных по тому времени линкоров, а заводы компании снабжали императорскую армию истребителями, бомбардировщиками, прочей боевой техникой. Для всего этого требовались энергоресурсы. Вот и прибрали боссы «Мицубиси» к рукам шахты Ивасаки.

Полным поражением японского милитаризма закончилась вторая мировая война, которая, безусловно, приумножила капиталы «Мицубиси». По требованию советских представителей в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии американским оккупационным властям и подвластному им правительству Токио пришлось распустить монополии. 30 сентября 1946 года специальная директива ликвидировала главные компании — «Мицую», «Ясуда» и «Мицубиси».

Но «три бриллианта» оказались на редкость крепким орешком. Прошло какое-то время, и они вновь засверкали на придорожных щитах, появились в рекламных проспектах. И если считают, что в современной Японии господствуют шесть крупнейших финансово-промышленных групп, которые и поглощают наибольшее количество энерготоплива, то коренником в этой шестерке выступает все та же «Мицубиси». Этот концерн производит танкеры, автомобили, ракеты, самолеты. «Мицубиси» фактически захватила, как и в былые военные годы, всю военную промышленность. Не случайно ее называют иногда «военным министерством».

За послевоенные годы в Токио менялись премьер-министры, бушевали политические страсти, проходили стачки. А в укладе жизни острова Хасима все оставалось по-прежнему. Спозаранку шахтеры уходили в штольни, рубили обушком уголь. По воскресеньям наведывались на Большую землю за покупками в Нагасаки, выпивали свою норму подогретого

сакэ и возвращались затемно домой, в горняцкий поселок, над которым в погоду и ненастье ярко светилась реклама «Мицубиси». Постепенно остров обрастал жилыми домами, которые приходили на смену лачугам. Его берега заботливо обнесли волноломами, чтобы уберечь от коварных тайфунов. Однако защитить шахтеров от стихии капиталистического предпринимательства оказалось куда сложнее. Наступил день, когда из самой глубокой шахты острова поднялась последняя смена горняков. Клеть лязгнула и остановилась навечно: «Мицубиси» объявила о закрытии предприятия «в связи с нерентабельностью». Шахты залили водой, а шахтерам предложили перебраться на архипелаг. Лишь ста горнякам из восьмисот хозяева «Мицубиси» гарантировали работу. Остальных просто пустили по миру.

Монополии погнались за более дешевым в ту пору привозным топливом и разрушили национальную угольную промышленность.

В отличие, скажем, от США, Япония при всем желании не имеет возможности строить свою экономику на энергетическом самообеспечении. Стало быть, при малейшем повышении цен на жидкое топливо на мировом рынке Япония вынуждена изворачиваться. Способы и приемы применяются разные: поиски новых концессий в странах, богатых нефтью, расширение круга своих зарубежных поставщиков, закупки жидкого топлива на спекулятивных рынках Роттердама и Сингапура, где цены устанавливаются произвольно и чуть ли не вдвое выше мировых. В 1983 году, например, вся ввезенная нефть обошлась стране более чем в три раза дороже, чем за год до этого.

На топливном кризисе греют руки и японские гангстеры.

АФЕРА СЕЙГЭНА ТАНАКИ

Однажды осенью в кабинет премьер-министра Японии вошел человек. Он придерживался той манеры поведения, которая особенно свойственна японцу, когда тот внутренне ощущает, что находится при исполнении чрезвычайно ответственного задания. Он был тучен, подкрашенные хной седые волосы выдавали далеко не юный возраст. Глаза излучали предельный фанатизм и гордое достоинство. Во всяком случае, вошедший не походил на примитивно мыслящих людей, которые, вдруг обретя положение в обществе, стараются внешне подчеркнуть это при каждом подобном случае.

Скользя взглядом по выходящей окнами во дворик отделанной палисандровым деревом стене, он, почти не разжимая собранных в тонкую складку губ под щеточкой усов, произнес:

— Господин премьер, на вашем календаре ветка цветущей сакуры, а теперь уже скоро осень...

Хозяин кабинета поднялся из-за массивного стола, подошел к стенному проему, улыбнулся солнечному зайчику на полированной ручке массивного кресла и легким жестом перевернул листок календаря, напоминающий старинную картину-свиток. Японский обычай предписывает

менять в доме картины по временам года. В суете будней премьер-министр упустил из виду роскошный висячий календарь, где со всей виртуозностью воспроизведены известным художником прошлой эпохи пейзажи лета и зимы, весны и осени...

Что ж, в наблюдательности гостю отказать было трудно.

— Цветущие деревья, умиротворенный сельский пейзаж, хризантемы в тенистом саду — все это прекрасное прошлое нашей древней Страны восходящего солнца, — многозначительно продолжал гость. — Буровые вышки, танкеры, нефтеперерабатывающие заводы — вот будущее Японии! Моя фирма в качестве наглядного пособия уже выпустила такой календарь. Подумать только, японцы ежедневно сжигают, стирают об асфальт, изводят на стирку белья, мытье окон свыше восьмисот тысяч тонн нефти! Из моего календаря можно почерпнуть и более полезные сведения. Человеку села и технически грамотному они всегда могут пригодиться в практической деятельности. Я понимаю, что уважаемый премьер-министр лицо в высшей степени образованное, но тем не менее не могу отказать себе в удовольствии преподнести вам первый экземпляр этого календаря... — Он почтительно опустил глаза и, спрятав лукавую улыбку в низком поклоне, про себя подумал: «Ну а теперь можно переходить к делу и просить согласия на нефтяную сделку в Абу-Даби...»

Аудиенция длилась всего пятнадцать минут. И когда гость оказался в зале, плотно окруженный газетными репортерами, вся его округлая фигура, казалось, источала высшее удовлетворение. Он сказал:

— Моя обязанность способствовать экономическому процветанию отечества и тем самым оказывать почести императору. В разное время истории политические партии, тайные организации, союзы, общества тащили нашу страну то вправо, то влево, но всегда в направлении экспансии. Но иногда следует остановиться и хотя бы на секунду задуматься: если мы далеко зайдем в такой политике, достанет ли нам тылов, чтобы постоянно держать пар в котлах этой экспансии? Япония, увы, лишена своих природных ресурсов. Современная Япония минуты не может прожить без нефти, и это вы знаете не хуже меня. Мы получаем «черное золото» прежде всего с Ближнего Востока. Только из Ирана вывозим от тринадцати до шестнадцати процентов. Так должны же мы уметь высказаться по поводу ситуации в Персидском заливе или в связи с арабо-израильской конфронтацией? Причем продемонстрировать такой дипломатический маневр, при котором все остались бы довольны, а мы не лишились бы нефти. Вот в чем состояла моя миссия к премьер-министру. Я откровенно высказал ему свои соображения по столь щекотливой международной проблеме...

Жадная до сенсационных новостей пресса мгновенно откликнулась на этот необычный визит. Утром ведущие японские газеты запестрели заголовками: «Президент общества «Международные энергетические консультации» Сейгэн Танака лично наставляет премьер-министра по проблемам Ближнего и Среднего Востока».

Прошло какое-то время, и в прессе снова замелькало имя Сейгэна Танаки. Теперь заголовки носили настораживающий характер: «Нефтяной

бизнес: тайна необычных комиссионных». А суть дела заключалась вот в чем.

Ровно через четыре месяца после посещения Танакой резиденции премьер-министра между нефтяной компанией «Бритиш петролеум», занимающейся добычей нефти в Абу-Даби, и японским консорциумом «Джапан сэкию кайхацу», в который входят такие промышленные гиганты, как «Мицубиси», «Мицуи» и прочие фирмы, была заключена сделка о продаже значительной части контрольного пакета акций БП консорциуму «Джапан сэкию кайхацу». Сумма была выложена немалая — 780 миллионов долларов, что вынудило даже солидных предпринимателей из ФРГ отказаться от дальнейших торгов и уступить пальму первенства консорциуму.

И хотя новое предприятие по ряду технических причин с первых же дней стало убыточным, правительство все время подбрасывало в сейфы неудачливого консорциума миллионные суммы дотаций. Странная история могла бы продолжаться по сей день, если бы об этом не заговорили в парламенте. Выяснилось, что за кулисами консорциума стояли крупные «сырьевые» дельцы. Они имели прочные связи с властями, не скупились на солидные отчисления во время предвыборных кампаний и потому безнаказанно получали прибыли — попросту говоря, воровали доходы, которые поступали с нефтеприисков Абу-Даби. Проконтролировать их, вывести на чистую воду могли лишь правительственные чиновники высших рангов, которым эти бизнесмены тоже давали взятки за молчание.

Возникает вопрос: а при чем же здесь Сейгэн Танака?

Тропа добродетели оказалась слишком узкой для жизненного пути этого человека.

Он жил в обычном токийском доходном доме, каких тысячи в японской столице. Занимал всего две скромно обставленных комнаты на третьем этаже шестизэтажного здания. Жильцы дома частенько поднимались с ним в лифте, встречались в вестибюле или парикмахерской, расположенной в подвале, ставили во дворе рядом с его машиной свою. Танака вежливо раскланивался, всегда одаривал людей обворожительной улыбкой, поздравлял с хорошей или сетовал на плохую погоду. И никому в голову не могло прийти, что рядом с ними живет маститый главарь японских ультраправых, друг-приятель многих гангстеров Японии.

Сейгэн Танака, используя шантаж, сумел в тот свой визит убедить премьер-министра оформить сделку с БП, в результате чего он получил за свои «консультации» от членов консорциума и «сырьевых» магнатов взятки в сумме 200 миллионов иен. Сколько было вручено остальным участникам этой грязной операции, так и осталось тайной.

Сейгэн Танака — он же «токийский тигр», он же буддийский священник, начинал свою карьеру как провокатор и предатель японских коммунистов. Получая взятки от монополий, Танака организовывал разгон рабочих демонстраций, подкупал штрейкбрехеров, вламывался с оружием в руки в квартиры прогрессивных деятелей, участвовал в облавах на студентов, железнодорожников, громил типографии. Теперь, обретя солидное брюшко и немалые капиталы, он выступает в роли по-

средника между финансовой олигархией и махровыми ультраправыми, в мире которых считается одной из главных фигур. А прикрывается Сейгэн Танака вывеской общества «Международные энергетические консультации». С тех пор как начался энергетический кризис, он решил, что и на нем можно зарабатывать деньги. И немалые.

Остается лишь добавить, что премьер-министр, которому нанес тогда визит Сейгэн Танака, тоже оказался замешанным в ряде крупных финансовых афер, включая взятки от американской самолетостроительной корпорации «Локхид». Его имя — Какуэй Танака. Несколько лет назад он был за это и осужден.

ПРОБЛЕМЫ... ПРОБЛЕМЫ...

В достаточно сложной ситуации, с которой столкнулась Япония в минувшие годы, надо признать, присутствовал и элемент искусственной, далеко не безобидной драматизации положения. Жажда наживы обуяла не одного Сейгэна Танаку. Десятки крупных компаний не преминули воспользоваться удобным случаем, чтобы урвать от пирога кусок побольше.

Энергетический голод Японии — часть общего кризиса мировой капиталистической системы. «Экономика Японии, — признает «Дейли миюри», — была выбита из равновесия одним ударом — сокращением по-

«ЭВРИКИ» И «УНИВЕРСАЛЫ»...

Когда молодой англичанин Тони Грегори из Стэплфорда узнал, что его соотечественники сконструировали модель электротакси, приводимого в движение легкими кислотно-свинцовыми аккумуляторами, он скептически ухмыльнулся: «Подумаешь, изобретение! Скорость всего 90 километров в час! Черепаша, и только! Разве что не тарыхтит... Вот я придумал машину, без которой вскоре не обойдется ни одна порядочная семья...» И Тони смело отправился в редакцию газеты.

На улице прохожие при виде Тони шарахались в сторону: по тротуару он тащил за собой тележку с каким-то дымящимся агрегатом, над которым был укреплен самый обычный дисковый патефон. На правом плече Тони покоилась совковая лопата, а лицо бедняги было перепачкано угольной пылью.

— Я очень хочу заработать, сэр, — уверенно произнес Тони.

Редактор отдела внутренних новостей насторожился.

— Мой патефон, — продолжал Тони, — работает от энергии паровой машины. Так сказать, автономно. Без подключения к электросети. Одной лопаты угля достаточно для того, чтобы раскрутить диск до необходимого числа оборотов. Экономия электроэнергии налицо. Ну а если вы захотите вскипятить чайник

ставок нефти с Арабского Востока. Это свидетельствует, насколько слаба вся ее основа». Да, топливный шок с достаточной ясностью вскрыл сущность «японского чуда», обнажил его изнанку. Длительное время стране удавалось за счет дешевой рабочей силы успешно конкурировать на мировых рынках, расплачиваясь за все готовой продукцией. Сокращение ряда отраслей промышленности лишает Японию привычной возможности «выжить за счет других». Но было бы наивным полагать, что Япония пустит все на самотек и будет ждать у моря погоды.

Прежде всего во всех правительственных эшелонах обсуждаются вопросы сокращения потребления нефти, борьбы с расточительным использованием энергии, скорейшего освоения других источников энергии. Разработана среднесрочная и долгосрочная энергостратегия. С 1985 года Япония намерена поддерживать постоянный уровень импорта нефти на отметке до одного миллиона тонн в день. По программе «Саншайн» ученые ищут пути использования солнечной и геотермической энергии. Применение солнечной энергии не является чем-то абсолютно новым в Японии. Солнечные батареи уже обслуживают некоторые больницы, школы, жилые дома, приводя в действие воздушные кондиционеры, подогревают воду. Эксплуатируются семь небольших геотермальных электростанций. Их генераторы приводятся в действие горячими источниками, залегающими на глубине до двух километров под землей.

В стадии освоения находятся два проекта электростанций, использующих силу ветра. В Японии насчитывается тридцать четыре района,

или приготовить обед, мой агрегат выручит вас и в этом случае... Конструкция проста и уникальна. Я назвал свое изобретение «Эврика», Впрочем, нет, это уже где-то было... Пусть лучше будет «Универсал». Это и новомодно и в то же время старинно...

— Мой юный друг, — спокойно заметил редактор. — Сегодня утром мне прислели электробриту, работающую за счет энергии падающей из-под крана воды... Просили испытать. Я так и хожу небритым. Заметили? А уж если вы так стремитесь разбогатеть, могу рассказать невымышленную историю. Она поучительна. Один английский авантюрист, выросший на Ближнем Востоке и свободно изъяснявшийся по-арабски, отправился в Манчестер и выдал себя в гостинице за нефтяного шейха из Абу-Даби. Он дал в вечернюю газету объявление от имени, разумеется, не существующей компании, которая немедленно готова приобрести любые поместья, фабрики, отели... Минила неделя, посыпались предложения. В гости к «шейху» стали наведываться разоряющиеся владельцы доходных домов, судов, заводов. Вместе с предложениями клиенты несли подарки, взятки, лишь бы шейх не отказался от покупок.

Никому и в голову не приходило, что под личиной шейха скрывается ловкий проходимец. Ему намяли бока лишь тогда, когда во время званного ужина у «шейха» отвалилась прилепленная борода. Отсюда мораль, мой друг: хочешь заработать, знай во всем меру!

где средняя скорость ветра составляет четырнадцать километров в час. Этого достаточно для того, чтобы выработать до ста киловатт электроэнергии. Японские ученые приступили к опытам по созданию генераторов, приводимых в действие морскими волнами. Первый эксперимент дал такую цифру: десять киловатт энергии на каждый метр береговой линии. Поскольку протяженность всей береговой линии страны составляет пять тысяч километров, Япония теоретически может рассчитывать, что океан способен обеспечить примерно половину национального потребления электроэнергии за один год.

Серьезное внимание уделяется развитию атомной энергетики. Правда, здесь возникают сразу две серьезные проблемы. Первая связана с процессом переработки урана, который держат под своим неусыпным оком США. Построенный в префектуре Ибараки первый завод по регенерации урана бездействовал целых три года, до той поры, пока Соединенные Штаты ни благословили его пуск. Авария на американской атомной электростанции в Пенсильвании значительно обострила вторую проблему — стихийные выступления населения и политических организаций, требующих прекратить расширение сети АЭС в Японии. После аварии в США власти были вынуждены отдать распоряжение о приостановке ряда действующих АЭС для срочного проведения контроля и проверки надежности реакторов.

В качестве одной из мер, пригодных в определенной степени способствовать решению выхода из создавшегося положения, здравомыслящие политические деятели Японии считают сотрудничество с Советским Союзом.

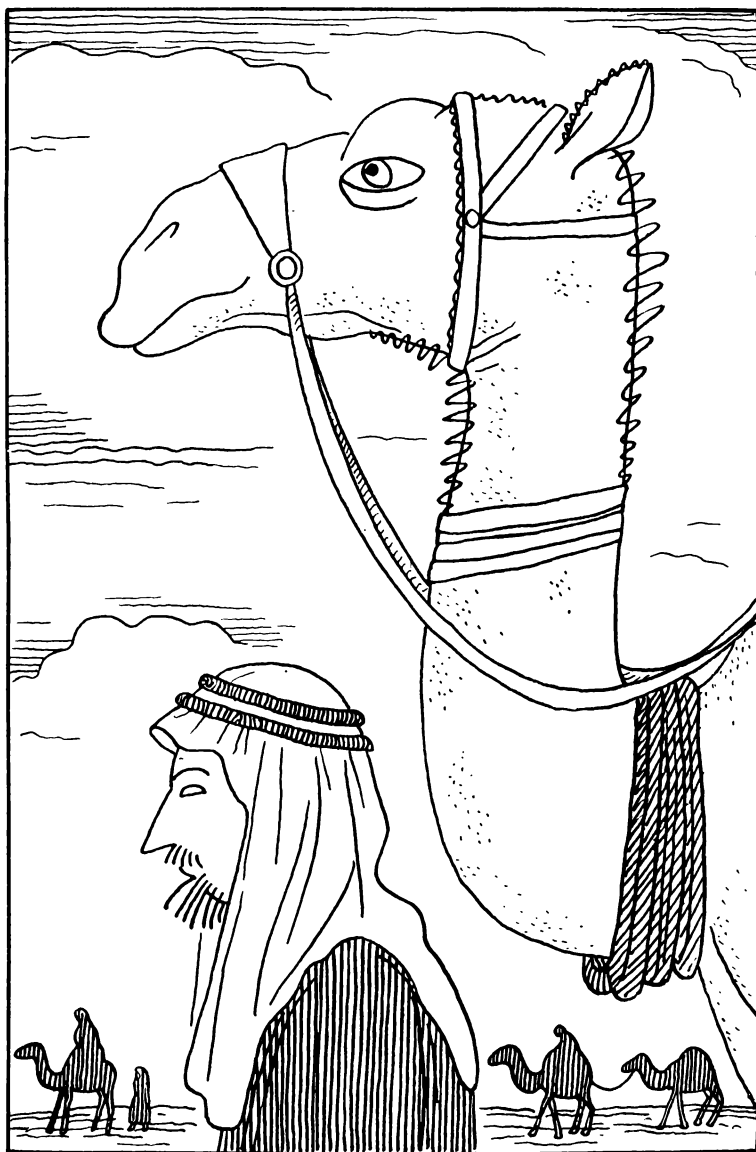
Однако эти взгляды не разделяются теми правительственными кругами Японии, которые противодействуют укреплению торгово-экономических связей с СССР на основе откровенных антисоветских позиций.

Словом, проблемы, проблемы, проблемы...

Мы начали эту главу с трагической ситуации, нарисованной журналом «Сюкан асахи». Повторим — авторы этого литературного «варианта», безусловно, слишком драматизировали обстановку. Однако, если послушать мнение серьезных японских ученых, они приходят к одному выводу: прочь иллюзии! Эра высоких темпов японской экономики миновала.

...Древняя народная легенда гласит, что четыре основных острова Японии покоятся на спине гигантской рыбы. Когда она начинает шевелиться, земля ходит ходуном. Землетрясения — достаточно частое явление на Японских островах. Здесь люди веками живут в ожидании этого страшного стихийного бедствия. Землетрясения уже разрушали Токио, другие города. Предсказываются новые сильнейшие толчки в районе Токио — Сидзуока, которые, якобы, произойдут до 2000 года. Однако сейсмологи считают, что они сумеют заранее предупредить население о надвигающейся угрозе. «Будет сложнее, пожалуй, если произойдет новый энергетический шок, — грустно иронизируют они. — От него может погибнуть вся страна. Так что мы живем в тревожном и постоянном ожидании. Что же наступит раньше?»

ОАЗИС В БЕЗЖИЗНЕННЫХ ПЕСКАХ

ДИНАСТИЯ АС-САБАХОВ

На северо-востоке Аравийского полуострова, где безжизненные пески, кочующие дюны, каменистые плато пологими ступенями уходят в глубины Персидского залива, где белокаменные дворцы соседствуют с полинявшими палатками кочевников-бедуинов, где над редкими оазисами гудят на ветру провода высоковольтных электропередач, лежит одна из неповторимых по своему колориту стран Арабского Востока — Кувейт.

Историки обнаружили в летописях несколько названий этого государства. Как бы то ни было ныне оно обозначается на всех географических картах мира одним и тем же словом, происходящим от арабского «кут», что в переводе на русский означает «маленькая крепость».

В 1756 году на пустынном берегу Персидского залива, в районе нынешнего Эль-Кувейта, осело пришедшее с территории, теперь занимаемой Саудовской Аравией, племя кочевников, во главе которого стоял представитель рода ас-Сабахов. Он (ас-Сабах ибн Джасем ас-Сабах) и стал первым эмиром Кувейта. Династия ас-Сабахов до наших дней является правящей.

Мне трижды пришлось побывать в Кувейте, что позволило составить некоторое представление как о столице — Эль-Кувейте, так и о стране, движущей силой экономики которой является нефть.

Кувейтцы — гордый и гостеприимный народ. О бедности, нищете, болезнях в Кувейте как-то не принято говорить. Однако в мой последний приезд многие собеседники затрагивали неизменно одну и ту же тему: а что будет со страной, когда иссякнут источники ее подземных богатств?

Реалистически мыслящие кувейтцы все больше сознают, что стране нужны собственные кадры, ей нужно быстрее приобщаться к научно-технической революции, без которой немыслимо будущее. Один из руководителей министерства информации говорил, что Кувейт, будучи одним из крупнейших добытчиков и экспортеров нефти, должен постепенно перейти к созданию собственной индустрии. Если же говорить о стратегических планах, то в Кувейте держат курс на развитие в первую очередь нефтехимии. Планируют также строительство шинного завода, заводов по производству металлических труб, железобетонных блоков, мукомольного комбината, стекольных, асбестовых, кирпичных предприятий.

Строительство промышленных объектов финансирует обычно само правительство. Уже введен в строй промышленный комплекс в Шуэйбе. Но его доля в национальном доходе пока еще незначительна. Завершено сооружение комплекса по сжиганию природного газа на острове Дас. Остро стоит вопрос с рабочей силой. В стране каждый второй — иностранец, выходцы из Сирии, Иордании, Ливии, Ирака, Ирана. Существующее здесь законодательство ставит рабочих-кувейтцев в привилегированное положение по сравнению с рабочими-некувейтцами, обеспечивает первым более высокую зарплату, преимущество в получении жилья, в обучении и медицинском обслуживании.

Значительное содействие Кувейту в развитии национальной экономики оказывает Советский Союз. В Кувейт из СССР поступают электрооборудование, морские суда, автомашины.

ЛЮД, БАЗАРЫ, ВЕРБЛЮДЫ...

Приезжая в Кувейт через некоторые промежутки времени, я находил новые приметы, появляющиеся в облике страны, города Эль-Кувейта, где сосредоточена почти половина жителей государства. Столица постоянно строится, появляются современные дома, новые улицы, целые кварталы, прокладываются дороги, подземные коммуникации.

Знакомые кувейтцы рассказывали, что перестройка коснется и квартала, где ныне находится старый столичный базар — сук. Правда, для потомков решено сохранить небольшую часть этой экзотики прошлого. А пока он существует в первозданном виде, давайте заглянем в лабиринты его тупичков и галерей, проулков и переходов.

Границы кувейтского сука всегда были размыты: он начинался как бы исподволь с лотков мелких розничных торговцев, коновязей, стоянок верблюдов, приведенных поутру на продажу. Чуть поодаль — мясные и овощные ряды. В рядах остро пахнет пряностями, апельсинами, баклажанами; горы орехов, фиников, яблок, мандаринов, помидоров, огурцов. Фрукты и овощи — отборные, словно только что из сада, с плантации. Отчасти в этом секрет упаковки, хитроумные способы доставки плодов в условиях тропического климата к месту сбыта.

Цена овощей и фруктов очень высока. И этому есть оправдание.

ПОДЗЕМНЫЕ РЕЗЕРВУАРЫ

Тот, кому приходилось бывать на крупных нефтеприисках, очевидно, видел гигантские резервуары, в которых хранятся нефтепродукты. Но, оказывается, для этой цели можно использовать и емкости, созданные самой природой. Так, например, в местах, где в подземных пластах породы много минеральных солей, их нетрудно вымыть при помощи закачивания воды. Образовавшиеся пустоты и будут служить хранилищем. Такие подземные пещеры, созданные недалеко от Вильгельмсхафена (ФРГ), имеют диаметр пятьдесят — шестьдесят метров и глубину до шестисот метров.

Наполнение пещер нефтью осуществляется с помощью дистанционного управления: эхолоты определяют размеры хранилища, телекамеры автоматически следят за уровнем нефти. В ФРГ уже созданы емкости для подземного хранения 28 миллионов тонн нефти.

В Кувейте возделывается менее двух процентов площади страны (она составляет около 2,5 тысяч квадратных километров). Выручают крохотные наделы земли в районах оазисов, да около ста пятидесяти ферм, где выращивают некоторые виды бахчевых, огурцы и помидоры методом гидропоники.

Кувейтский базар — зеркало и другой отрасли экономики: животноводства. Исстари здесь им занимались бедуины, ведущие кочевой образ жизни. Перебираясь с места на место, они ориентируются прежде всего на участки еще не вытоптанной скудной растительности. Верблюды, мелкий рогатый скот круглый год находятся на подножном корму.

Особенно много в базарные дни овец. Их продают поштучно и дюжинами. Разделанные овечьи тушки висят на внушительных стальных крюках в мясном ряду. С недавних пор мясники начали торговать домашней птицей местного производства. Государственные экспериментальные фермы обеспечивают курами, утками, индейками примерно двенадцать процентов спроса. Хуже обстоит дело с молочными продуктами: молоко, масло, сыр дороги, поскольку в основном привозные.

Торг на базаре идет отчаянно за каждую вещь — будь то нижнее белье, завезенное из Гонконга, батарейки для карманного фонаря японской фирмы «Сони» или французские духи «Коти». Торговцы предпочитают иметь дело с людьми солидными, для которых не жалко потратить время для уточнения и согласования цены. Заезжих туристов, конечно, легче провести, обмануть, назначив цену в полтора, а то и в два раза выше истинной. Местного жителя надуть труднее.

Прежде на базарах стран Арабского Востока наипервейшей фигурой считался «базарный голова». Он был наделен неограниченными полномочиями и выполнял роль надзирателя за совершавшимися сделками,

Большая подземная кладовая функционирует в Швеции. Она находится возле входа в порт Гётеборг и вмещает 250 тысяч тонн нефти — то количество, которое, например, потребляет в сутки вся Западная Германия.

Конечно, сосредоточение топлива в огромных количествах в одном месте предприятие отнюдь не безопасное. Стоит нефти в результате недосмотра или малейшей технической неполадки воспламениться, как может разразиться катастрофа. Нечто подобное уже было в США. Нефтехранилище в Хакберри (штат Луизиана) занялось огнем, когда рабочие извлекали систему труб со дна подземной кладовой.

Случайно была нарушена герметичность пещеры, и начался грандиозный пожар.

Пламя укрощали целую неделю. За это время сгорело тысячи тысяч тонн топлива.

Как говорится в таких случаях — безопасность превыше всего!

поддерживал мусульманский правопорядок во всех его аспектах. Он был призван творить добро и пресекать зло. Ныне его функцию выполняет обычный полицейский. Блюститель порядка обычно стоит где-нибудь в тени или лениво прохаживается по рядам, беседует с торговцами, которых знает по имени. Его нередко можно видеть в гостях лавочника потягивающим кальян или попивающим крепкий кофе.

Следует заметить, что в Кувейте базар до сих пор представляет собой не только торговые ряды, цеховые мастерские, где с утра до вечера раздаются перестук молоточков чеканщиков по бронзе, где тачают обувь или шьют из козьих шкур десятки видов изделий. Базар — это своеобразный клуб, где в крохотных кофейных собираются знакомые, приятели или просто приезжий люд. Они обсуждают последние новости за чашечкой арабского или турецкого — в зависимости от вкуса — кофе. Эти встречи для многих жителей столицы, да и других населенных пунктов, выросших вокруг нефтеприисков, — сама необходимость. Базар здесь — это быстрый, хотя и не всегда надежный источник информации, порой заменяющий телевидение, радио и газету.

Достопримечательностью столичного сука являются и так называемые «золотые ряды». Нечто подобное мне приходилось видеть в Триполи, Каире, Дамаске. Но именно подобное. Когда бродишь по кривым тропинкам поистине золотого лабиринта Эль-Кувейта, создается впечатление, что миниатюрные витрины наполнены солнечными бликами, солнечными нитями. Они, отражаясь в зеркалах, переливаются, множатся миллионами лучистых граней.

Началось это пристрастие к золоту вскоре после первых лет промышленной добычи нефти. Бытует масса фантастических, на первый взгляд маловероятных историй, связанных с богатствами Кувейта. Миф о Кувейте как о стране несметных богатств и роскоши ловко используют западные органы пропаганды до сих пор. Но если вспомнить о том же золотом рынке, то при первом же знакомстве с ним видишь, кто может позволить себе купить цепочку или кольцо, кто фланирует в его лабиринтах. За любыми средними цифрами, выведенными буржуазными экономистами, пытающимися доказать, что и Кувейт — «общество равных возможностей», проступает на деле совершенно иная картина. Контрасты в уровне жизни кувейтцев колоссальны. Богатство сосредоточено в основном в руках тех, кто загребает прибыли от продажи нефти, кто ведет разведку, бурение, нефтедобычу. А занимаются этим главным образом иностранные монополии.

ТРАНЗИСТОРЫ И КОЧЕВНИКИ

Из Эль-Кувейта мы выехали пораньше, пока солнце не успело превратить округу в огнедышащий котел. Под колесами «джипа» струится асфальт дороги. Чахлые лишаи какой-то растительности отнюдь не скрашивают окрестный пейзаж. Деревьев вообще не видно. Широко распластав крылья, в безмерном небе парит орел. Кое-где попадаются по-

рыжевшие под солнцем и дождями, изодранные палатки бедуинов. Па-сются верблюды, козы. Останавливаемся. Ветер крутит уже нагретый песок, вздымает его свечками в бесцветное небо. Песок шуршит под нога-ми. Подходим к палатке. Возле корыта на корточках сидит девочка лет семи. Она перебирает куски вяленой рыбы. Точно такую же я видел на столичном суке. Это — вяленое акулье мясо. В рационе бедуинов оно по-явилось недавно. Персидский залив изобилует акулами.

Из палатки выбежала, судя по лицу, сестренка девочки возрастом постарше. В плетеной корзинке финики, которые в аравийских песках тот же хлеб. Их едят вялеными, вареными, свежими. Местные жите-ли умеют из фиников готовить до сотни блюд; из них гонят вино. Из волокон, которые покрывают ствол пальмы, плетут корабельные канаты, веревки, сети (капроновое волокно, правда, постепенно вытесняет это натуральное сырье). Древесина пальмы тоже используется в домашнем хозяйстве.

Взрослых в палатке не оказалось. Уехали в город на базар.

Надо ли говорить, что жизнь в пустыне далека от совершенства во всех отношениях. По статистике в семье бедуина остается в живых каж-дый третий ребенок. Раньше кочевник вообще не мыслил о возможностях какой-то иной жизни. Он родился в палатке под причитания и молитвы в честь аллаха. Здесь никогда не слышали об акушерках. Младенца на ско-рую руку ополаскивают свежей мочой верблюдицы и заворачивают в коз-линую шкуру, присыпав ее вместо талька сухим навозом. Первый свой шаг маленький бедуин делает на пастбище.

Мы осмотрели жилье кочевников, прослушали по радио последние новости (транзисторный приемник стоял в углу палатки, на молитвенном коврике грубой работы) и тронулись по направлению к побережью. Бере-говая линия Кувейта мало изрезана, прибрежные воды неглубоки. Ры-бачьи поселения встречаются здесь, как правило, возле небольших бухт, заливчиков, где можно держать лодки, традиционные парусники дау. Порой такое поселение уже приобретает облик нефтепромысла. В од-ном из них — Хафджи — мы и решили остановиться отдохнуть, а заодно и перекусить в местной таверне.

От специфики местных арабских блюд разговор с хозяином ресторана-чика незаметно перешел к акулам.

— Помню,— сказал хозяин,— когда я еще плывал коком на дау, мы однажды шли мимо острова Файлака. И вдруг услышали по рации сигна-лы бедствия «SOS». Их подавало небольшое судно, груженное лесом. Мы видели его и больше всего опасались, что терпящий бедствие эки-паж может быть растерзан акулами. Их возле Файлаки видимо-невиди-мо. Они скопились там, потому что недавно затонуло австралийское суд-но с огромным количеством овец на борту. Захлебнувшихся животных течение снесло к острову. Акулы пировали недели две...

Выходит, что нет худа без добра. Они пожирали непосредственно в море падаль, которую могло выбросить и на берег... Все, конечно, зави-сит от обстоятельств места и времени. Поэтому уничтожать акул лишь за то, что они хищники, нельзя. Их у нас называют не только грозой пля-

жей, но и морскими санитарами. Точно так же как сокол — санитар пустыни. Акула уничтожает главным образом старых или раненых обитателей подводного царства.

Разговор невольно напомнил мне прочитанное в кувейтской газете сообщение о том, что по соседству, в Абу-Даби, прошла международная конференция, на которой обсуждались меры по обеспечению защиты пернатых аравийской пустыни, и в частности соколов. Для решения этой проблемы был даже учрежден специальный международный фонд. Ведь о фауне, как и флоре Кувейта нельзя сказать, что она богата. Надо стараться сберечь имеющееся.

Вопросам охраны диких животных и окружающей среды уделяется в Кувейте с каждым годом все больше внимания. Здесь, например, хорошо знают, что из тех миллионов тонн нефти, которые ежегодно попадают в Мировой океан, определенный процент приходится на нефтедобывающие страны Персидского залива. Хозяин таверны рассказал, что у самого пирса нефтепромыслов Хафджи как-то взорвался и затонул японский танкер. После этого погрузку нефти на танкеры вывели далеко в море. Но где гарантия того, что катастрофа не может повториться?!

СПРАВЕДЛИВЫЙ ГОЛОС КУВЕЙТА

Сначала дорога, ведущая от порта, где мы совершили привал, уткнулась раскаленным на солнце асфальтовым языком в нескладный барак, покрытый гофрированным железом, будку с часовым и, как положено на любой границе, полосатый шлагбаум. На мачтах вяло вздрагивали два обтрепанных флага: государства Кувейт и Саудовской Аравии. Здесь настоящая граница — линия раздела бывшей так называемой «нейтральной зоны».

Эта линия окончательно стала официальной после того, как совет министров Кувейта утвердил кувейтско-саудовский договор от 18 января 1970 года. Тогда же нейтральную зону переименовали в Раздельную. Чтобы попасть сюда, требуется специальное разрешение властей. Я имел пропуск, посему формальности отняли не так уж много времени. От границы до Хафджи 46 километров. Считают, что если общие запасы нефти Кувейта оцениваются в 10 миллиардов тонн, то в кувейтской части Раздельной зоны сосредоточено 1,2 миллиарда тонн.

В Хафджи действует японская компания «Арабиен ойл компани» (АОК) — дочерняя компания «Джапан петролеум трэйддинг».

Меня встретили члены администрации нефтепромыслов. Они рассказали, что АОК получила концессию еще в 1958 году, что здесь осуществляется «система партнерства национального и иностранного капитала» в условиях смешанной компании. Почти вся добытая нефть — 90 процентов — идет в Японию. Помимо Хафджи, в Раздельной зоне функционирует месторождение Хаут, открытое в 1963 году.

— Кто здесь работает?

— Частично кувейтцы, частично японцы, частично саудовцы. Есть

лица других национальностей. Но их меньше, — сообщил мне представитель АОК.

— Бывают ли аварии на промыслах?

— Да. Это неизбежно. Но мы стараемся предусмотреть главное — утечку нефти в море. Мы, японцы, очень переживаем, что Внутреннее море на нашей родине очень сильно загрязнилось за последние годы. Виноват человек. Поэтому администрация напоминает на утренних встречах с рабочими, инженерами о необходимости строгой соблюдать принципы охраны окружающей среды. За нами неусыпно наблюдают представители Агентства по охране окружающей среды, которое функционирует с недавних пор в столице. А Япония очень нуждается в нефти. — Он искал у меня сочувствия. — В Хафджи мы построили нефтеочистительное предприятие на миллион тонн нефти в год. Это совсем не много, если учесть, что в самой Японии мощность всех нефтеперегонных заводов немногим более трехсот миллионов тонн!

После осмотра городка и нефтепромыслов двинулись по безукоризненно ровной дороге вокруг административных одноэтажных строений, обсаженных чахлыми деревцами, к развилке с указателями: «Налево — Мекка, прямо — Эль-Кувейт». Мы поехали прямо.

Если говорить об истории зарождения современной экономики Кувейта, то этот процесс теснейшим образом связан с нефтяными богатствами подземных кладовых. В них сосредоточено 12 процентов всех запасов капиталистического мира. По добыче «черного золота» государство занимает восьмое место в мире и третье в регионе Персидского залива — после Саудовской Аравии и Ирака.

Коммерческая добыча нефти, рассказывали кувейтцы, началась здесь после 1946 года, хотя к разведке приступили еще в 1933 году, а первые промышленные запасы были выявлены в 1938 году на месторождении Бурган. В 1934 году вся территория Кувейта была сдана в концессию «Кувейт ойл компании» (КОК) сроком на семьдесят пять лет. По дополнительному соглашению в 1951 году срок концессии продлили еще на семнадцать лет, то есть до 2026 года. Акционерный капитал КОК был поделен поровну между английской «Бритиш петролеум» и американской «Галф ойл корпорейшн». В 1972—1975 годах государство поэтапно увеличивало свою долю в капитале путем выкупа части иностранных акций. В результате КОК превратилась в национальную нефтяную компанию. «Бритиш петролеум» и «Галф ойл корпорейшн» выполняют ныне функции компаний-операторов.

Теперь КОК разрабатывает восемь нефтяных месторождений. Ей принадлежит нефтеперерабатывающий завод в Мена аль-Ахмади мощностью до 12,5 миллиона тонн нефти в год.

В 1960 году создана национальная нефтяная компания «Кувейт нэшнл петролеум» (КНПК). В КНПК 60 процентов принадлежит правительству и 40 — частным кувейтским акционерам. Она владеет нефтеперерабатывающим заводом в Шуэйбе мощностью более 5 миллионов тонн нефти в год.

Главными органами управления нефтяной промышленности Кувейта

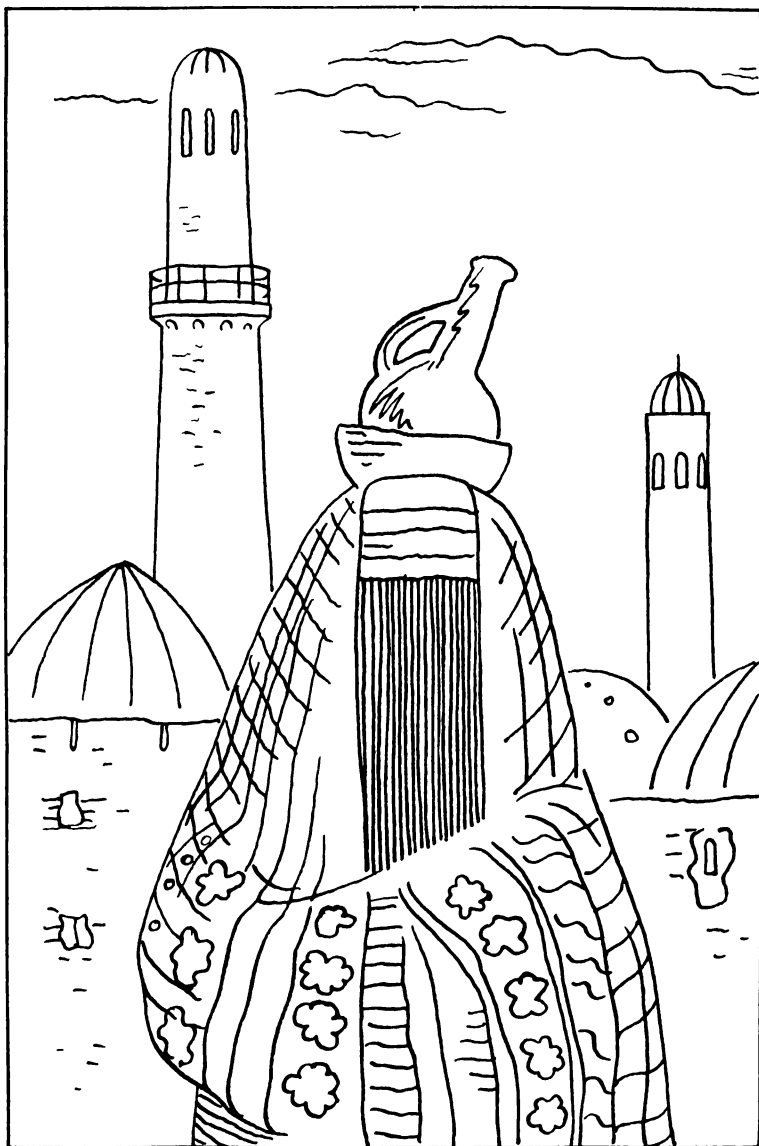
является Высший совет по нефти и нефтяной промышленности и министерство нефти. Всего в стране эксплуатируется двенадцать месторождений. Из них восемь — на собственно ее территории, два — в зоне континентального шельфа и два — в Раздельной зоне. По оценкам ученых имеющиеся мощности позволяют получать до 150 миллионов тонн в год.

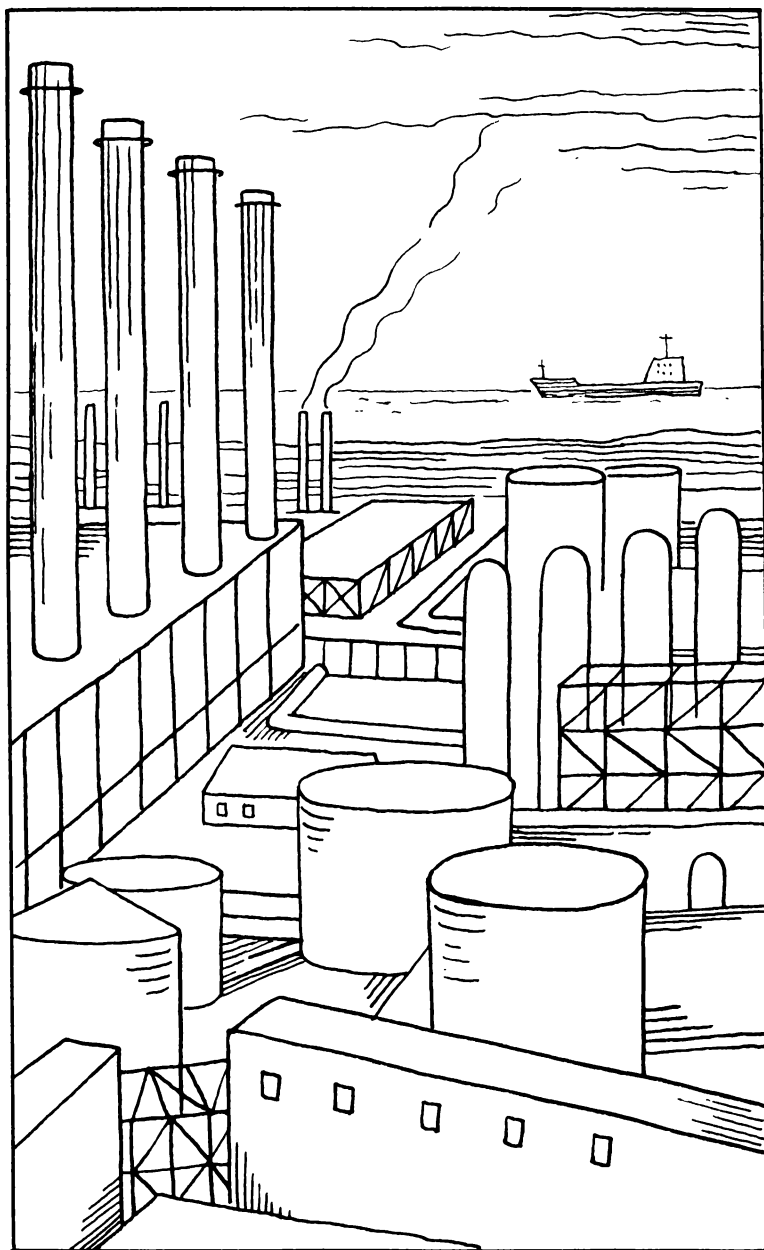
Процесс добычи здесь облегчается тем, что нефть фонтанирует. Ее забирают в трубопроводы, и она транспортируется к сборным пунктам. Там от нее отделяют газ и перебрасывают по новому руслу в нефтехранилища на определенную высоту, что позволяет, когда необходимо, направить потоки «черного золота» в порт, к танкерным причалам, без дополнительных затрат. Мне говорили, что до сих пор самыми крупными месторождениями являются Бурган, Бахра и Радатайн. На их долю приходится большая часть всех выявленных запасов нефти.

За годы независимости Кувейт решил и продолжает решать многочисленные сложные внутренние проблемы; его голос слышен и на международной арене. Уже не раз устами официальных лиц и прессы давались, в частности, принципиальные оценки событий на Ближнем Востоке, наглому вмешательству США во внутренние дела независимых государств региона.

Эта позиция Кувейта получает одобрение прогрессивных кругов стран Персидского залива и Ближнего Востока, ибо она связана с реальной оценкой обстановки, направлена на подлинное решение ближневосточной проблемы.

ПЕРВЫЙ ФОНТАН

ЗАБАСТОВКИ НА ПРОМЫСЛАХ

Октябрь подходил к концу, и дул резкий, порывистый северо-западный ветер шамал — верный предвестник бахрейнской зимы. Днем розовый столбик термометра поднимался не выше отметки тридцати градусов.

По вечерам молодежь заполняла расцвеченный разноцветными огнями городской парк. Электрические лампочки веселыми гирляндами свисали с финиковых пальм, просвечивали сквозь нежную зелень листьев стройных папай. Возле несущих прохладу фонтанов, у входа в кинотеатр «Жемчужина» и у открытых кафе было особенно много народа. Толпы гуляющих наводняли набережную Персидского залива, в водах которого плавала круглолицая луна.

Столица Бахрейна Манама отдыхала после знойного, изнурительного лета. В тот памятный вечер молодой рабочий Зайян миновал причалы двухмачтовых рыбацких самбуков с квадратной широкой кормой и высоко задранным носом, ярких джалибутов и хавайрай, прошел мимо остро пахнущих вяленой рыбой и водорослями складов. На ярко освещенной Таможенной площади с зеленой куртинкой в центре он свернул под широкую белокаменную арку исторических «ворот Бахрейна» и углубился в давно знакомый лабиринт узких улочек торговой части города.

Здесь, в одной из лавчонок, принадлежащей его приятелю Ахмаду, он обычно оставлял свой велосипед, когда приезжал с побережья в город за нехитрыми покупками или собирался провести время с друзьями за чашкой крепкого арабского кофе с корицей. С Ахмадом Зайян был близок много лет: с тех самых пор, когда еще их отцы занимались ловлей жемчуга на богатых раковинами банках Персидского залива.

Ахмад унаследовал от дяди пристрастие к торговле и сноровку в этих делах. В конце концов он занял его место за прилавком. Торговал всякой всячиной, начиная от иголок, мыла, зубной пасты и кончая готовой одеждой европейского покроя. Но сам национальной одежде не изменил. Он носил длиннополую рубаху дишдаш, всегда отличающуюся снежной белизной, покрывал голову платком гутрой, стягивал его ага-лом — черным сдвоенным обручем. И гутра и агал пришли в мир оседлых арабов от бедуинов, которые, кочуя на верблюдах по бескрайней пустыне, оберегали голову от жалящих лучей солнца.

Зайян, наоборот, одевался в европейское платье. Худой, подтянутый, с орлиным носом, он предпочитал хлопчатобумажные дешевенькие брюки, резиновые шлепанцы на босу ногу и цветную рубаху с открытым воротом. Зайян работал на алюминиевоплавильном заводе АЛБА подсобным рабочим на разливке металла и наряжался в дишдаш только по праздникам.

Подойдя к лавке приятеля, Зайян негромко окликнул его. Но Ахмада дома не оказалось. За прилавком сидел его десятилетний сынишка.

— Ушел за товаром, — сказал мальчик.

После этого Зайян вскочил на велосипед и поехал за город по шоссе, ведущему на завод. Зайян заступал в ночную смену.

Встречный ветерок забирался под рубашку, приятно охлаждал тело. Зайян легко крутил педали. Городские постройки сменились рощами финиковых пальм, позади остались минареты последней мечети, и дорога узкой лентой побежала по выжженной солнцем пустыне. Такой унылый пейзаж тянулся до самого южного берега острова: песок, один песок. Но вот справа на горизонте показались небольшие лысые холмы. Там черными силуэтами на звездном небосводе прорисовывались «качели», день и ночь поднимающие на поверхность из глубоких колодцев пресную воду. Сколько же надо ее, чтобы утолить жажду людей, животных, растений и превратить безжизненную бахрейнскую пустыню в цветущий оазис!..

Быстро мелькают мили. Еще один поворот, и впереди показались корпуса АЛБА. История завода началась в августе 1968 года. Зайян пришел на стройку чернорабочим. Рыл котлован под фундамент, подносил трубы, укладывал арматуру, работал на бетономешалке. В дни отдыха Ахмад сажал за прилавок своего сынишку, а сам обучал Зайяна основам грамоты. Зайян, в отличие от своего друга, никогда не ходил в школу, а теперь для него открывался совершенно иной мир. Зайян постепенно усваивал некоторые тайны технологического процесса. В этом ему помогали молодые техники, когда в цехах шел монтаж оборудования.

В свои одиннадцать-двенадцать лет Зайян, бывало, проводил часы на старой прокопченной кузнице, которая и сейчас стоит недалеко от городского базара. Когда мальчишка примелькался, ему разрешили раздвигать горн мехами, сделанными из козьих шкур. Широко раскрытыми глазами он смотрел на сыпавшиеся снопами из-под молота искры, на то,

НЕФТЯНЫЕ РЕКИ

Самый большой в мире по протяженности магистральный продуктопровод был построен в 1897—1903 годах в России от берегов Каспия до Черного моря. Вся 835-километровая «река» состояла из труб диаметром 200 миллиметров. На трассе имелось шестнадцать перекачивающих подстанций с паровыми машинами-насосами.

Провод не сваривали автогенном, а состыковывали соединительными муфтами. По этой искусственной реке из Баку гнали на Кавказ керосин. Скорость — 50 литров в секунду. Интересно отметить, что доставка керосина в цистернах по железной дороге Баку — Батуми занимала девять суток. По керосинопроводу перекачка осуществлялась в два с лишним раза быстрее и обходилась в три раза дешевле.

В 1929—1930 годах рядом со старым протянули еще один трубопровод с повышенным сечением труб — 250 миллиметров.

Знаменитая бакинская нефть и теперь еще продолжает бежать по искусственной реке со стальным руслом. Но главное, нефтепровод инженера В. Шухова положил начало созданию в нашей стране широко разветвленной сети нефте- и газопроводов.

как раскаленный докрасна брусок в руках искусных мастеров превращался в засовы, петли, скобы, светильники, витые спинки стульев...

Теперь Зайян сам помогает разливать бахрейнский алюминий.

Возле синего щита на обочине дороги с надписью «Алюминий Бахрейн» Зайян слез с велосипеда и поднял голову. Над ним, слегка раскачиваясь, проплывали по канатной дороге одна за другой вместительные бадьи — 156 бадей. Шестимильный путь каждой из них начинается на небольшом искусственном островке у побережья, на который выгружается с морских судов алюминиевое сырье — глинозем, а заканчивается он здесь, на заводе. Но начинается этот путь вовсе не на искусственном острове в шести милях от завода, а за многие тысячи миль от Бахрейна, на западном побережье Австралии. Там, на далеком пятом континенте, АЛБА закупает сырье для завода — глинозем.

Раздался грохот катящейся по рельсам вагонетки. Эта дорога тоже связана со складами искусственного островка. Вагонетки доставляют туда готовые алюминиевые отливки. Потом их грузят в трюмы транспортных судов и везут в другие страны.

«Я хочу дождаться того дня, — сказал как-то шутя Зайяну Ахмад, — когда рядом с АЛБА построят заводы по производству штампованных изделий из алюминия. Тогда я смогу расширить свою лавку и торговать оконными рамами, кастрюлями и другими товарами».

Зайян подошел к проходной. Возле нее почему-то толпились люди. Кто-то забрался на перевернутый ящик и, размахивая руками, призвал рабочих не заступать на смену, призывал к забастовке.

— Мы предъявляем администрации завода одно требование, — звучал в наступившей ночной тишине голос оратора, — равные условия приема на работу для всех национальностей — бахрейнцев и небахрейнцев. Кое-

ПРИЛИВ В УПРЯЖКЕ

Прилив — отлив, прилив — отлив. Этот процесс на морях и океанах происходит, как по самому строгому графику, каждые 12 часов 25 минут...

Инженерная мысль давно стала работать в направлении использования приливов и отливов. Казалось бы, что может быть проще: отгородить плотиной от моря залив, установи турбины и направь на них волны. Вода круглые сутки будет крутить лопасти гидротурбин, вырабатывая бесплатную энергию.

Однако сооружение приливных электростанций (ПЭС) — вопрос сложный во всех отношениях. Сказывается неравномерность приливной волны в течение суток, неодинаковые условия климатических зон, дороговизна возведения плотин протяженностью в десятки километров. Стоимость ПЭС пока значительно превышает затраты на строительство обычных речных ГЭС.

И все же советские ученые доказали, что ПЭС — дело не бесперспективное. В 1968 году в нашей стране дала ток первая отечественная ПЭС в губе Кислой. Большие перспективы открываются перед строителями ПЭС на побережье Охотского моря. Там приливная волна достигает 14 метров. В Пенжинском заливе можно, например, соорудить ПЭС небывалой мощности — десятки миллионов киловатт. Для сравнения скажем — крупнейшая в мире Саяно-Шушенская ГЭС дает 6,4 миллиона киловатт.

кто на заводе пытается утверждать, что бахрейнцы хуже знают английский язык, чем приезжие из других стран. В нашей стране живут люди многих национальностей. АЛБА строили иностранные фирмы. Но завод стоит на нашей земле, он создается нашими, вот этими руками. Хозяева завода должны уважать нас, бахрейнцев. Мы не хотим стоять выше других, мы хотим равных прав. Это право принадлежит нам, друзья!

Молчавшая толпа задвигалась, возгласами одобрения поддерживая оратора. Шквалистый шамал гнул тучи мельчайшей пыли, швырял ее в людей. Песок скрипел на зубах, заставлял слезиться глаза. Теперь уже у ворот завода собралось человек двести. Дежурный полицейский сер-жант в белой тропической униформе беспомощно метался возле проходной, куда-то звонил по телефону. Но рабочие не расходились.

Стоявший рядом с Зайяном рабочий шепнул:

— Ты еще молод, не помнишь, как мы бастовали прежде. Я работал тогда на нефтепромыслах. Мы добились своего. Рабочие Бахрейна — это сила. С нами нельзя не считаться!

Зайян спросил:

— В городе все чаще говорят о какой-то бахрейнизации. Бастовать — это и означает делать бахрейнизацию?

— Ну, друг, это совсем не одно и то же. Бахрейнизацией мы называем замену британских колонизаторов-специалистов нашими людьми в правительственных учреждениях, страховых конторах. Бахрейнцы сами должны заниматься своими делами — и маленькими и большими. А для рабочих всех национальностей — индийцев, африканцев, иранцев и бахрейнцев — мы требуем равных прав и условий труда, будь то на нефтяных полях или еще где. Вот так-то...

И он замолчал. Зловеще молчала вся толпа, молчала ночная пустыня. И только где-то далеко прерывисто выла сирена приближающейся полицейской машины. Стачка парализовала работу завода, перекинулась к нефтяникам...

...Зайян несколько дней жил у Ахмада. Они гуляли по набережной, заходили на самбуки к рыбакам, знакомым ловцам жемчуга. Как-то вечером, когда они удобно расположились на чисто выскобленной палубе небольшого суденышка дяди Зайяна весельчака Бехбехани и осторожными глоточками отпивали из фаянсовых чашек горячий кофе, Ахмад спросил:

— Достопочтенный Бехбехани, ты слышал о забастовке на АЛБА и нефтепромыслах?

— Эта новость уже черства, как вчерашняя лепешка, Ахмад!

— Я не к тому...

— Боишься, что алюминиевые кастрюли и бочки с керосином уплывут из твоих рук?

— Да нет же! Расскажи, что было тогда с ловцами жемчуга...

— Что было? — Бехбехани вытер мясистой рукой пот с морщинистого лба, напряженно всматриваясь в оливкового цвета молодое лицо Ахмада. — Многое было. Всякое было... Мы тоже однажды устроили заба-

стовку. Сейчас всех ловцов Бахрейна можно пересчитать по пальцам. А тогда нас ходило на жемчужные банки тысяч пятнадцать, а то и больше...

ДРЕВНИЙ ПРОМЫСЕЛ

— Жемчужные банки в 20-е годы никогда не пустовали. С июня, когда вода в заливе теплела, начинался большой сезон промысла. Заканчивался он где-то в октябре. Но и в малый сезон ловцы умудрялись выходить в море.

Он замолчал, пододвинул к себе кальян с замусоленными кистями, изгрызенным мундштуком и глубоко затынулся, вспоминая былое. В памяти сохранились торжественные минуты выхода ловцов в море. Начало большого сезона широко отмечалось по всему северному побережью Бахрейна и острова Мухаррак. Самбуки отчаливали по большой воде от причалов под грохот барабанов, радостные возгласы мальчишек. Самбуки ведь уходили на месяц, а то и больше! Хотя ближайшие жемчужные банки лежат в нескольких часах перехода под парусом, ловцы возвращались к берегу неохотно, не желая упускать драгоценное для ловли время. Спешно пополнив немудреной провизией трюмы, оставив заболевших членов команды, они спешили вернуться к своим банкам.

Лов жемчужниц начинается ранним утром. С левого и правого борта лодки над водой выступают по пять — восемь (все зависит от размера самбуки) деревянных брусьев. К ним приторочено по два каната. Один с грузом, другой для подъема сетки с жемчужницами. Ловец, с зажимом на носу, заткнутыми ватой ушами, перебирая руками, легко и быстро спускается по заякоренному канату на дно. За полторы минуты он срезает ножом с каменной банки десяток или больше приросших жемчужниц и складывает их в сетку. Чтобы не повредить руки, пальцы ныряльщика защищены специально сшитыми кожаными колпачками. Труднее всего приходится ловцам, погружающимся на самую большую глубину: давление толщи воды вызывает не только отчаянную боль в ушах, но и нередко кровотечение. К старости ловцы жемчуга заболевают кессонной болезнью.

Каждый ловец работает в паре с саибом (помощником). Саиб стоит на борту, внимательно следя за действиями напарника, выбирает из воды наполненные раковинами сетки.

По вечерам, когда ловцы отдыхают после тяжелого трудового дня, саибы ловят на спиннинг рыбу — основное питание ныряльщика. Обедают поздно, при звездах. Здесь же, на палубе, на примитивной жаровне разводят огонь, пекут лепешки, вялят рыбу, варят традиционный кофе без сахара. Во время ловли ныряльщики не имеют права принимать пищу. Это вредно для здоровья. Лишь время от времени им разрешается выкурить сигарету да выпить чашечку крепкого арабского кофе, отдохнуть, согреться и снова в воду.

Рассыпанные по палубе жемчужницы подсыхают за ночь, и с первыми

лучами солнца все члены команды самбуки принимаются за новую работу — ножами вскрывают раковины, выбирают из них жемчужины и сортируют их по размеру, качеству...

И так день за днем. Эта монотонная под палящим солнцем жизнь на воде лишь изредка нарушается приходом с берега скупщика жемчуга. Начинается торг. Он тоже имеет свои неписанные законы и церемонии. Капитан самбуки должен обязательно вести торговые переговоры со скупщиком в присутствии двух членов экипажа самбуки. Он важно усаживается на палубу и приглашает сесть напротив себя скупщика. Затем они медленно сближают руки, прикрытые куском красной ткани, и, как истые цирковые манипуляторы, начинают на пальцах под платком в абсолютном молчании торговаться о цене. Когда наконец обе стороны удовлетворены, капитан сообщает об этом свидетелям. Те должны подтвердить сумму своим согласием. Только после этого мешочки с жемчугом переходят в руки скупщика, который тут же расплачивается наличными.

На Бахрейне с незапамятных времен существует своя система расчета с ловцами. Если капитан является владельцем самбуки, но постоянно финансируется каким-нибудь богатым купцом, они получают по 10 процентов прибыли от общей выручки. Если же купец является одновременно и хозяином самбуки, он берет себе 20 процентов, а капитан — 10. Оставшаяся сумма делится между членами команды.

Но у иных капитанов алчность не знала меры. Когда начинался большой сезон, они давали ссуды семьям ловцов. Ловцы оказывались в долгу и должны были отработывать его в следующий сезон. Если умирал должник-отец, его долг обязан был отработать сын. Если отец-должник заболел, а его сын по здоровью не мог заменить его на самбуке, он шел батрачить в дом капитана или купца. Так почти каждая семья в

АЙСБЕРГИ БЛОКИРУЮТ ПОРТ

Восемь миллиардов долларов затратили американские предприниматели на сооружение нефтепровода, который пересекает 49-й штат США Аляску с севера на юг. Во время строительства жители штата надеялись, что нефтепровод станет для них золотой жилой. Но этого не произошло. Жизнь продолжает дорожать, растет безработица. И те, кто еще недавно называли Аляску райским уголком, спешат оттуда уехать.

И вот пришла новая беда. До сих пор спокойный и величественный, сверкающий на солнце ледник Колумбия неожиданно пришел в движение. Он расположен на южном берегу Аляски, на горах Чугач, опоясывающих порт Валдиз.

Валдиз — конечный пункт тысячетрехсоткилометрового нефтепровода. Именно

поселениях ловцов жемчуга попадала в вечную кабалу. И вот тогда-то промысловики и выступили с требованием улучшить их положение. Власти, боясь, что доходный промысел совсем прекратится, вынуждены были пойти на удовлетворение требований ловцов жемчуга. Большинство семей было избавлено от кабальных долгов.

СТАРЫЙ ХАЛИФ СДАЕТСЯ

Когда Зайян возвращался от Ахмада домой, начинало светать. Солнце поднималось над заливом, окрашивая в розовые тона кружева прибойной волны, еще мокрую от ночного тумана набережную, ажурные минареты мечетей. По узким улочкам трусдой спешили с поклажей ослики, грузовики завозили в лавочки товары.

Зайян подумал: почему отец стал таким упрямым? Зачем он хочет младшего брата Джалила отдавать на выучку дяде Бехбехани? Конечно, ловля жемчуга — это романтика. Но надо попытаться отговорить упрямого старика. Пусть Джалил идет в нефтяники. Как много интересного рассказал ему Сальман! Надо, пожалуй, пригласить его домой. Отец должен его послушать. «Зайду к Сальману, все равно по пути», — решил Зайян и свернул с набережной.

Хозяин небольшого домишка в такую рань был дома. Он жил холостяком и, стоя возле газовой плитки, готовил себе завтрак.

— Заходи, дорогой наш юный гость, чем могу быть полезен?

— О, уважаемый дядя Сальман, — робко начал Зайян. — Надо как-то осторожно пробраться в сердце моего отца и убедить его отдать братишку Джалила в школу нефтяников. Что проку в наши дни от ловли жемчуга?

здесь происходит загрузка нефтеналивных судов.

Ученые задаются вопросом: почему ледник Колумбия вдруг пополз вниз? Полагают, что основная причина — климатические перемены. Настоящая драма может разразиться в ближайшие четыре-пять лет. Гигантские «беломраморные» утесы, которыми завершается западный отрог ледника, пока еще лежат основаниями на мелководье. Но когда процесс оседания обретет более бурный характер, лед начнет наползать на нижние пласты, крошиться и заполнять в виде айсбергов акваторию залива.

И хотя ученые полагают, что айсберги, отколовшиеся от Колумбии, будут не очень крупными по своим размерам — до ста тысяч тонн (для сравнения: ледяные горы Северной Атлантики весят до пятнадцати миллионов тонн!) — они станут помехой для прохождения танкеров. В любом случае они создадут серьезную опасность судоходству района, а порт может стать непригодным для приема танкеров.

— Это ты не говори, прок есть! Могу лишь согласиться в одном: без жемчуга прожить можно, а без нефти — нет, нельзя! Хорошо, я заверну к вам как-нибудь к вечеру. Предупреди отца, что есть у меня к нему дело.

Вернувшись домой, Зайян умылся, поворчал, приводя в порядок свой стол с тетрадками, книгами, которые разбросал перед уходом в школу Джалил. А потом подошел к отцу.

— Отец, хочу с тобой поговорить. Случай свел меня с человеком, который сам стоял у первой нефтяной скважины, забившей на Бахрейне в тридцать втором году. Дядя Бехбехани говорит, что как раз в то время у нас začах жемчужный промысел и мы оказались в очень тяжелом положении. Нечего было есть, люди ходили полуголые, в грязном тряпье... Дядя Сальман хочет зайти к тебе. У него есть какой-то разговор...

— К чему это ты клонишь? Не думаешь ли, что Джалилу лучше ходить по уши в мазуте?

— Почему? А можно ведь сказать, что он будет ходить весь в золоте! — улыбнулся Зайян. — Недаром же нефть называют «черное золото»!

И вот настал день, когда Сальман появился на пороге дома, где жили братья Зайян и Джалил. Сидя на полу, гость и хозяева сперва, по обычаю, обменялись последними новостями, справились о здоровье родственников, близких. А потом, напрягая память, Сальман стал восстанавливать события 1925 года. Тогда на Бахрейн прибыла британская поисковая партия. Англичане занимались разведкой воды и бурили артезианские колодцы. Поиск шел в пустынной местности. Сальмана наняли в отряд подносить питьевую воду.

— Но прежде чем они натолкнулись на нефтяные пласты и создали компанию для их разработки, — рассказывал Сальман, — прошли годы. Я сначала таскал на первую скважину воду в жестянках, а потом людей поприбавилось... Я купил ослика. А англичане приобрели концессию и привезли более современные бурильные установки. Новую компанию называли БАПКО — «Бахрейн петролеум компани». Она стала дочерней компанией американской нефтяной монополии «Калтекс». Помню, сколько было радости, когда забил первый фонтан. Мы перемазались нефтью, словно дети...

Гостям, приезжающим на Бахрейн в наши дни, мы показываем эту первую историческую скважину к югу от города Авали, скважину, которая вызвала новое направление в экономическом развитии архипелага... И я думаю, мой новый друг Халиф, твой младший сын должен заняться верным делом, стать нефтяником. Кое в чем я ему могу на первых порах помочь. Я не долго работал водоносом. Меня взяли за силу и ловкость в бригаду бурильщиков. Ты не смотри, что я старше тебя. Можем померяться в борьбе... И если теперь на Бахрейне нефть бьет из трехсот скважин, считай, добрых два десятка из них появились с моей помощью.

Но Халиф сразу не сдался. Прошел еще год. Он ходил мрачный, иногда исчезал из дома на день-другой, а то и на целую неделю. Зайян не

спрашивал, где пропадал отец. Догадывался: старый Халиф уходил на промыслы, беседовал там с бурильщиками, мастеровыми. Он докапывался до главного: что даст его сыну эта профессия, будет ли паренек счастлив? И наконец свершилось. Джалил получил отцовское благословение как раз в тот день, когда он закончил школу.

И он сделал, конечно, правильно. Ведь основу бахрейнской экономики теперь составляет нефтяная промышленность. Начиная с 1952 года прибыли БАПКО делятся пополам между концессией и государством. Однако следует помнить, что существование бахрейнских месторождений ограничено. Сейчас здесь добывается более четырех миллионов тонн сырой нефти в год. Если вести добычу нефти нынешними темпами, ее запасов хватит, по мнению специалистов, еще лет на двадцать. И тем не менее будущее не столь уж мрачно, как может показаться на основании этого прогноза.

Помимо БАПКО, добычу на месторождении Абу-Саафар, обнаруженном на дне моря между Саудовской Аравией и Бахрейном, ведет компания «Арабиэн-америкэн ойл» (АРАМКО). Половина дохода от добычи этой нефти идет в казну Бахрейна. Активизировала свои попытки обнаружить нефть на дне моря и БАПКО. На Бахрейне появилась еще одна нефтяная компания — американская «Сьюпериор ойл компани». Она приобрела концессии на два участка общей площадью около трех тысяч квадратных миль сроком на тридцать пять лет.

Немалый доход получает бахрейнская казна от нефтеперерабатывающего завода БАПКО, который является вторым по мощности на Ближнем и Среднем Востоке после абаданского в Иране, и входит в десятку крупнейших предприятий подобного рода в капиталистических странах. Помимо собственной нефти, завод перерабатывает «черное золото» Саудовской Аравии, поступающее по трубопроводу из Даммама.

Общая мощность этого завода, выпускающего широкий ассортимент нефтепродуктов, — 12 миллионов тонн в год. Завод приобретет еще большее значение, когда вступит в строй установка для отделения серы. Ее генераторы будут работать на природном газе, добываемом в районе Хафуф, где его запасы очень велики.

Прибыли от добычи и переработки нефти дают основную часть поступлений в государственный бюджет Бахрейна. Подумывают об увеличении производства дешевого природного газа. Его добычу уже ведет компания БАПКО.

Некоторые экономисты предлагали построить на Бахрейне предприятие по сжижению газа и продавать его продукцию на дальневосточных и европейских рынках. Идеей заинтересовались поначалу японские промышленники. Но впоследствии им удалось договориться о закупках сжиженного газа в других странах, и они потеряли всякий интерес к бахрейнскому газу. Бахрейнское правительство взяло курс на использование природного газа внутри страны.

Наличие крупных морских портов вызвало к жизни ряд предприятий, обслуживающих судоходство. Здесь, например, обосновалась Бахрейнская судоремонтная компания, имеющая в своем распоряжении самые круп-

ные судоремонтные мощности между Роттердамом и Гонконгом.

Механический завод выпускает конструкции для подводного бурения, необходимые многим нефтяным компаниям.

На Бахрейне появились мастерские по ремонту оборудования нефте-промыслов.

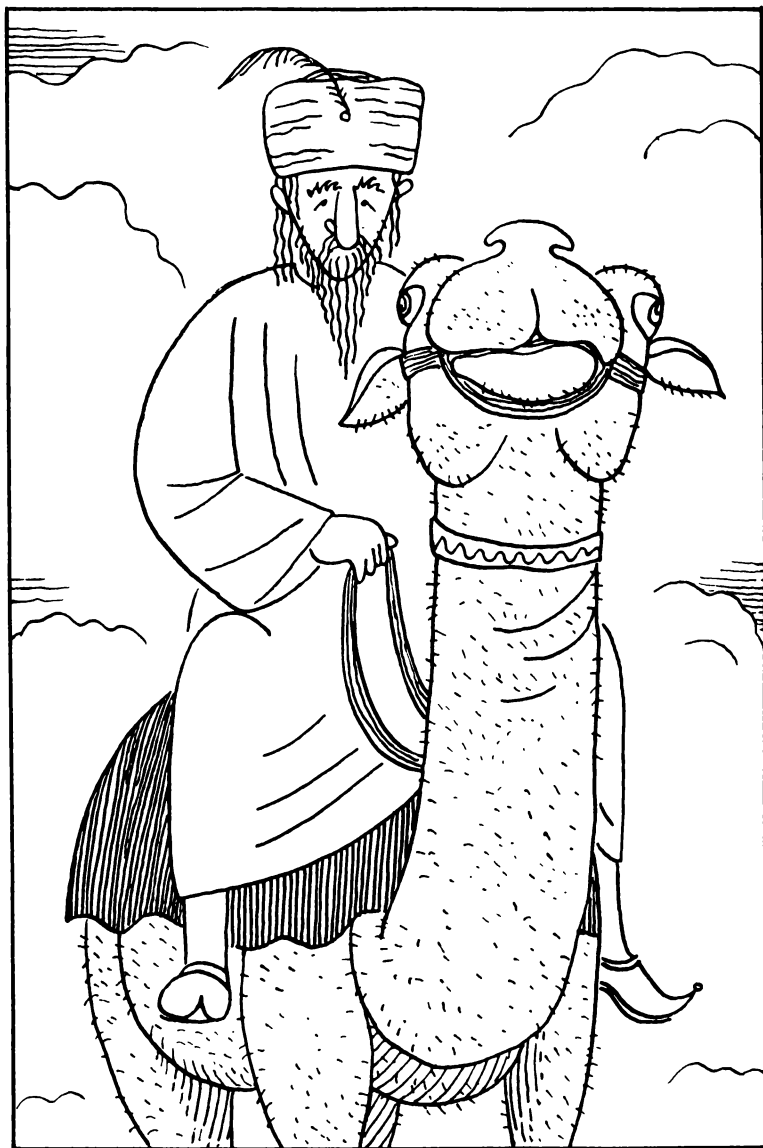
Организация стран — экспортеров нефти построила на Бахрейне сухой док для ремонта супертанкеров. В Персидский залив заходят каждый год несколько тысяч танкеров.

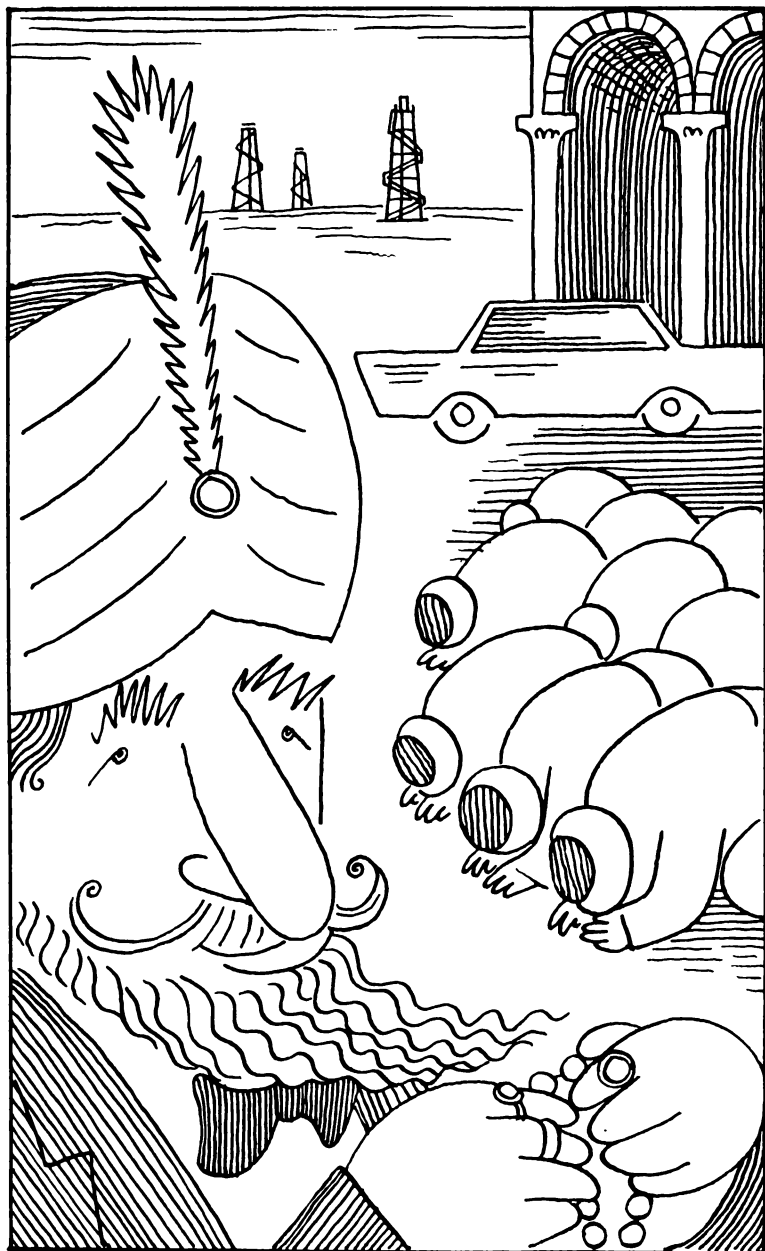
А еще через год, когда Джалил стал буровым мастером и Зайян зашел поблагодарить Сальмана за поддержку, мудрый водонос сказал:

— Твой отец, как и все мы, старые люди, человек осторожный. Он советовался с другими, многое передумал сам. А потом памятью обратился к тридцать второму году, тем словам, которые говорил его брат, твой родной дядя Бехбехани: «Когда на Бахрейне зачах жемчужный промысел, нам нечего стало есть, люди ходили полуголые, в грязном тряпье. И если бы не нефть...»

Ты понял истину, сынок?

ШАХБУТ ЛЕТИТ С ТРОНА

«ГАРЕМНЫЙ ПЕРЕВОРОТ»

С самого утра Шахбут недвижно сидел в своем неказистом дворцовом зале на вытертых, лоснящихся от сальных пятен подушках. Его седые брови, словно пучки пересохшей травы, топорщились в разные стороны, придавая осунувшемуся лицу скорбное и мрачное выражение. Казалось, ничто не в силах изменить подавленного настроения шейха Шахбута — правителя княжества Абу-Даби, лежащего на южном берегу Персидского залива. Он вспоминал имена своих предков и сокрушенно вздыхал. До него за минувшие двести лет, с той поры когда воины его племени бени-яс вытеснили с побережья португальцев, только два правителя умерли естественной смертью в фамильном форте, сложенном на берегу залива из коралловых глыб. Четверо правителей были свергнуты и изгнаны из страны. Остальные семь кончили свои дни трагически: кого пристрелили, кого отравили, кое-кого отправили на тот свет собственными братья.

Выцветшие, потрескавшиеся губы Шахбута беззвучно шептали имена усопших: Исса Бин Нахиан, Дииаб, Заид Бин Калифа... О эти жестокие нравы! Справедлив ли аллах!.. Что ждет впереди его, Шахбута! Пока ему, правда, везло. Уже не один десяток лет он правит княжеством, где когда-то хозяйничали пираты-головорезы, а их потомки, пересев на легкие арабские самбуки с остроугольными парусами, стали промышлять ловлей жемчуга. Побережье Договорного Омана и по сей день называется Пиратским.

Что касается ловцов жемчуга, то их на редкость опасный, каторжный промысел приносил все меньше и меньше доходов, с тех пор как мелкий японский торговец из Киото открыл предприятие по производству искусственного жемчуга. Шахбут, конечно, помнит 1929 год, когда в прибрежных водах один ныряльщик поднял со дна раковину с такой огромной и чистой жемчужиной, что за нее на аукционе заплатили 75 тысяч долларов! Но такое происходит не каждый день. Ведь не случайно Шахбут продолжал «инспектировать» свои владения, где пески сменяют камни, а голые камни — сыпучие пески, на плешивом верблюде, в стоптанных шлепанцах из сыромятной кожи и латаном-перелатаном бурнусе. Один лишь титул — шейх!

Чего греха таить, кое-что перепадало Шахбуту от транзитной торговли рабами, которой без всякого зазрения совести занимались его подопечные. Но эта статья дохода не отличалась постоянством, так как профессия работорговцев считалась в десятки раз рискованнее профессии ловцов жемчуга. Все богатство шейха Шахбута состояло из мрачного, доставшегося ему по наследству дворца, охотничьего сокола да двух с лишним тысяч слуг...

В тот самый день, когда шейх Шахбут, сидя на засаленных подушках, пребывал в столь мрачном раздумье, его постиг новый удар.

Глава канцелярии Абид принес своему нищему повелителю две тяже-

лые вести. Лондонская газета «Санди таймс» опубликовала откровенно издательскую биографию Шахбута, всячески подчеркивая его материальное неблагополучие. «Родился в 1905 году. Вступил на престол в 1908 году. Провел большую часть жизни в крайней бедности. Имеет... охотничьего сокола — символ власти. Находится под защитой Англии... Предметы роскоши — пишущая машинка и итальянская кофеварка «эспresso».

Глава канцелярии, закончив читать, пристально посмотрел на своего властелина и достал из кармана еще одну сложенную вчетверо вырезку. На этот раз из заокеанского журнала.

— А вот что рассказывает американец Гарвей О'Коннор о бывшей жизни нашего соседа короля Сауда, — сказал Абид и быстро, словно боясь, что шейх может оборвать его на полуслове, начал читать: — «Подобно Мидасу, он превращал в золото все, к чему прикасался. Человек, который некогда голодал, будучи вождем мародерствующих племен вахаби, теперь заказывал для своего гарема целые парки специальных «кадиллаков» с окнами, устроенными так, чтобы его фаворитки могли видеть все, что происходит снаружи, а их не видел бы никто. Его самолет был летающим дворцом с вращающимся тронem, с лифтом (чтобы стареющему монарху не приходилось взбираться по плебейскому трапу), со спальней, гостиной и ванной комнатой...»

— Довольно, я сыт твоими рассказами по горло! — резко оборвал Абид разгневанный шейх. — Ступай прочь!

— Я позволю себе лишь напомнить правителю, — с глубоким поклоном ответил глава канцелярии, — что все богатства Ибн-Сауда пришли к нему вместе с АРАМКО...

Ах, что об этом напоминать! Шахбут и без того хорошо знал, что есть такая нефтяная компания, действующая в Саудовской Аравии, которая принадлежит янки, управляется янки, прибыли которой баснословны, а могущество безгранично...

— Я позволю себе также напомнить, — вкрадчиво продолжал Абид, — что было время, когда казначей Ибн-Сауда умещал все ценности своего государства в небольшом кожаном мешочке и носил его за поясом. Но когда АРАМКО взялась за дело... Не настало ли время, правитель, и нам подумать о завтрашнем дне?..

Нефтяные богатства Абу-Даби уже давно не давали покоя Шахбуту. Еще в 1939 году иностранные нефтяные монополии начали проявлять заинтересованность в приобретении участков земли на территории княжества. Созданная на базе английской «Ирак петролеум компани» компания «Абу-Даби петролеум» (АДПК) получила выгодную концессию. Но вторая мировая война помешала все планы АДПК. К разведке нефти приступили сразу после окончания войны, а первый фонтан забил лишь в 1953 году. Однако обнаруженная нефть стала предметом безжалостной конкурентной борьбы между АРАМКО и «Ирак петролеум компани», что никоим образом не влияло на и без того тощую казну шейха. После этой неудачи Шахбут с еще большим подозрением стал относиться к западным специалистам-нефтяникам, которые, по его собственному выра-

жению, «хотели положить побольше долларов в свой карман, а его оставить верхом на верблюде».

Однако иного мнения придерживались акулы нефтяного бизнеса. Дворец Шахбута осаждали различного рода визитеры, которые с одной стороны, задаривали хозяина подарками (кофеварки, пишущие машинки), а с другой — публично через газеты высмеивали его нищенское положение, давили на самолюбие Шахбута.

Как-то под вечер в зал, где обычно шейх принимал правителей соседних эмиратов, прибыли чопорные представители английской нефтяной монополии и французской нефтяной компании.

Босоногие слуги в постиранных на скорую руку бурнусах разносили в крошечных чашечках ароматный кофе «кваха». Его готовили по особому рецепту с кардамоном, заливали прозрачной холодной водой, кипятили не более пяти минут... Шахбут пытался обставить все так, чтобы этот прием заморских гостей соответствовал самому его назначению. Гости держались уверенно, хотя и не забывали отпускать льстивые комплименты шейху и его княжеству. Словом, кофе лилось рекой, а речи — медовой патокой. Шахбут знал, что нужно этим людям: подводные запасы нефти Абу-Даби оцениваются в миллиарды тонн. Шейх уже был готов к сделке и только ждал, когда гости выговорятся. Единственным несогласованным звеном в цепи предварительных переговоров остались условия расчета между нефтяными компаниями и правителем. Шейх настаивал на «фифти-фифти», монополисты уклонялись от ответа, тянули время, надеясь выторговать в свою пользу хотя бы десять процентов.

Наконец иностранцы сдались. Шахбут выдал концессию вновь созданной нефтяной компании, получившей название «Абу-Даби марин ареаз» (АДМА), сроком на шестьдесят пять лет. Она начала разведку и бурение скважин у берегов Абу-Даби. Держателем двух третей акций АДМА стала британская монополия, одной трети — французская.

Бежали годы. В зале для приемов шейха Шахбута давно уже выветрился аромат дорогих сигар, которые раскуривали в тот вечер чопорные господа, а добрые вести все задерживались где-то в пути. Лишь изредка приближенные доносили правителю о том, что с Бахрейна на самолетах в Абу-Даби продолжают поступать машины, бурильные установки. Время от времени правитель приглашал к себе инженеров-нефтяников, зажигал в зале светильники и за чашкой кофе пытал их: «Когда же? Когда?»

И вот наступил долгожданный час, к востоку от острова Дас забил первый нефтяной фонтан. За ним второй, третий. К 1962 году добыча нефти достигла 6 миллионов тонн в год. На территории Абу-Даби началось спешное сооружение нефтепроводов, а во дворце Шахбута — хранилищ для денег и ценностей. Шейх в мгновение ока стал миллионером. Он прогнал со двора облезлого верблюда и выписал из Соединенных Штатов лучший лимузин.

Шахбут совершил путешествие в Париж, перелетел через Атлантический океан в Соединенные Штаты Америки, выбросил в залив две дюжины кованых сундуков и заменил их массивными сейфами, купил у мо-

накского князя роскошную яхту, отстроил три новых дворца и... вдруг задумался. Ему показалось, что иностранные нефтяные компании (а их уже к 1966 году обосновалось в Абу-Даби несколько) недоплачивают, обманывают и наживаются на его богатствах.

— Кто посмел? Меня обделить никому не удастся! — запальчиво воскликнул он как-то на званом ужине.

Этот вопль скаредной души Шахбута, пробив толщу дворцовых стен, долетел до Лондона. Ершистость шейха пришлась там кое-кому не по вкусу. Его попробовали урезонить. Но шейх гнул свое. Негодуя на добытчиков нефти, он приказал разорвать контракты с некоторыми английскими строительными компаниями, потом отказался подписать соглашение на сооружение стратегических дорог и аэродромов в своей вотчине. Эта дерзкая акция вызвала на берегах Темзы настоящий шторм. А шейх, понимая, что Англия — партнер ненадежный, особенно если учесть ее финансовые и прочие трудности, возникающие в связи с крахом ее политики «к востоку от Суэца», начал спешно подыскивать себе друзей из числа соседей — в арабском мире. Он предложил свое сотрудничество Лиге арабских стран и даже выступил против создания федерации княжеств Персидского залива под эгидой Лондона. Это переполнило чашу терпения тех, кто был кровно заинтересован в нефтяных богатствах Абу-Даби. Нефтяные короли строптивых не любят. В мире наживы, там, где идет борьба за «черное золото», действуют волчьи законы. Шахбута решили убрать с дороги. Отравить? Задушить в постели? Инсценировать самоубийство? Или, наконец, просто убийство? Пока Лондон размышлял, газеты выступили со статьями, подчеркивая, что шейх стал препятствием на пути осуществления английских политических и экономических планов в районе Персидского залива, приобретающих особое значение в связи с подъемом национально-освободительного движения.

И вот тогда-то заговорила лондонская «Файнэншл таймс»: «Шахбут не в силах как следует распоряжаться богатствами страны в интересах народа» (читай: западных монополий). Он «не прислушивается к советам членов правящей семьи» (читай: британских колонизаторов).

Как потом стало известно, эта «слезливая тирада» была не чем иным, как закодированным сигналом к свершению «гаремного переворота» в Абу-Даби. Шахбуту показали пистолет, а потом указали на дверь. Указали и намекнули, что лучше немедленно убраться на Бахрейн, чем на тот свет. Его даже и не проинформировали, кто же займет теперь трон. Правда, в Лондоне об этом побеспокоились заблаговременно и быстренько посадили на него более покладистого брата Шахбута — Заида.

Заид стал для Англии «своим человеком в Абу-Даби». Он умел артистически изгибать спину перед хозяевами и метать громы и молнии в подопечных. По подсказке из английской столицы, скороговоркой выпалив энное количество обещаний тридцатитысячному населению княжества, он принялся сколачивать не дома, больницы, школы, а армию. Эта армия за короткий срок возросла с семисот человек до четырех тысяч. Заид захотел получить сторожевые корабли, бронемашины, самолеты. Заид и не пытался перечить, когда Лондон поставил своих чиновников

во главе важнейших департаментов. Командующим вооруженными силами был назначен генерал Е. Вильсон, в подчинение которому были переданы группы военных и полицейских советников... Так фактически английские колонизаторы закрепили за собой незаконное право на Абу-Даби со всеми его природными богатствами.

КОНЕЦ ТИХОГО ЗАХОЛУСТЬЯ

«Самое тихое захолустье» Великобритании — так любили называть в Лондоне английские протектораты в районе Персидского залива — перестало быть тихим в начале 50-х годов, когда здесь началась «нефтяная лихорадка». Мертвая тишина выжженных безжалостным солнцем песков была нарушена гудением моторов буровых установок, а восточная степенная горделивость дворцов местных правителей разбужена оружейными выстрелами. Один переворот следовал за другим. Лондон, идя на поводу у нефтяных монополий, осуществил в 1955 году интервенцию в Оман и присоединил его к Маскату. В 1965 году, встревоженные связями правителя Шарджи с Лигой арабских государств, колонизаторы убрали его с престола и заменили двоюродным братом — шейхом Халидом.

К 1970 году султан Маската Саид окончательно опостылел Англии. Этот деспот, хотя и целиком опирался на армию, которой руководили британские офицеры, своей открытой реакционностью по отношению к народу стал компрометировать неоколониальную политику Лондона в районе Персидского залива. Англичане намеревались заменить его султаном Кабусом — сыном Саида, который окончил Оксфордский университет и военный колледж. Они считали его более покладистой фигурой для проведения своих планов. Сначала о Кабусе стали писать газеты, журналы, называя его человеком с «более либеральными» взглядами, нежели отец его. Одновременно старались урезонить пыл папаша и угovorить добровольно оставить трон. Но старик, почти сорок лет правивший страной из своего дворца в Салале, отказался подчиниться Лондону. И тогда поздним вечером шейх Бурак с оравой солдат окружил дворец.

Утром под охраной Саида доставили в аэропорт и на военном английском самолете «откомандировали» в Лондон. Кабус объявил себя правителем, подчеркнув, что трон перешел к нему по наследству...

Так, если не вдаваться более глубоко в детали, развивались некоторые дворцовые события не в таком уж тихом захолустье Англии.

Но свой диктат в районе «к востоку от Суэца» Англия уже не могла продемонстрировать народам региона, как прежде, бескомпромиссно. Нарастающее национально-освободительное движение вынудило Лондон пересмотреть свои позиции «к востоку от Суэца». И вот, чтобы как-то сохранить влияние на берегах Персидского залива, британские стратеги решили воспользоваться традиционным стремлением арабов к единству в своих корыстных целях и предложили создать подконтрольную ей федерацию из семи эмиратов Договорного Омана, Бахрейна и Катара. Но

произошла осечка: Бахрейн потребовал вывести с военных баз на его территории английские войска и отказался войти в федерацию. Его под- держал Катар. Обе страны провозгласили в 1971 году свою незави- симость.

А вскоре правители шести эмиратов Договорного Омана объявили о сформировании нового суверенного государства — Объединенные Араб- ские Эмираты. Несколько позднее — 10 февраля 1972 года — к ним при- соединился седьмой эмират — Рас-эль-Хайма.

Государство ОАЭ — одно из самых молодых. Примечательно оно тем, что себестоимость добычи нефти на его разработках одна из самых мизерных. А вся добыча достигает 100 миллионов тонн в год — восьмое место в капиталистическом мире. Признанным лидером по нефтедобыче является Абу-Даби, за ним следуют Дубай и Шарджа.

В остальных четырех эмиратах пока лишь ведется разведка на нефть.

«Нефть — это «хлеб» современной промышленности, — любит повто- рять шейх Заид на приемах, которые он устраивает для знатных особ. — Без нее цивилизованному миру нечего и делать. Нам не нужны ни поли- тические партии, которые мы запретили, ни общественные организации. Мы живем по законам Корана и «черного золота».

Заид любит поговорить и о тех мероприятиях, которые он осуществил за годы своего правления в Абу-Даби:

«Мы создали национальную государственную нефтяную компанию АДНОК. Она участвует в руководящих органах иностранных нефтедо- бывающих компаний. АДНОК наблюдает за разведкой, добычей, пере- работкой нефти, руководит продажей бензина, керосина внутри страны. Она занимается еще и подготовкой национальных кадров нефтяников».

Когда однажды Заиду задали вопрос, не намерен ли он полностью на- ционализировать иностранные компании, которые наживаются на при- родных богатствах страны, он сказал:

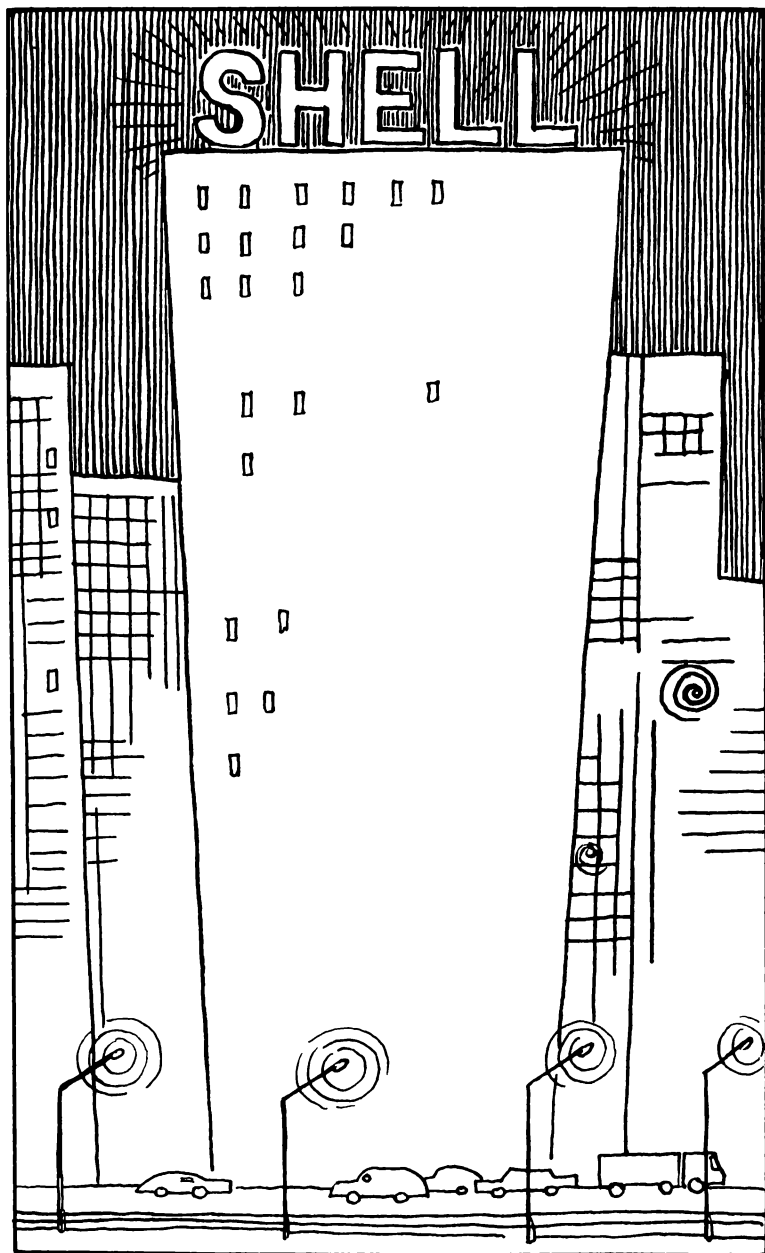
«Нет, нас вполне устраивает шестидесятипроцентное участие в капи- тала иностранных концессионных компаний...»

В ОАЭ десятки нерешенных проблем. Неурядицы существуют в го- сударственных учреждениях, органах местной власти на нефтепромыс- лах, роскошь соседствует с вопиющей беднотой. А феодальные правите- ли, расходуя на военные цели более 30 процентов бюджета, по сущест- ву все глубже втягиваются странами Запада в их военно-политическую орбиту. Они же выступают против проведения социальных реформ в интересах трудящихся, во всем уповая на волю аллаха и неф- тяные кладовые, которыми их одарила природа.

А Шахбут? Вряд ли стоит думать, что экс-шейх снова пересел с «кадиллака» канареечно-желтого цвета на облезлого верблюда. Он успел заблаговременно перевести свои капиталы в банки Нью-Йорка, Парижа. Говорят, что Шахбут на старости лет стал звездочетом-приоритателем. Своему братцу он уже предсказал тот же конец, который в свое время постиг и его. Но пока Заид благополучно правит Абу-Даби, являясь президентом государства Объединенные Арабские Эмираты.

ЗА ФАСАДОМ БРУНЕЙСКОЙ «ВЕНЕЦИИ»

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТЕР

В просторном, но строгом кабинете управляющего компании «Бруней шелл петролеум» раздался телефонный звонок:

— С вами говорит представитель японского концерна «Мицубиси» господин Ямада. Добрый день, сэр! — Ямада довольно бегло изъяснялся по-английски, правда, с небольшим акцентом. — До нас дошли сведения, что вы подыскиваете партнера для сооружения завода по сжижению природного газа. Мы хотели бы предложить самые льготные условия. Примите их, и — уж верьте! — не пожалеете!

А через день-другой в главной конторе филиала англо-голландского нефтяного концерна «Ройял датч шелл» — солидный дом в центре города Сериа, лежащего на западной оконечности Брунея — хозяева принимали достаточно высокого японского гостя. Ямада прилетел из Токио не с пустыми руками. Сначала он одарил будущих компаньонов золотыми запонками и массивными кольцами с жемчужинами величиной с перепелиное яйцо, ультрамодными часами с программным устройством, уникальными автоматическими фотоаппаратами, чудо-зажигалками... А когда все перешли в кабинет управляющего, молчаливые помощники господина Ямады проворно развесили на легких складных штативах чертежи, рисунки и технические расчеты будущего предприятия.

Ямада давал пояснения, попыхивая сигарой, отвечал на многочисленные вопросы.

— Это будет гигантский комплекс. — Гость водил указкой по схеме завода. — Вот из этих резервуаров мы сможем перекачивать сжиженный газ к молу, откуда флот танкеров будет доставлять топливо к нашим электростанциям и предприятиям на острове Хонсю. Предполагается оснастить завод для мер безопасности телевизионными камерами. Через них легко просматривается вся его территория. Общая стоимость строительства по нашим подсчетам — триста миллионов долларов. Не сомневайтесь, смешанное предприятие «Шелл» — «Мицубиси» удивит наш бранный мир. Мы предполагаем, что доля участия правительства султаната Бруней в нем может составить до десяти процентов. Не больше. — И, перейдя на полусевер, Ямада добавил: — Само собой разумеется, султан Брунея мудрейший Хассанал Болкиах Муиззадин Ваддаулах мог бы пожелать и более выгодный для себя контракт, дабы стать еще богаче. Но он достаточно реалистичен для того, чтобы понять: столкновение с могущественным концерном «Шелл» может подорвать основы его собственной власти. Мне не хотелось бы во всех деталях напоминать вам, господа, о чем писала пресса, когда в 1967 году от трона отрекся его отец Али Омар Сайфуддин, замечу лишь — главным поводом послужила некоторая строптивость старика. Он, как говорится, старался открыть рот шире, чем мог откусить. Омар пожелал для себя большего от эксплуатации нефтяных богатств страны. Тогда Лондон и убрал его с политической арены. Англию вполне устраивал молодой, неопытный сул-

тан, выпускник британского колледжа Хассанал Болкиах... И пока, мы видим, он оправдывает надежды, не так ли, господа?

Хозяева кривились от столь солдатской прямолинейности, но согласно качали головами. Точная информация японца обезоруживала. Они — гордые и напыщенные — представляли в этой просторной комнате «мозговой трест» англичан и голландцев, которые живут в брунейском городе Сериа замкнутой колонией, в обстановке роскоши, присущей нефтяной элите. В их особняках установки для охлаждения воздуха, игральные машины, теннисные корты и единственная на всю страну площадка для игры в гольф. Но эти прелести есть сегодня. Есть до поры до времени. Япония — не панацея, но...

От имени правления «Бруней шелл петролеум» выступил управляющий. Он поблагодарил японского посла за щедрые дары и заверил его в искренних симпатиях. Затем подчеркнул, что проект завода — это последнее слово техники — им приглянулся, что в основном они принимают условия «Мицубиси». Но под конец своей подчеркнул любезной речи англичанин не преминул вставить шпильку:

— В условиях, когда мир переживает нефтяной голод, когда Япония вынуждена сократить, резко сократить вывоз нефти из Ирана, с Ближнего Востока, а в целом энергетические проблемы вашего государства носят долговременный характер, в Токио должны чрезвычайно высоко оценить, во-первых, то обстоятельство, что наша компания ежедневно отправляет в Страну восходящего солнца по сто восемьдесят тысяч баррелей нефти с низким содержанием серы и по весьма умеренным ценам и, во-вторых, что мы, согласившись взять «Мицубиси» в компаньоны, обеспечим Японию дополнительным источником энергии — газом.

Ямада смолчал, учтиво поклонился и, считая, что он уже забил свой гол и встреча окончена, приказал помощникам уложить в чемоданы наглядные пособия, запрятать в чехлы алюминиевые штативы.

Кто-то из членов правления, уловив некоторую нервозность Ямады, все же появившуюся после реплики управляющего, ехидно заметил:

— И вообще, господин Ямада, вам с нами лучше дружить, а не конфликтовать. Остров Калимантан, где вы сейчас находитесь, раза в два ближе к любому японскому порту, чем страны Персидского залива. Учтите еще и то, что некоторые концессии в Брунее получены «Шелл» до двухтысячного года и даже дальше...

Ямада об этом знал не хуже тех, кто находился в кабинете. Он просто, как истый японец, чей отец носил самурайский меч, а брат был летчиком-камикадзе, остро переживал упрек, брошенный в адрес его страны, лишенной сырья. Недаром Японию иногда называют колоссом на глиняных ногах. Разве такое может вызвать восторг? Ах уж эти англичане! Его, бывшего офицера Квантунской армии, которую, правда, разгромили русские в конце второй мировой войны — русские, а не английские солдаты, — теперь они решили его унижить! Это возмутительно! Он даже вспотел от бурлившего в нем гнева. Но во имя сделки надо молчать. Он не имеет права огрызаться. «Мицубиси» предпочитает прибыль, а не вспыльчивость своих служащих...

С того дня, когда Ямада посетил султанат Бруней, прошло время. Один из самых крупных в мире заводов по сжигению газа «Шелл» — «Мицубиси» уже производит продукцию. Да и вообще за минувшие годы японские фирмы значительно активизировали в Брунее свою деятельность. Но до сей поры «Бруней шелл петролеум» здесь государство в государстве. «Шелл» — вот кто подлинный хозяин маленького султаната, приютившегося на северо-западном берегу острова Калимантан. Добыча нефти, ее сбыт определяют до последней булавки экономическую жизнь страны, где проживает чуть больше двухсот тысяч человек. Но по твердому убеждению Англии, польза Брунея для Лондона выходит далеко за пределы вклада «Шелл» в платежный баланс Великобритании. Оказывается, султанат имел... военное значение.

Подчеркиваем — имел. Дело в том, что 1 января 1984 года на карте мира появилось новое суверенное государство — султанат Бруней. В этот памятный день ушел в историю последний колониальный оплот Великобритании в Юго-Восточной Азии. А если вспомнить, то по соглашению 1971 года между Брунеем и Англией султанат был обязан не только вербовать солдат и финансировать свои собственные вооруженные силы, но и покрывать расходы на содержание английских войск и наемников-гуркхов. Направляя поочередно подразделения своих солдат в Бруней из Гонконга, англичане обучали их боевым действиям в джунглях, готовя специальные отряды головорезов по образу и подобию американских «зеленых беретов», которые свирепствовали в годы войны во Вьетнаме. Наемники-гуркхи с давних времен числятся в военном ведомстве Англии в качестве резервной силы. В случае надобности их можно быстро перебросить по воздуху в Гонконг или иное место. А в обычные дни гуркхи, базирующиеся поблизости от штаб-квартиры «Бруней шелл петролеум» на западной оконечности Брунея, были призваны в первую очередь защищать интересы Великобритании в Брунее, который полностью оплачивал их постой. Разве стоит в этой ситуации удивляться, что расходы султаната на военные нужды вдвое превосходили сумму, выделяемую бюджетом на образование!

Эту малоутешительную статистику можно дополнить некоторыми другими цифрами прошлого. Если принять за основу доход, получаемый страной за счет сбыта нефти и газа на душу населения, то Бруней можно поднять на пьедестал почета и считать самой богатой страной Юго-Восточной Азии. Но средства государства распределялись далеко не так равномерно, как это выглядело в официальных отчетах. Невиданная роскошь здесь постоянно соседствовала с угрюмой нищетой.

Одна категория более или менее сносно оплачиваемых граждан государства — это малайцы, исповедующие религию ислам. Они составляют чуть больше половины населения. Малайцы, как правило, занимают административные посты, хотя очень немногие имеют техническое или специальное образование. Четверть населения — китайцы. Не случайно о Брунее неоднократно упоминают древние китайские хроники. Здесь находился важный перекресток морских торговых путей, которые связывали Индию с Китаем. Большинство нынешнего китайского населения при-

было в страну в нынешнем веке. Они занимаются торговлей, выступают в роли вербовщиков дешевой рабочей силы в соседнем Сараваке, занимают посты в компании «Шелл».

Остальную часть населения, живущего на самые низкие доходы (не считая, естественно, англичан и голландцев, работающих в «Шелл») составляют племена Калимантана, арабы, пакистанцы, индийцы, черно-рабочие из Саравака.

ЖИЗНЬ НА ВОДЕ

Кампонг айр (поселок на воде) — так называют огромный район столицы, состоящий из домиков, а чаще — грязных сараев, стоящих на сваях, вколотенных в берег на мелководье. Жилища связаны между собой шаткими мостками, от квартала к кварталу можно добраться на утлой лодчонке. Первым из европейцев, описавших кампонг айр со всей его необычной жизнью, был итальянец Пигафетта из экспедиции Магеллана 1521 года.

В наши дни кто-то с горькой иронией называл эти поселения брунейской «Венецией». Конечно, спустя более чем четыре века, многое изменилось в сегодняшних поселениях на воде. Но несмотря на несметные богатства, которые начиная с 1929 года приносят стране нефтеносные пласты Брунея, далеко не все в кампонг айр сводят концы с концами. Здесь постоянно разыгрываются человеческие трагедии отверженных, для которых социальные проблемы были и остаются нерешенными. В ответе за эти драмы — все те же хозяева «Шелл».

Из истории «Ройял датч шелл». Ее основоположники — голландцы

А ЛОШАДИ ЛУЧШЕ?

В современной Англии, жители которой давно привыкли видеть лошадей, пожалуй, лишь на конно-спортивных состязаниях, ажиотаж: во многих районах для фермеров создаются курсы по работе с лошадьми. Теоретические занятия подкрепляются практикой: учащиеся пашут, боронуют, сеют, постигают науку содержания животных на фермах. Идею возврата к четвероногим помощникам подали жители сельской местности: многие фермы отказываются от использования в сельском хозяйстве дорогостоящих тракторов. «Лошадиная сила» не требуется ни запчастей, ни бензина, ни солянки», — рассуждают они.

Кстати, в Англии до сих пор любят вспоминать историю, связанную с началом эпохи железнодорожного транспорта, в которой была замешана... лошадь. Это случилось в октябре 1829 года под Ливерпулем. Энтузиасты-любители решили провести гонки паровозов. «Если можно играть на скачках, — рассуждали они, — то чем хуже паровозные бега?» Заявлено было пять паровиков. В самый

из нефтяной компании «Ройял датч петролеум», получившие в 1890 году концессию на Суматре. Семью годами позже лондонский коммерсант Самюэль основывает транспортно-торговую фирму «Шелл транспорт энд трейдинг». Потребовалось еще десять лет, прежде чем эти обе фирмы поняли, что на больших дорогах легче разбойничать сообща. Во имя этой цели они решили объединиться. Так возник поныне сохранивший свое название «Ройял датч шелл» — всесильный концерн, имеющий более пятисот дочерних компаний и филиалов в ста с лишним странах.

Перечислить все, чем владеет концерн, сколько под его началом трудится рабочих, техников, инженеров, капитанов танкеров, директоров заводов, вряд ли возможно. Да и надо быть откровенным — нефтяные дельцы не очень охотно дают интервью, а если им и приходится открывать свои карты, то даже тогда на честность бизнесменов «Шелл» положиться нельзя.

В высший эшелон власти «Шелл» — лондонский небоскреб концерна хорошо виден из разных районов британской столицы — входит свыше шести тысяч человек. В большинстве своем эти люди видели и хорошо знают, что такое бензин, который приводит в движение их личные автомашины. Но рассказывают, когда однажды на торгах по сбыту нефти какой-то чиновник концерна в шутку спросил, кто из его коллег видел нефть на буровой, выяснилось, что никто даже близко не стоял у буровых скважин. Зато эти люди с точностью до одного барреля знают, сколько за одну неделю концерн выкачал «черного золота» из скважин стран Азии, Ближнего и Среднего Востока, Африки, Латинской Америки.

Самым солидным держателем акций «Шелл» является британский дом миллиардеров Лазаров. Определенный интерес к концерну питает и само правительство Англии: свыше половины его доходов от загранич-

канун состязаний у паровоза под названием «Несравненный» вдруг вышел из строя водяной насос. Машинист, который в молодости был фермером и хорошо знал лошадей, предложил хозяину взгромоздить дрессированную конягу на платформу вместо парового котла и заставить ее с помощью педалей крутить колеса паровоза.

Номер, естественно, не удался. Строгие судьи дисквалифицировали машиниста, а хозяину, говоря современным языком, «поставили на вид».

Теперь это звучит как анекдот, но тем не менее гонки остальных четырех паровозов состоялись и их результаты вошли в историю «паровозных» рекордов. Победу одержала «Ракета» Джорджа Стефенсона, которая прошла дистанцию в 2,7 километра, развив максимальную скорость — 44 километра в час. Спустя одиннадцать месяцев — в сентябре 1830 года, — «Ракета» провела по расписанию первый пассажирский состав от Ливерпуля до Манчестера и обратно.

Ну а Стефенсон после такого триумфа основал собственную фирму и начал строить паровозы не только для Англии. Имя первого паровозного «гонщика» вскоре стало известно во всей Европе.

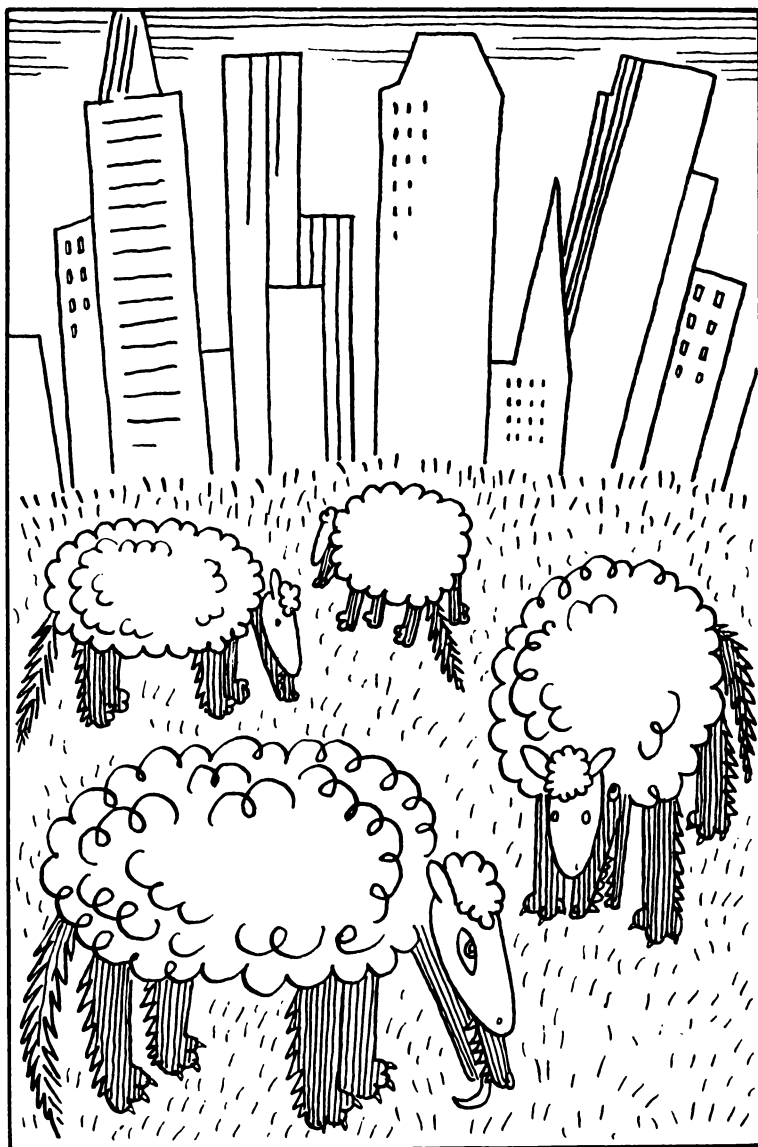
ных капиталовложений приносят «Шелл» и «Бритиш петролеум». И Лондон всеми силами помогает своим дойным коровкам удерживать нефтяные концессии в разных частях света, в том числе и в Брунее.

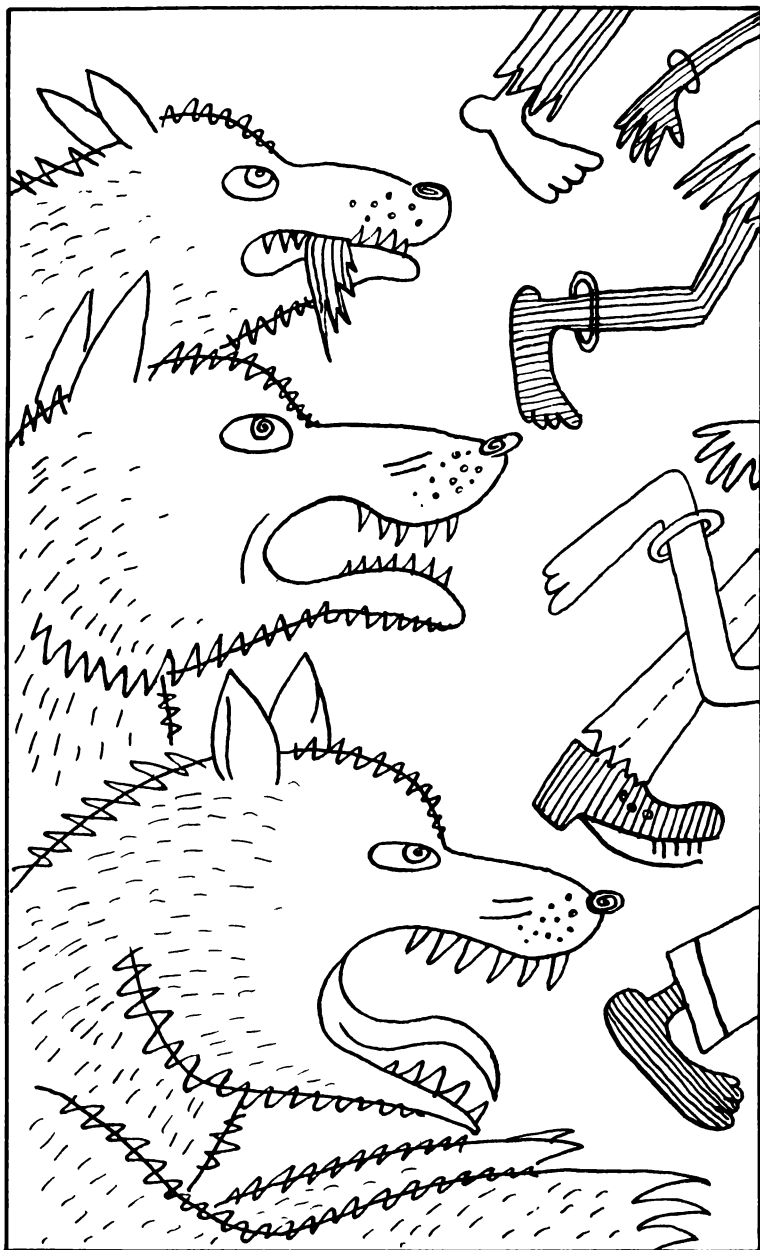
До 1947 года в столице султаната не было ни одного коммерческого банка. Сейчас их восемь (на два больше, чем кафе). Финансовые тузы уже не заключают свои сделки в хижинах с соломенной крышей, как в те времена, когда открылся первый банк. Здесь появились филиалы банков США, Сингапура, Малайзии. Наиболее агрессивными признаны американские. Один из их руководителей незадолго до 1984 года так охарактеризовал свое отношение к Брунею: «Мы устремляемся в эту страну, буквально расталкивая всех локтями. Это надо делать теперь, пока султанат не закрыл перед нами свои двери».

Слова циника, в которых заключено свидетельство растущих интересов США в Брунее.

Да, вряд ли кто возьмется отрицать возможность будущих баталий между монополиями Англии и США на нефтяных полях Брунея. Агрессивный характер тех и других известен.

**ЯНКИ ДОМА
И «К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА»**

Прозвучал выстрел стартового пистолета, и по гаревой дорожке, наращивая скорость, бросились на побитие рекорда спортсмены. Один забег следует за другим. Однако заветной отметки на шкале высших достижений так никому и не удастся достичь... Этот образ можно, пожалуй, применить в той ситуации, которая сложилась сегодня в капиталистическом мире. Большинство стран Запады испытывают острую нехватку нефти. Но одним из них, таким, как Соединенные Штаты, Англия, за счет крепких разжиревших монополистических объединений и собственных потенциальных запасов топлива удастся вырваться вперед. Остальные ловчат, изворачиваются и все равно плетутся в хвосте, едва сводя концы с концами.

Но даже и США уже потеряли свое ведущее положение в мировой нефтедобыче, уступив его Советскому Союзу.

В Соединенных Штатах весьма ревностно и с кислой миной встречают вести об успехах советских нефтяников. За истекшие два десятилетия короли нефти к своему антисоветскому «крестовому» походу подключили и средства массовой пропаганды. Помнится, в 1960 году, когда с берегов Волги, через Среднерусскую возвышенность и Карпаты начали прокладывать нефтепровод «Дружба», на страницах газет и журналов, контролируемых нефтяными магнатами Запады, изо дня в день публиковались статьи под заголовками: «Тень русской нефти на Западе», «Красная нефть подрывает стратегию НАТО», «Нефть — новое оружие Советов» и так далее. Дело дошло до смешного: нефтяные монополии США потребовали помощи от правительства в организации «объединенного фронта для борьбы против нефтяного наступления Москвы». Сенатор-республиканец от штата Нью-Йорк Кеннет Б. Китинг договорился до того, что если, мол, такой «фронт» не будет создан, то через три года «Соединенные Штаты, Азия, Латинская Америка и Африка окажутся затопленными коммунистической нефтью».

Вряд ли стоило говорить об очевидной вздорности подобных заявлений, если бы они не повторялись в США столь назойливо и если бы они не стали предметом внимания официальных кругов Вашингтона, хотя никто никого не «затопил» не только через «три года», но и через почти три десятилетия.

Поныне находится много любителей порассуждать на тему о «красной опасности». Гадалки и прорицатели из ЦРУ решили, к примеру, заподозрить Советский Союз в подготовке к... захвату ближневосточных источников нефти.

И снова пресса запестрела крикливыми заголовками о «руке Москвы», «угрозе Кремля», «красной опасности».

Попробуем разобраться в истинных причинах этой пропагандистской вакханалии. В одной из глав мы рассказали о тесных связях королей нефти с ЦРУ. Шеф американской разведки Аллен Даллес еще в начале 50-х годов выступал против расширения торговли нефтепродуктами между Западом и Советским Союзом, предрекая, что ввоз советской нефти поставит западные страны «в опасную зависимость от Москвы».

Сегодня в ЦРУ сочинили и записали новый вариант пластинки о «советской угрозе». Да, предупреждают ее авторы, СССР намеревается захватить нефтепромыслы на Ближнем и Среднем Востоке. Ему помогают молодые развивающиеся государства. Хотите верьте, хотите — нет. Мы не ворожей, мы аналитики... Не желаете быть проглоченными, обращаются они к монархическим, наиболее близким к ним режимам, покупайте в США оружие, «на случай отражения нападения Советов и молодых развивающихся государств». И те, поддавшись панике, швыряют на танки и самолеты миллионы долларов. Довольны нефтяные короли, рады короли пушечные. Фальшивка о «советской угрозе» обрела реальные формы.

Лишь за пять лет ближневосточные монархи заплатили западным монополиям за оружие 40 миллиардов долларов!

Персидский залив... Вдоль его опаленных безжалостным солнцем песчаных берегов, пожалуй, самой примечательной деталью пейзажа можно считать буровые вышки и нефтяные качалки. В этом районе сосредоточено 60 процентов разведанных запасов нефти капиталистических стран. Сотни миллионов тонн «черного золота» вывозится отсюда ежегодно в США, Японию, Африку, Западную Европу. Через Ормузский пролив, соединяющий Персидский залив с Индийским океаном, каждые пятнадцать минут проходит огромный танкер. Одна тонна жидкого топлива оценивается в 220 долларов. А при разовых продажах нефти на рынке в Роттердаме или Сингапуре, где принято расплачиваться наличными, и того дороже.

Сбытовая цена нефти значительно превосходит цену, которая требуется, чтобы ее извлечь из земли. Иногда пласты залегают настолько близко к поверхности, что ее черпать можно чуть ли не ковшом с длинной ручкой. Так, например, шутят, что бурить скважины в районе Персидского залива — это все равно что печатать деньги. Там нефть находится не на очень большой глубине и поднимается по скважинам сама под естественным давлением.

Иное дело в США. Чтобы там добыть одну тонну нефти, нужно затратить несколько десятков долларов. На ту же тонну в районе Персидского залива уходит 0,3—0,9 доллара.

Столь значительная разница в цифрах возникает, конечно, не только по причине выгодных или неважных природных условий. Есть и социальные причины. Например, в таких высокоразвитых капиталистических странах, как США, Англия, Норвегия, где существует свое «черное золото», нефтяные магнаты вынуждены платить геолого-разведчикам, буровым мастерам, инженерам раз в десять больше за ту же работу, которую выполняют загнанные нуждой на прииски в районе Персидского залива обездоленные люди из стран Азии.

В Соединенных Штатах Америки, Англии, Голландии издается немало прекрасно иллюстрированных книг, которые содержат увлекательные рассказы о богатейших нефтяных кладовых развивающихся стран. Авторы подробно, со знанием предмета описывают, где и как добывается

нефть, каким образом ее перерабатывают, получая бензин, керосин, смазочные масла. Называются и компании, которые занимаются нефтепромыслами. У человека, прочитавшего такую книгу, создается полное представление, что арабскую нефть добывают для себя арабы, иранскую — иранцы, а нигерийскую — нигерийцы. Они же и распоряжаются ей как хотят.

К тому, что уже говорилось в отдельных главах, добавим три примера.

В небольшом эмирате Рас-эль-Хайма на Персидском заливе была-таки создана национальная компания.

Однако разведку нефти по-прежнему ведет консорциум западногерманских, американских, канадской, голландской и итальянской компаний.

В Иране в семидесятых годах был установлен государственный контроль над нефтедобычей.

Однако иностранные монополии смогли сохранить в этой стране важные позиции.

Не хотят окончательно сдавать своих позиций и иностранные монополии в Нигерии. Несмотря на то что в стране учреждена Нигерийская национальная нефтяная компания, поставляют нигерийскую нефть за океан все те же иностранные компании.

И так далее.

Тот день, когда монополии окончательно исчезнут с лица земли, еще не настал. Вот почему там, куда протянулись их щупальца, любые полезные ископаемые — золото, серебро, нефть, газ, уголь, свинец, олово, — извлеченные из земных недр, теряют свою национальную принадлежность данному государству и начинают прежде всего служить иностранному капиталу.

«Нефть — это масло, которое вычерпывают из колодцев. Оно бывает зеленое, белое и черное. Зеленое есть неподалеку от Дербенда. Белое — в Баку и Мукане. Черное же в пределах Балхана. Его перегонкой превращают в белое. Называется это «тактир». Так выглядит отчет придворного ученого Мухаммеда Ибн Наджиба Бекрана своему повелителю, составленный столетия назад, в котором он к тому же сетовал, что до сих пор «города в районе Балхана нет».

А в первые послевоенные годы у подножия хребта Большой Балхан появились первые изыскатели, инженеры, строители. Им бы, только что пришедшим с полей Великой Отечественной, отдохнуть, оправиться после тяжелых окопных дней и ночей, а нет! Одни не успели сменить гимнастерки на гражданские рубашки, другие, излечившись от ран, только что выписались из госпиталей.

Но каждый комсомолец знал: страна доверила ему воздвигнуть столицу туркменских нефтяников.

И ребята построили этот город, названный Небит-Даг — Нефтяная Гора.

«Черное золото» Небит-Дага и Сургута, Нефтеюганска и Нижневартовска принадлежит нашему народу, и каждая добытая тонна находит отражение в отчетах Центрального статистического управления СССР. А то, что еще предстоит получить из недр, фигурирует в перспективных планах Коммунистической партии Советского Союза. Нефть принадлежит народу.

Это звучит гордо, но и возлагает на людей ответственность за ее экономию, за бережливое отношение к той энергии, которую она вырабатывает.

Мы нередко с известной долей пренебрежения говорим: «В нашей стране очень дешевая электроэнергия». Правильно ли это? Разве перекрыть Енисей или построить атомную электростанцию так просто и дешево?! А разведать необозримые просторы Восточной Сибири, освоить шельф Сахалина — это ли не огромные затраты человеческого труда, мужества, отваги и героизма?! Не будем приводить расчеты, цифры, которыми мы, пожалуй, в избытке заполнили предыдущие страницы книги.

Напомним лишь: даже единицы, десятки киловатт электроэнергии, литры, гектолитры топлива необходимо беречь.

В противном случае нашему народному хозяйству не хватит никаких миллиардов.

Не могу не рассказать, как однажды, отдыхая в замечательном Доме творчества журналистов и кинематографистов на берегу Черного моря, я стал свидетелем безответственного поведения водителя автокрана. Дирекция Дома приступила к строительству дополнительной крытой галереи под «малые» спортивные игры. Для укладки железобетонных плит понадобился автокран. Тяжелые плиты подвозили со склада, как говорится, через час по чайной ложке на специально оборудованном грузовике. И все эти часы водитель автокрана, отрегулировав мотор на малые обороты, пребывал в состоянии безмятежного спокойствия в тени самшитовой рощицы. Мало того, что непрерывный шум двигателя мешал людям отдыхать, что дизель коптил небо, но ведь сгорало без надобности ценное топливо! Когда водителя призвали к ответу, он разъярился: «А мне лень то заводить, то выключать мотор. Как хотите, так считайте, прав я или нет...»

Что это? Нищета демагогии или эту расхожую фразу человек избрал в качестве «отпущения грехов» за собственное разгильдяйство и своеволие?

Что бы ни было, но такой водитель заслуживал самого строгого осуждения.

Рациональное использование топливно-энергетических ресурсов — одна из актуальнейших проблем.

Будем откровенны: даже в такой крупной нефтедобывающей стране, как Соединенные Штаты, к вопросу об экономии энергии и энергоресурсов капиталисты относятся со всей серьезностью. Иное дело, что они позволяют себе порой безнаказанно, а иногда и с помощью откровенного шантажа и военных угроз присваивать чужую нефть, газ. Но зато, когда

дело касается своих, домашних кладовых, нефтяной бизнес пристально следит за их использованием, выколачивая при этом из каждой добытой тонны максимум прибыли.

Одним словом, янки дома и «к востоку от Суэца» — не одно и то же.

Стоит в этой связи обратиться к итогам одной из проходивших в Токио встреч руководителей семи крупнейших капиталистических стран. Такие встречи «в верхах» ведут свое начало от переговоров в 1975 году в Рамбуйе, близ Парижа, когда ее участники сделали попытку преодолеть, хотя бы на словах, экономическое потрясение, которое с той поры стали именовать «первым нефтяным кризисом».

В том году в помпезном токийском дворце Акасака главной темой дискуссий также стала энергетика. Ожесточенная полемика развернулась вокруг нефти.

За огромным овальным столом зло и возбужденно пикировались шесть мужчин и одна женщина — премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер.

В итоге токийской встречи появилась на свет очередная декларация. В ней в плохо завуалированной форме вновь прозвучало стремление правительств капиталистических стран продолжить неоколониальную эксплуатацию развивающихся государств и сделана очередная попытка взвалить на страны ОПЕК ответственность за нынешнее обострение хозяйственных проблем в западном мире. Документ включал в себя и торжественные обещания стран-участниц увеличить разработку и эксплуатацию собственных нефтяных полей, экономнее расходовать энергию...

Экономия нефти, экономия... Эти слова, как заклинание, кочуют из одного западного периодического издания в другое. На практике сия немудреная форма выглядит так: сберегая собственные нефтяные ресурсы, расхищать чужие. А чтобы экспансия выглядела более благопристойно, не походила на разбой, правящие круги Вашингтона громогласно объявляют районы, где концентрируются эти чужие ресурсы, «сферами жизненных интересов» США. Под прикрытием этого пиратского флага они и продолжают делать попытки закабалить народы нефтедобывающих государств.

А на разных дипломатических приемах или в кулуарах Организации Объединенных Наций американцы во фраках в ответ на упреки за такую гнусную политику научились цитировать бывшего государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса: «У Америки нет друзей, у нее есть только интересы».

А теперь познакомимся с технической стороной проблемы. В числе так называемых «альтернативных» энергоисточников — угля, горючих сланцев, солнечной, геотермальной энергии — важное место занимает атомная. Есть она и в СССР. Сооружается ряд новых АЭС. В восьмидесятых годах преимущественное развитие атомная энергетика получит в европейской части СССР.

Если говорить о западных странах, то там все чаще возникают дис-

куссии, спорят об опасности для человека ядерной энергии. Советские ученые, проанализировав эту пропагандистскую кампанию, пришли к выводу, что она продиктована не столько действительным беспокойством радиоактивного загрязнения окружающей среды, сколько политикой крупных нефтяных монополий. Нефтяные «киты» опасаются, что конкуренция со стороны быстро прогрессирующей ядерной энергетики может подорвать их доходы. Ну а на всякий случай нефтяные компании США уже теперь прибирают к рукам запасы урановой руды — того сырья, без которого не даст ток ни одна АЭС.

Пока на долю АЭС приходится около восьми процентов мирового производства электроэнергии.

Для производства такого же количества электроэнергии на станциях с жидким топливом потребовалось бы ежегодно свыше 200 миллионов тонн нефти.

Добыча нефти — это не только геологоразведка и бурение скважин. Почти каждое вновь открытое месторождение предполагает сооружение технологических промысловых установок, резервуарных парков, ввод линий электропередач различных напряжений, прокладку нефтяных, газовых и водных коммуникаций, асфальтированных или железобетонных дорог, линий связи и, наконец, возведение городов или поселков нефтяников.

Так обстояло дело раньше. Как правило, это объекты необходимы и теперь.

Но век научно-технической революции диктует свои условия и в области нефтегазовой промышленности.

В СССР некоторое время назад при освоении новых месторождений приступили к широкому техническому перевооружению производства и

СУДА-САНИТАРЫ

Суда-санитары — техника остро необходимая для очистки и промывки танкеров, для отсасывания нефтепродуктов с поверхности моря после катастрофы танкера.

Однако значительную часть времени эти суда простаивают без дела.

К счастью, аварии случаются не так часто, а промывать танкеры каждый день тоже нет нужды. Вот и приходится говорить о нерентабельности таких судов.

Инженеры голландской фирмы «ИХЦ-Холанд» предложили сделать суда-санитары, так сказать, по совместительству, землесосными снарядами. Земснаряд нарасхват в любом порту.

комплексной автоматизации. Цель одна — повышение темпов роста добычи жидкого топлива. Представьте себе уютный особняк на берегу полноводной таежной реки, вокруг которого нет ни буровых вышек, ни случайно залитых нефтью полян, ни бульдозеров, ни цистерн на подъездных железнодорожных путях. В доме живут несколько семей. Одна из комнат выделена под пульт управления нефтеприиском, который находится за двести — триста километров среди непроходимых болот. Мигают красные, синие, желтые, зеленые лампочки, дрожат стрелки приборов, на табло мелькают цифры тонн бегущей по трубам нефти. Это и есть штаб автоматизированного промысла, работающего без обслуживающего персонала, управляемого на расстоянии. Сказка? Нет. Над этой замечательной проблемой трудятся ученые, конструкторы нефтяной и смежных отраслей промышленности. Ее внедрение в жизнь позволит, не создавая новых поселков и городов, производственных баз и коммуникаций, эксплуатировать месторождения в самых труднодоступных районах страны.

Нельзя забывать и о старых районах нефтедобычи, где по законам физики в глубинных пластах залеганий жидкого топлива постепенно снижается давление, и «черное золото» отказывается без искусственных мер подниматься по трубам на поверхность земли. В нашей стране успешно внедрена технология вытеснения нефти водой. Ее закачивают под большим давлением в теоретически и практически продуктивные пласты. Машиностроители, химики, приборостроители, ученые других областей науки разрабатывают и другие комплексные способы извлечения жидкого топлива из недр, казалось бы, навсегда отживших свой век нефтепромыслов.

Некоторые фирмы в США также проводят эксперименты по добыче нефти из старых месторождений. Компания «Гетти ойл», например,

Приливы постоянно наносят в бухты песок, гальку, и поэтому приходится вести дноуглубительные работы.

Ну а если поступил сигнал бедствия, «санитар» незамедлительно снимается с якоря, землесосные трубы заменяются «сборщиками нефти», подключаются специальные насосы и судно спешит навстречу нефтяному пятну.

Зайдя с наветренной стороны, земснаряд с помощью особых ножей соскребает с поверхности воды слой нефти и как бы подталкивает грязь к мощным насосам. Часть воды, которая попадает вместе с нефтью в танки, установленные на борту, пропускается через сепараторы и выбрасывается наружу.

Когда танки полностью загружены, земснаряд возвращается в порт или перекачивает их содержимое в подошедший танкер.

Идея, заслуживающая внимания...

применяет для этой цели в штате Южная Каролина парогенераторы. Они нагнетают в пласты подогретый пар. Но, во-первых, для приведения в действие парогенераторов нужно сжигать нефть, что увеличивает производственные расходы. А во-вторых, парогенераторы выбрасывают в атмосферу слишком много двуокиси серы, что ведет к загрязнению окружающей среды.

Другой термальный процесс заключается в поджоге нефтяного пласта. Образующееся тепло «работает» в земных глубинах подобно тому же пару.

Газообразные продукты сгорания снижают вязкость нефти и вынуждают ее двигаться по направлению к скважинам. К сожалению, говорят американцы, весьма трудно при такой технологии контролировать процесс сгорания.

А это создает постоянную угрозу взрыва...

Представляет интерес еще один прием добычи нефти. По некоторым оценкам западных ученых в нефтеносных песках заключено несколько триллионов баррелей нефти. В канадской провинции Альберта пока что два предприятия экспериментально извлекают около пяти миллионов тонн нефти в день из нефтеносных песков в бассейне реки Атабаска. Запасы в районе оцениваются примерно в 1500 миллионов тонн, что в два с половиной раза превосходит разведанные запасы нефти на Ближнем Востоке.

Добыча нефти из песков напоминает разработку угля открытым способом.

Песок лежит неглубоко, под слоем гниющей растительности, которую сперва высушивают, а потом собирают и вывозят. На разработках используют мощные экскаваторы, которые вынимают каждую секунду

ВРЕМЯ ПО ГРИНВИЧУ

«К востоку от Суэца» — это выражение вошло в политический словарь еще в те годы, когда Англия в огромном районе, лежащем восточнее Суэцкого канала, владела своими колониями. «Владения Великобритании столь необъятны, — с горькой иронией говорили люди, — что над ними никогда не заходит солнце».

В наши дни на роль жандарма в районе «к востоку от Суэца» претендуют Соединенные Штаты Америки. Лондонским правителям это не доставляет радости. Утраченное превосходство задевает большое самолюбие английских колонизаторов. Вот почему они любят повторять: «Зато от нашего Гринвича весь мир ведет отсчет времени...»

Отсчет времени по Гринвичу стал практиковаться с 1884 года. Более трех столетий знаменитая Королевская обсерватория находилась в Гринвиче на берегу Темзы. Ее основал король Карл II в 1675 году. Теперь здесь музей, во внутреннем дворике которого сохранилась врезанная в асфальт бронзовая по-

три-четыре тонны породы. Песок по транспортеру подается в гигантские стальные барабаны, где с помощью горячей воды, пара и воздуха из породы извлекается битум.

Битум проходит химическую обработку. В результате отделяется углерод, сера, азот и получается сырая нефть. Для получения одного барреля нефти требуется 2,5 тонны песка. «Денежные затраты,— констатируют специалисты,— очень велики». Более того, чтобы не нанести ущерба окружающей среде, экспериментаторам приходится возвращать отработанный песок в котлован и восстанавливать верхний слой почвы. Но случилось однажды так, что пленка нефти на поверхности котлована расплзлась огромным черным пятном на несколько квадратных километров.

Это создало угрозу постоянно гнездившимся в здешних местах перелетным уткам.

Опасаясь нареканий, нефтедобытчики решили не зарывать «черную сыпь», а отделаться более дешевым способом: на нефтяном озере установили плавучие пугала величиной более двух метров каждое. Их оснастили мощными прожекторами для отпугивания птиц ночью. «Изобретатель» этого чуда техники получил солидную премию от хозяев консорциума «за находчивость».

Но без скандала не обошлось: против экспериментаторов выступила общественность.

Консорциум был оштрафован на приличную сумму.

Мы закончим этот экскурс в технику «выдавливания», «выпаривания» жидкого топлива из земных недр и песка красноречивым признанием президента одного из филиалов американской компании «Стандард ойл оф Индиана» Джорджа Галловея.

лоска — символ нулевого меридиана. Отсюда начинается вся система двадцати четырех часовых поясов, каждый из которых находится на удалении 15 градусов по долготе от соседних. Зная время по Гринвичу, легко установить, который в данный момент час в любой другой точке земного шара.

В 1948 году из-за сильного загрязнения атмосферы пригорода Лондона обсерваторию перевели за сто километров от столицы, в старинный замок Херстмонсо. Астрономам пришлось в этой связи к своим вычислениям добавить 81 секунду. В Херстмонсо находятся и главные атомные часы обсерватории. Однако выражение «по Гринвичу» так и осталось в обиходе.

Иногда спрашивают, действительно ли так уж точна система гринвичских часов, хранящих для человечества время? Оказывается, нет. Астрономам приходится даже их «доводить». Чтобы компенсировать возникающие по разным причинам расхождения, дежурный инженер обсерватории ежегодно в одно и то же время совершает предпозвогодний ритуал: перед наступлением полуночи он нажимает клавишу и добавляет одну «корректирующую» секунду ко времени по Гринвичу.

Фирма Галлоева некоторое время разрабатывала способ «выдавливания» нефти с помощью нагнетания в пласт углекислого газа в сочетании с водой.

Вот что он сказал:

— Это тоже весьма и весьма рискованное, малорациональное предприятие. В отличие от обычного заводнения пласта, когда в скважину подается вода, которую можно неоднократно использовать, нам приходилось иметь дело с весьма дорогостоящим веществом одноразового применения. Какой же смысл? Я с этой «новинкой» мог вылететь в трубу! Приоритет, безусловно, за методом вытеснения нефти обычной водой...

Что ж, в данном случае президенту можно верить. Его искренность диктуется все тем же рациональным подходом капиталиста к прибыли, желанием приумножить личные богатства. Ну и потому президент отвергает этот метод.

Коснись дело успешно проведенных опытов, он молчал бы и хранил производственный секрет за семью замками.

Да, в правила нефтезаправил конкурирующих компаний не входит излишняя откровенность, самореклама. Скорее, наоборот — они великие молчуны, хранители тайн. Но цену себе знают, доллары считать умеют без ошибки.

В истории сохранился такой факт: в 1919 году премьер-министру Франции Клемансо был вручен проект доклада весьма многозначительного содержания. Прочитируем один из его параграфов. «Тот, кто захватит нефть, захватит власть. Мощные финансовые связи с продуктом, более сильным на нашей планете, чем само золото, дадут ему власть над миром; власть над морями будет обеспечена благодаря тяжелым сортам нефтепродуктов; власть над небесами и над континентами благодаря бензину».

Примерно к такому же выводу несколько позже пришел и один из американских теоретиков Л. Денни, который писал: «Кто владеет нефтью, будет владеть миром, потому что благодаря мазуту он будет господствовать на море, благодаря авиационному бензину и керосину — на суше и в воздухе. И в дополнение он будет править своими собратьями в экономическом отношении благодаря фантастическим богатствам, которые он извлечет из нефти».

Да, для западных государств нефть издавна стала «товаром политического свойства».

Ее «стоимость» не знала себе равных. На одной чаше весов нефтяное богатство, на другой — сила, могущество, власть. Достаточно потерять один литр нефти, как автоматически на ту же емкость теряется преимущество сильного.

Вот почему мировой капитализм с неумолимой жестокостью следовал и следует курсом захвата и освоения богатых «черным золотом» районов.

В наши дни империалисты США называют откровенно цинично такие районы сферой своих «жизненных интересов». По расчетам вашингтон-

ских стратегов экспансия в нефтеносные районы должна укрепить военно-стратегический потенциал страны.

Примером тому может служить разработанный Соединенными Штатами план постоянного военного присутствия в зоне Персидского залива, богатой нефтяными ресурсами.

Советский Союз, страны социалистического содружества, развивающиеся государства осуждают агрессивную стратегию американских монополий, всего военно-промышленного комплекса. Мы противопоставляем политике алчного американского нефтяного бизнеса политику братского сотрудничества в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Мы уверены, что решение мировой нефтяной проблемы лежит не на пути конфронтации, а на дорогах международного сотрудничества, уважения суверенных государств — членов ОПЕК, равноправных отношений с ними. Мы выступаем за торговлю и обмен электроэнергией между энергообъединениями Восточной и Западной Европы.

Нефть считают наиболее удобным и дешевым видом энергетических ресурсов. Затем следуют газ, уголь. Враждебные СССР средства массовой информации, ссылаясь на бездоказательные прогнозы Центрального разведывательного управления США, не раз пророчили, что, дескать, нефтяные скважины в Советском Союзе «на грани истощения».

За рубежом нас часто спрашивают: переживает ли Советский Союз энергетический кризис? Кризиса не существует, но определенные трудности есть. Мы это не скрываем. Связаны они, например, с тем, что 80 процентов энергоресурсов СССР находятся на востоке страны, а 80 процентов потребления электроэнергии и 80 процентов населения — в европейском регионе. Вряд ли стоит доказывать, что транспортировка угля, нефти, газа на большие расстояния по железной дороге — дорогостоящее удовольствие.

Отсюда тоже трудности.

Некоторое время назад в советской и мировой печати появились сообщения о строительстве уникального по своей масштабности газопровода Уренгой — Помары — Ужгород.

Теперь этот могучий трубопровод от тюменского Севера до Карпат уже в строю.

Новый газопровод существенно увеличивает поставки горючего не только в города и населенные пункты нашей страны, но и в Западную Европу.

На сооружение газопровода средства ушли немалые — и в этом тоже трудности.

Но мы смотрим вперед, видим добрую отдачу всему народному хозяйству от его эксплуатации.

Уже много лет успешно действуют в рамках СЭВ энергосистема «Мир», нефтепровод «Дружба», газопровод «Союз». Этот триумвират доказал свою жизнеспособность, выгоду для всех стран, которые в нем участвуют. Он стал своеобразным заслоном на пути всяких неожиданностей...

Настанет время, когда ядерное и термоядерное топливо, энергия вет-

ра, морских приливов, солнца, подземное тепло придут на помощь человечеству. Но наука считает, что они окончательно не заменят нефть, газ, уголь, не заменят в обозримом будущем. Ведь помимо того, что эти полезные ископаемые составляют основу топливно-энергетического баланса любой индустриально развитой страны, их роль будет неизменно возрастать в химической промышленности. Вот почему и нам приходится постоянно думать о более бережном отношении к сырьевым ресурсам. В этом тоже одна из проблем...

Ну, а если говорить о возможностях улучшения характеристик турбореактивных двигателей, работающих на традиционном топливе, то оно, по мнению президента АН СССР академика Анатолия Петровича Александрова, лет через тридцать-пятьдесят, скорее всего, окажется исчерпанным.

А что же делать дальше?

Ученые предполагают, что затем будут создаваться двигатели, работающие на новом топливе.

Одним из наиболее перспективных считается водородное. Кое-где его тепер применяют в реактивных двигателях.

Подобное топливо для тепловых двигателей имеет ряд преимуществ перед органическим. Теплотворная способность водорода примерно в два с половиной раза выше. Основной продукт сгорания водорода — водяной пар, поэтому атмосфера не загрязняется вредными для природы веществами, ну а запасы водорода на нашей Земле практически неисчерпаемы.

А сколько приходится думать ученым о снабжении энергией наземного транспорта?

Вспомним лишь Москву.

Экономисты подсчитали, что на каждого москвича приходится примерно семьсот шестьдесят поездок в год. В среднем за сутки всеми видами транспорта в Москве перевозится до семнадцати миллионов пассажиров, а за год — более шести миллиардов человек, то есть почти в полтора раза больше, чем все население земного шара.

Московскому метро в этой огромной работе принадлежит особая роль. На его долю приходится в год почти два с половиной миллиарда пассажиров.

Ну, а для того чтобы все это «осилить», нужна энергия. Кроме того, ведь еще планируется расширение линий метрополитена, их выход за нынешнюю Московскую кольцевую автодорогу. Появятся так называемые «экспресс-линии» с десятком — двенадцатью вагонами, то есть поездами интенсивного движения.

Это уже не мечты, не сказка, а строчки из Генерального плана развития столицы — «Схемы комплексного развития транспорта Москвы до 2000 года».

Но за каждой строкой этого плана стоит еще одна, невидимая, — энергоснабжение транспорта.

Об этом нельзя забывать.

Наукой установлено, что все организмы, от простейших до позвоночных, утилизируя свою энергию, отдают созданный ими продукт «соседу» другого вида.

Эта «поточная линия» с безотходным производством и замкнутым производственным циклом существует за счет энергии Солнца и составляет среду нашего обитания.

За нарушение этого цикла приходится платить дополнительным расходом энергии.

Об этом забывать нельзя.

В нашей стране атомная наука зарождалась в пятидесятые годы.

Первая в мире атомная электростанция опытно-промышленного назначения была пущена в нашей стране летом 1954 года в городе Обнинске.

Пуск этой атомной электростанции открыл новое направление в использовании атомной энергии в мирных целях. До этого энергия атомного ядра использовалась преимущественно в военных целях.

Одним из конструкторов атомных реакторов был Николай Антонович Доллежал. Он — наш современник. И он — участник, точнее, исполнитель знаменитого ленинского плана электрификации России — ГОЭЛРО.

Н. А. Доллежал работал тогда в акционерном обществе «Тепло и сила». Здесь проектировали электростанции, монтировали оборудование.

Сегодня о тех временах можно вспоминать с доброй улыбкой и благодарностью — база оказалась прекрасной. В наши дни ученые смотрят, естественно, дальше. Они считают, что в пустынях и среди снежных равнин Севера, то есть в тех местах, где пустуют просторы, можно создать огромные промышленные комплексы — металлургические, химические предприятия, перерабатывающие сырье заводы.

Их «сердцем», дающим тепло и энергию, станут мощные атомные реакторы.

И это не мечта.

Однако в этой книге мы рассказали главным образом о так называемом традиционном топливе, добываемом из земных недр.

Как сложится его судьба в нашей стране?

Долгосрочная Энергетическая программа СССР предусматривает его дальнейшую добычу.

Главной топливно-энергетической базой страны останется Западная Сибирь.

Конечно, в связи с переходом приисков в отдаленные от центра, труднодоступные районы возникает много трудностей. Усложнилась технология добычи, значительно увеличилась глубина скважин — запасы нефти поверхностного залегания уже почти исчерпаны.

В нашей стране появилась самая глубокая в мире Кольская скважина — более двенадцати километров.

Глубокая скважина бурится в Азербайджане, на очереди Сибирь.

Так закладываются основы геологии XXI века.

Нельзя, конечно, забывать, что за последнее десятилетие затраты на каждую тонну нефти в СССР в связи с этим значительно выросли. Какой же напрашивается вывод?

Необходим переход на энергосберегающий, интенсивный путь развития всей отрасли.

Этот путь развития, образно говоря, должен заставить одну и ту же тонну нефти выполнять гораздо больше работы для народного хозяйства.

Предполагается к тому же резко сократить количество мазута для выработки электрической и тепловой энергии. Эта экономия в свою очередь высвободит значительные объемы нефти для перегонки в моторное топливо и использование нефти в химической промышленности.

Помимо упомянутого, немало нефти можно сэкономить, перейдя на дизельные моторы, развивая электрификацию транспорта, применяя новые технологии в сельском хозяйстве, где затраты горючего весьма велики.

О проблемах распределения энергетических ресурсов в разных странах говорилось на Международной конференции по новым и возобновляемым источникам энергии в конце 1981 года в Найроби (Кения). Общее мнение выступавших сводилось к тому, что нужно искать пути перевода основной доли потребления энергии на так называемые возобновляемые источники энергии — геотермальные, морские приливы, солнечную энергию, ветер, хотя условия для использования этих источников энергии есть не везде. Ученые подсчитали, что в XXI веке эти виды энергии смогут обеспечить не более двадцати процентов общего потребления энергии.

Одно из главных достоинств этих видов энергии состоит в том, что их использование не загрязняет окружающую среду.

У нас в стране тоже ведутся работы в этом направлении — для производства используется энергия морских приливов, энергия Солнца, энергия горячих источников.

Время от времени на Западе средства массовой информации начинают сообщать о «наступающем энергетическом кризисе» в СССР. Суть этих сообщений, в частности, в том, чтобы оттолкнуть другие страны от притягательной силы социализма, вбить между ними и СССР клинья раздора.

Можно себе представить, как были раздосадованы в Вашингтоне, когда их пророчества в 1984 году превратились в мыльные пузыри! Именно тогда вступил в строй советский газопровод — крупнейшая топливно-энергетическая магистраль, протянувшаяся из Сибири в страны Западной Европы. Не танки и ракеты пошли с Востока Европы на Запад, а мирная энергия.

Наша страна считает, что решать современные энергетические проблемы возможно лишь на пути взаимовыгодного равноправного сотрудничества всех стран. Методы диктата и грабежа недопустимы.

Мы — за оздоровление международной обстановки, а это — гарантия от любых кризисов и катаклизмов.

И последнее. Можно с уверенностью сказать, что патриотизм советских людей, помноженный на достижения науки и техники, в условиях социализма поможет преодолеть любые трудности. Нам энергетический голод не грозит. Но хотелось бы также пожелать, чтобы из потенциального источника вооруженных конфликтов энергоресурсы на нашей планете стали объектом взаимовыгодных отношений, о которых мечтает все человечество.

СОДЕРЖАНИЕ

Лица и маски	3
Старт был в Дехрадуне	19
Операция «Плумбат»	27
Пираты нефтяных дорог	37
Судьбы скитальцев	47
Океан и «черная сыпь»	59
Тучи над Персидским заливом	69
Тайна древнего колодца	81
Япония в ожидании...	93
Оазис в безжизненных песках	103
Первый фонтан	113
Шахбут летит с трона	125
За фасадом брунейской «Венеции»	133
Янки дома и «к востоку от Суэца»	141

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Вадим Борисович Кассис

ТАИНА ДРЕВНЕГО КОЛОДЦА

О черки

ИБ № 6578

Ответственный редактор

Э. П. Микоян

Художественный редактор

Б. А. Дехтерев

Технический редактор

Н. Ю. Крапоткина

Корректоры

И. В. Козлова и Э. Я. Сербина

Сдано в набор 12.01.84. Подписано к печати 21.10.85.
А14631. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновен.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр.-отг. 24,57.
Уч.-изд. л. 10,76. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2692.
Цена 55 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Детская литература»
просит отзывы о прочитанных
книгах присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Кассис В. Б.

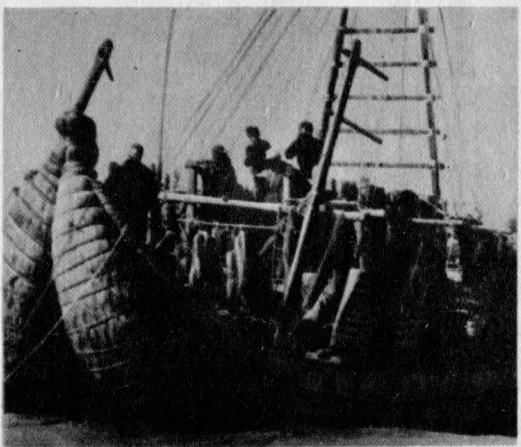
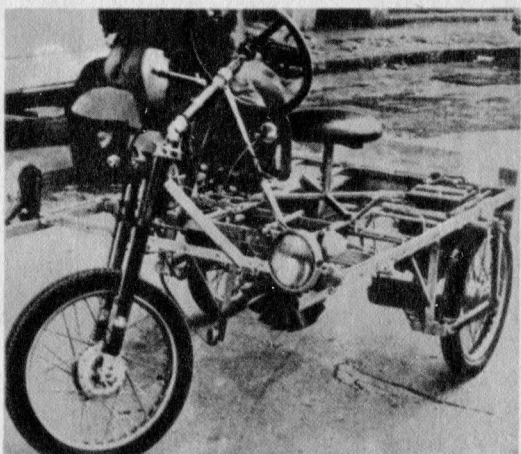
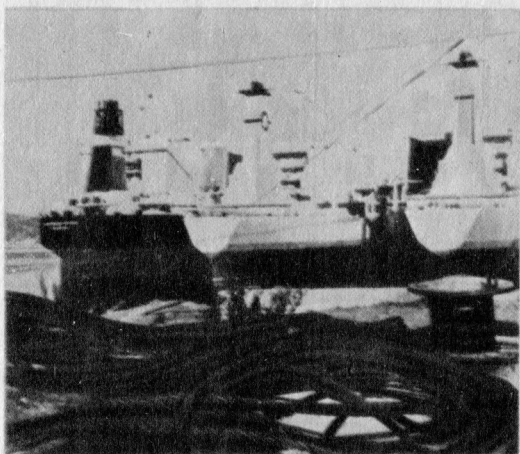
К28 Тайна древнего колодца: Очерки/Худ. А. Бобрусов.— М.: Дет. лит., 1985,—158 с., ил.

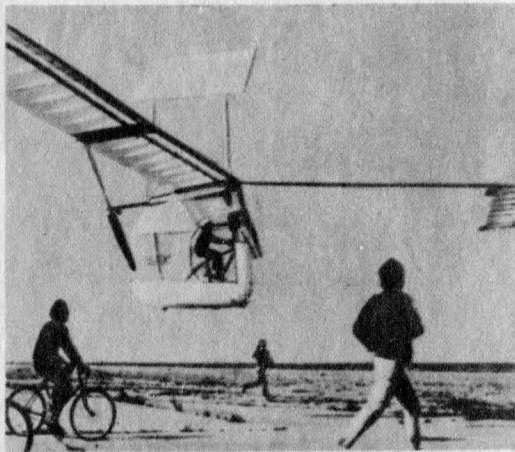
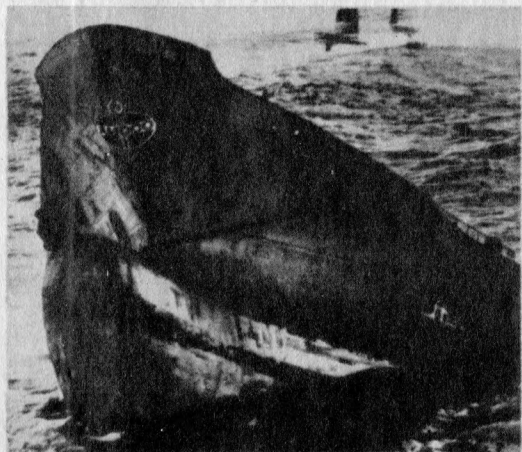
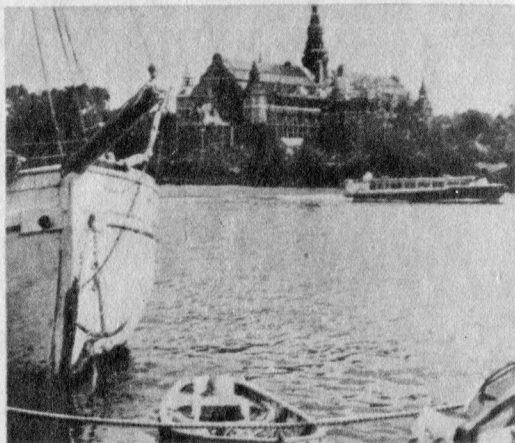
В пер.: 55 к.

Автор книги, журналист-международник, побывавший во многих странах, рассказывает о проблемах энергетики, ставших сейчас одними из главных проблем капиталистического мира.

К 4802010000—539 086—84
М101(03)85

ББК 65.9
33М

55 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА »**